

18+

Алексей Тихонов

Выучиться на Бога

Алексей Тихонов

Выучиться на Бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51846937

ISBN 9785449853684

Аннотация

Он – воин. По рождению, по воспитанию, по образу мысли. Воин до мозга костей, твердо знающий двух своих главных врагов: бесчестье и смерть. Смерть, отвратная любому живому существу, и бесчестье, которое для благородного человека страшнее. Разве можно было предположить, что Судьба способна приготовить ему гораздо более тяжелое? Что, выживший и сохранивший честь, он проклянет собственное спасение? И разве можно было догадаться, какие открытия принесет отчаянная борьба с жестокой Судьбой?..

Содержание

Пролог	5
Часть первая. ПЕРСТ СУДЬБЫ	12
I	12
II	51
III	92
IV	128
V	189
Конец ознакомительного фрагмента.	211

Выучиться на Бога

Алексей Тихонов

*Памяти Андрея Голикова,
внезапно, безвременно, в 33 года ушедшего
товарища,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

© Алексей Тихонов, 2020

ISBN 978-5-4498-5368-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«И весь он, все тело его ликovalo, впитывая в себя чудесное, могучее, пьянящее ощущение жизни, которое приходит к человеку и захватывает его всякий раз после того, как он перенес смертельную опасность»

Б.Н.Полевой

Пролог

Ветра почти не было, пушистые хлопья снега медленно и редко опускались на землю. Чтобы сразу превратиться в гадкую, грязно-серую кашу. Странное дело – на дворе середина декабря, а морозов не случалось до сих пор. Упомнят ли подобное старики? С крыши вместо сосуллек весело сбегали талые ручьи, барабанили по доскам веранды.

При том ведь не сказать, что кругом царило благодатное тепло. Стылость, сырость, слякоть – нормальные люди в такую погоду стараются дома сидеть. А на улице торчали только двое: он, Басо, да охранник Канцелярии. И ладно охранник – обвешанному кожей и железом воину по службе полагалось выситься бесстрастным истуканом, а зачем топтаться здесь Басо? Второй час, кстати, топтаться. Вдобавок одежда была выбрана явно неудачно, и теперь отделаться перемином на месте не удавалось. Не очень достойно приличного чиновника, но Басо подпрыгивал, пыхтел, хлопал себя по плечам. Главное – драгоценный футляр не выронить. Вещь древняя, обивка протерлась, еще по пути чуть намокла, поэтому следовало беречься.

Охранник, зараза, даже бровью не повел на мучения человека. Ни словом с таким перемолвиться, ни сочувствие получить – уставился слепым взором в даль и изображает из себя статую с алебардой. А чего там углядишь? Басо дав-

но успел все рассмотреть: равнина серого снега, испещренная черными штрихами-прогалинами, разбитая нитка дороги, несколько домиков, часовня рядом, роща. Деревья дыбились голыми скелетами, дорога пустовала, небо хмурилось и прекращать сыпать хлопьями не собиралось. Тоска.

Слегка улучшилось положение с ранними зимними сумерками. Изнутри здания донесся приглушенный звук гонга и тотчас, будто у порога ждали, распахнулась дверь. Чиновники, молодые и в возрасте, поодиночке и группами, потекли на улицу. Разговаривали, смеялись, оживленные, – как-никак домой, к семьям, к очагу и ужину. Не всем же мерзнуть на проклятой веранде!.. Басо, стоявшего в стороне от прохода, приветствовали, а он в ответ кланялся непрерывно, точно игрушечный болванчик. Даже зло брало... Прости Господь, грешные порывы... Наверно, думают, прибывший издалека сослуживец пропускает их, чтобы войти в здание Канцелярии? Ох, как бы он мечтал кинуться в полутемное, но такое теплое жерло дверей! Однако нельзя, долг превышает прочего. Здоровья в том числе. Самое большее – размять спину непрерывными поклонами да обмениваться парой фраз с кем-нибудь из хороших знакомых.

Жаль, народу в Канцелярии работало немного – человек пятнадцать-двадцать, знакомые скоро кончились. Хотя о чем это он?! Слава Творцу, что народу было мало! Так они, по крайней мере, быстрее вымелись вон. И приблизили момент, ради которого имело смысл дрожать в сырости.

Еще с полчаса минуло в тягостном ожидании, когда из приоткрытых дверей выглянуло круглое мясистое лицо. Гордое до чрезвычайности, как у всех слуг высоких сановников, оно обозрело окрестности, задержало взор на Басо. Ни слова, ни кивка, лишь надуло губы и нырнуло обратно. Тем не менее страдалец вострепнулся – надвигался судьбоносный миг. Обыкновенно господин Укава, начальник Канцелярии, заканчивал работу гораздо позднее остальных, шептались, чуть ли не к полуночи. Естественно: серьезная должность, ответственность, море бумаг и важных решений, способных повлиять на жизнь целой страны. Тем дороже была милость, оказанная простому, незаметному чиновнику.

Первым на веранду выступил все тот же слуга, надменный, пузатый коротышка. В руках – прямо королевское знамя – фонарь на палке, за спиной – корзина с документами. Басо признавал, что одевался слуга, пожалуй, лучше его самого, и разукрашенный резьбой фонарь стоил приличных денег, однако заносчивого вида коротышки это не извиняло. Розги наглец не дополучал! Даже появившийся следом начальник Канцелярии выглядел менее спесиво.

Господин Укава имел внешность идеального вельможи – высокий, полнотелый, с благородной осанкой и печатью мудрых размышлений на лице. Усы, согласно дворцовой моде, свисали до линии подбородка, брови строго хмурились, шелковая шапочка, роскошный шелковый халат с подолом, волочившимся сзади, серебряная цепь – такими художники

обычно рисовали государственных мужей. И, приветствуя такого, не грех было согнуть спину особо низко. Нынешнего начальника в Канцелярии любили. То есть не только почитали, уважали как всякого, занявшего значимый пост, но именно любили. Редкостное стечение обстоятельств – во главе ведомства оказался человек пусть требовательный, зато справедливый, способный слушать чужие мысли, самостоятельно их оценивать и не присваивать потом. С его приходом даже привычные сплетники утихли – все боялись лишиться хорошего руководителя. И вряд ли кому другому дерзнул бы адресовать диковинную просьбу Басо.

Достигнув величавой поступью середины веранды, Укава остановился, глянул на бегущие с крыши капли воды, поежился.

– Зонт, господин? – тотчас отреагировал слуга, теряя спесь.

– Не надо пока.

Вот он момент. Басо, набрав грудь воздуху, шагнул вперед:

– Нижайшее почтение, господин начальник.

Укава медленно повернул голову, посмотрел свысока, будто не ожидал здесь никого встретить.

– Ах, это ты, Басо. Все-таки пришел. Ну, чего там у тебя?

Трясущимися то ли от холода, то ли от волнения пальцами чиновник открыл футляр и извлек туго перевязанную бечевкой кипу бумаг.

– Ого! Внушительный труд, – Укава, отмахнувшись от помощи слуги, сам принял дар. – Признаться, не думал, что у тебя хватит терпения когда-либо завершить его. И бумаги сколько извел... Небось, на одних лепешках с лапшей целый год сидел? Семью мучил... Хотя ты не женат, верно?

– Совершенно верно, сир, – опять поклонился Басо. – Бранить меня было некому.

– Бранить, юноша, всегда найдется кому, – фыркнул Укава на робкое подобие шутки. – Понимаешь ведь, что я посмотрю твою писанину с придирчивостью? Как-никак не безвестный шалопай сочинял, на кону репутация Канцелярии! Осознаешь?

– Разумеется, господин начальник. Лишь о такой строгой оценке я и мечтаю.

– Это хорошо... Посвети-ка, Сицэмо!

Вельможа поднес рукопись к фонарю и перелистнул несколько страниц, заполненных аккуратным почерком.

– Старался, вижу, – проворчал он. – Времени там у вас в Ней-Тезе, похоже, свободного с избытком, вот и занимаетесь Бог ведает чем. От безделья.

– Честное слово, господин начальник! – вспыхнул Басо. Хихиканье мерзавца-слуги уязвили его особо. – Исключительно вне службы создавалось!

– Ладно, поглядим... О какой эпохе взялся писать?

– Начало одиннадцатого столетия от сотворения мира.

– Давненько. Благая Весть?

– Э-э... Лет за двадцать до того.

– Но Великий Пророк уже родился? – Укава покачал головой. – Годой... Ох, Басо! Ну чего бы тебе не изобразить житие Пророка или хотя бы шествие по миру его идей? Почему обязательно хардаи? Мало проблем со Святой Матерью Церковью?

Чиновник потупился, точно нашкодивший мальчишка, но ответил упрямо:

– Вы же в курсе, господин начальник, я долгие годы работаю с хардаями, по сути, живу с ними бок о бок. Кое-что узнал, кое о чем расспросил. Это же, возможно, зачин большой летописи! А описывать житие святых – занятие для церковных служителей, тут я не силен. У нас ведь Канцелярия по делам хардаев!

– Подучился бы, книг толковых почитал... М-да. Хардаи... Они, конечно, славные, непобедимые воители, многое сделали для страны, однако далеко не всем понравится возвеличивание клана язычников.

– Но я же не возвеличивал, господин начальник! Я лишь пытался зафиксировать их историю... Не моя вина, что началась она чуть раньше Благой Вести!

– Тем хуже для истории, – повысил голос Укава. Затем продолжил мягче, – Ладно, Басо, посмотрю на досуге, после решим, как с твоим... творением поступить. Название, безусловно, заменим – ни к чему зря Церковь дразнить... – он свернул бумаги и передал слуге. Сам спрятал ладони в ши-

роких рукавах. — Холод-то какой... Хотя правильно я велел ждать здесь. Станные свитки, перешептывания в кабинете, сомнительные летописи... Навевает подозрения. Не доставало еще неприятностей из-за этой ерунды! Впредь являться опять же только по моему приказу. И не болтай никому. Понял?

Часть первая. ПЕРСТ СУДЬБЫ

I

Самым трудным оказалось – прийти в себя. Просто вынырнуть из мешанины бессвязных, темных видений и всплыть туда, наверх, к свету. А заодно к боли. Они были теперь неразлучны: серый, режущий свет и боль, многоликая, но вездесущая. Стоило ли тогда всплывать? Будь его воля, человек, не исключено, остался бы в мире видений. Там тоже хватало кошмаров, а существование грозило вскоре угаснуть, зато хотя бы плоть не бесилась в мучительных судорогах. Плоть там вообще отсутствовала.

Впрочем, роль ее такая, похоже, не устроила – именно плоть грубо потянула сознание вверх. Зачем? Хотелось еще пострадать? Или отыскалась в глубинах памяти иная цель?

Как бы то ни было, он очнулся. А, очнувшись, тотчас застонал: болело все. Даже без движения ломило спину, крутило суставы, каждый вздох рвал грудь, каждая мельчайшая мышца вопила о беде, о тяжелых, непоправимых разрушениях. Ноги просто не ощущались, тогда как в самом центре головы полыхало подлинное пламя. Умереть, наверно, было бы легче.

Праздники случались нечасто. То есть дней, посвященных какому-либо из Небожителей, главных или рангом пониже, их родичам, помощникам и слугам, имелось вдоволь. Прибавить еще местных божков, известных порой лишь в одной деревне, а в придачу разных почитаемых личностей вроде легендарных предков, глав семейств и духовных подвижников, так, пожалуй, год превращался в сплошное торжество. Только вот назвать это настоящим праздником язык не поворачивался.

Нет, положенные ритуалы в Илдоке всегда соблюдали усердно, не сравнить с погрязшими в пороках соседями. Никакие жизненные невзгоды не заставили бы жителей страны пропустить первый день апреля – хоть дождь камней обрушится с неба, они обязательно, как сотни лет назад заведено, понесут в храм белого ягненка во славу младшего из Великой Троицы – лучезарного Винга. И августовская жертва громopodobному Каону – дары нового урожая – последует непременно. Каон – самый могучий из Богов, это знает каждый младенец, именно Каон властвует в мире, только вот... почему-то самые обильные подношения собирались теперь в декабре.

Шу, седой угрюмый старец, единственная отрада для которого – прервать бытие земной твари. Старший из божественных Братьев имел мало приверженцев. Его редко любили, разве кто-то из особо отчаянных, зато все боялись. «Придет час, и наши нити судьбы обрежет каменный нож Шу», –

пугали друг друга дети подслушанным от взрослых. Старец, конечно, не был ни демоном, ни злодеем, он лишь выполнял необходимое – завершал цикл жизни, дабы та смогла возродиться вновь. Но у кого не дрогнет сердце при мысли о неминуемом конце? Собственном конце! Шу не знал сострадания, его не трогали мольбы и проклятья, а высшим подвигом для героев древних легенд считалось выкрасть у палача свою нить. Правда, скольким смельчакам такое удалось? Тот же.

Отсюда общая неприязнь. Страх. И поклонение. Не подкупить старика, так чуть задобрить. Чтобы чуть позже взялся иссохшими пальцами за твою паутинку, отодвинул ее на потом – ему ведь все равно, он веков не замечает, а человеку каждый день под солнцем дорог. Ради лишнего же годика и подавно ничего не пожалеешь. Оттого святилища Шу – разумеется, мрачные и громоздкие, порой вырубленные в темных недрах скал – на недостаток жертвований не жаловались никогда. Не являлась секретом и закономерность: чем тяжелее вокруг, тем плотнее поток жаждущих поклониться седому богу. Голод, мор, война – люди тотчас вспоминают о бренности бытия, торопятся любой ценой вымолить еще немножко времени, каются и клянутся в чем угодно. Отступает беда – уцелевшие опять захватываются будничными хлопотами, опять создают жизнь под опекой веселого Винга, копят богатства, славя Каона... Клятвы тонут в пыли забвения. До следующей напасти.

Ладно, очередной круговорот из бессчетного множества, на котором держится мир. Мудрецы уверяли: так было от сотворения Поднебесной и так будет впредь. Только вот... никакой мудрец не припоминал влияния храмов Шу, подобного нынешнему. Тут уж цикл явно не замыкался, что-то нарушилось в тонком механизме, устроенном Небожителями. А такое нарушение, хочешь не хочешь, ощутишь. Осознает не всякий, подыщет подтверждения с обоснованиями лишь гений, зато ощутит даже безмозглый дворовый пес, что брешет на каждую пичугу. Тогда он примется выть по ночам, вгоняя хозяев в еще большую тоску, те, побряхтев, соберут новые дары. Каковые понесут, естественно, к самому мрачному из окрестных храмов. А куда иначе? Беда ведь...

В Илдоке шла война. Вернее, не так – война шла кругом, везде. Острова Диадона жили войной. Давно жили, успели, чудилось, свыкнуться с непрерывностью череды битв, осад, триумфов и разоров. Истоки нынешней вакханалии терялись в памяти поколений – сражались деды, отцы, суждено сражаться и внукам. Разве есть иной способ существования?

Однако то, с чем сумело примириться человеческое сознание, едва терпела плоть бытия. Зарастали брошенные пахарями поля, хирела торговля, пустели кварталы извечно шумных городов. Силы Илдока истощались, медленно, но неуклонно – пытливый взор подмечал даже по проезжаемой единожды в год дороге. Пожалуй, если что и спасало княжество в теперешнем состоянии от внешних угроз, то ис-

ключительно одновременное ослабление соседей. Многотысячные битвы древности уже воспринимались как фантазии сказителей. Или так измельчали потомки великих воинов? А как прикажете не измельчать, когда с ничтожными перерывами бои длятся восьмое десятилетие?.. Восьмое? Или девятое? Сейчас уж точно не определить. Да и важнее другое – положение вырисовывалось скверное, навевающее тягостную, пронзительную тоску. Хотя вправду беги на поклон к зловещему старцу Шу...

– Скверно... – Айнар сам не заметил, как произнес это вслух.

– Ну что вы, господин! – рядом с готовностью всплеснул руками Ориема. Седому слуге, пестовавшему хозяина почти с пеленок, позволялось многое. Чем он и пользовался с бескорыстным усердием. – Полно убиваться. Эка невидаль – брат обошелся неласково? Ведь не впервой...

– М-да... – криво усмехнулся Айнар. – И, чую, не в последний раз.

Старик Ориема, конечно, заслуживал доброго взгляда за истовое желание утешить, но выдавить из себя подобный взгляд не получалось. Да и как благодарить слугу, который, в сущности, являет собой немой укор? Блестящего воина княжества сопровождал... одышливый, рыхлый телом простолюдин. Вчерашний конюх вместо бравого оруженосца! Обернешься на такого, и стыд жжет щеки... Хотя понимаешь – лучше такой, чем вовсе никакого. А кто согласится

служить лишь за скудную кормежку да латаное платье? Даже не согласится, сам вызовется, напросится, мечтая уберечь подросток от мирских напастей... Слов нет, поначалу трезвый, хозяйственный рассудок Ориемы оказывался весьма полезен, однако нынче... Преданного старика, впрочем, не сменишь. Не только потому, что тот, пожалуй, еще вздумает умереть от внезапной обиды. Денег у блестящего воина за минувшие годы не сильно прибавилось, а без них попробуй найти охотников таскаться по дорогам и полям, из битвы в битву, рискуя головой.

– В конце концов, хвала Небесам, кое-что от брата все же перепало, – продолжал разглагольствовать слуга, подогнав своего понурого мула к стремяни Айнара. – И князь, да продлятся его дни, наверняка не забудет вашей, господин, недавней доблести, тоже одарит.

– Очередным серебряным кольцом? – фыркнул воин. – На него мы, старина, и недели не протянем. Опять же не понесешь ведь дар солнцеликого на рынок? Придется цеплять к предыдущим. Сколько их там скопилось?

Ориема хлопнул себя по груди и вслушался в глухое звяканье под одеждой с явным удовольствием.

– Двенадцатое, господин, – сообщил гордо, словно сам добыл все эти знаки высочайшей милости. – Едва ли у кого из Ближних сыщется так много...

– Не преувеличивай, – Айнар вяло поморщился. – И у Кейхата, и у Дитоми они связками на стенах висят. Даже

у сопливого Киенео вряд ли меньше моего. Толку, правда...

Слуга покачал головой – он помнил, как ликовал, как плакал от счастья юный хозяин, получив из княжеских рук первое кольцо. По итогам первой серьезной битвы, где они чудом уцелели. И на пороге долгих восьми лет кровавой страды.

– Уверен, большие награды не за горами, господин. Вы ведь теперь – боязно подумать – на вершине отторо! Верно?

Еще одно утешение, лишь пуще растрavляющее душу!

– Верно, – буркнул Айнар. – Верно, старина. Вот только приятнее быть последним среди аннинов, чем первым среди отторо. Как вообще сравнивать передний ряд Ближних с задним? Там, сзади, не очень и важно, какое место занимаешь... Все равно не видно...

– Но кому претендовать на передний ряд, если не лучшему из отторо? – вкрадчиво заметил Ориема.

Они ехали полупустынным трактом. Жара, допекавшая почти месяц, чуть спала, даже не грянув обычной в таких случаях бурей. Где-то на краю небосклона похмурились тучи, пару раз гроыхнуло, чиркнуло сквозь темноту гневным пламенем Каона и более ничего. Жухлые от засухи крестьянские нивы словно в насмешку получили горсть дождевых капель.

Зато явно оживились дороги. Те, кто неделю за неделей просиживал под крышей, предпочитая убытки гибели на чудовищном солнцепеке, сейчас спешно собирались в путь.

Сколько даруют Боги терпимой погоды? Навсегда ли ушло пекло, многими уже поминаемое, как недобрый знак? Надо успеть провернуть хоть малую толику скопившихся дел, тогда и грядущие напасти авось перебедуются легче... Не сказать, что с прохладным ветерком жизнь в княжестве забурлила, но людей на тракте хватало. Крепкие купеческие караваны, крестьянские повозки, обозы городских работников. Каждый торопился, покрикивал, щелкали кнуты, храпели лошади, десятки подошв и копыт усердно взбивали отсыревшую дорожную пыль.

Впрочем, даже в крайней спешке всякий путник не забывал регулярно озираться. Как теперь – тучный, голый до пояса верзила, шедший в хвосте каравана, оглянулся и замер. Потом резко крутанулся на месте, согнулся, открыв жидкую кисточку волос и лоснящийся загривок. Айнар едва шевельнул пальцами державшей узду руки.

– Дорогу! – багровея, с натугой взвыл толстяк. Развернулся к своему каравану и замахал копьём. – Дорогу благородному господину! Вправо примите, олухи, демона вам в пень!.. Мигом посторонятся, господин...

На лице молодого воина не дрогнул ни один мускул – застывшая маска высокомерной отрешенности. Нынче Айнару не приходилось стараться, он привык сохранять это выражение в любых ситуациях, как подобало человеку его ранга. А черному люду подобало срочно очистить проезд, остановиться и почтить дворянина низкими поклонами. Так бы-

ло всегда, так произойдет и теперь. Айнар даже не чувствовал желания обернуться – вековые заповеди, конечно, выполнят в точности. Никто не захочет испытать на собственной шкуре остроту клинка встреченного дворянина. Или воин просто не мог выкарабкаться из сетей тягостных дум? Тот Ориема начал озабоченно коситься на хозяина...

Праздники случались нечасто. И если уж Небожители вдруг смиростивились к обитателям земли, если позволили среди вселенской скорби воистину радостное, грех упускать такое, не повидать, не поучаствовать. Колыхавшийся кругом поток хоть и освобождал дорогу благородному путнику, общего движения не прекращал – только вперед, по тракту, который через холмы и реки выведет к Шораи, столице княжества Илдок. Именно там со дня на день должны были грянуть основные события, именно туда спешили торговцы с крестьянами. За каким бесом сорвалась в дальний путь эта пестрая, потная, шумливая толпа? Что-то выгодно продать, что-то купить, хлебнуть дармового пива, на что-то поглазеть, разевая рот. А больше, вероятно, отдохнуть душой в бесшабашном водовороте веселья, такого редкого и такого манящего. Ради подобных минут отступит даже барыш, можно махнуть рукой даже на срезанный карманниками в сутолоке кошель: ведь разворачивалось почти забытое – праздник! Не чинный вековой обряд, не назначенное сверху торжество, а искреннее, всеобщее ликование народа.

Через день во дворце Шораи предполагалось заключение

мирного договора: Илдок прекращал давнишнюю вражду со своим западным соседом – княжеством Гайафа. Толки об этом велись с зимы, вся страна до хрипоты спорила, боясь поверить в немыслимое. Чтобы полудикие тигоны, правящие в Гайафе, решились пойти на мировую? Добровольно? Без тайных козней да громких поражений? Верилось, поистине, с трудом. Ладно соседи с севера – Ямаута, там и люди почти свои, и властители в родичах не одно поколение. Или Хамаи-Саро на юге – по большей части чужаки, зато просвещенные, вечные поставщики диковинок, моды и сплетен. Опять-таки даже со столь приличными соседями сплошные хлопоты: договоров-то подписывалось великое множество, но редкий из них просуществовал дольше пары лет. Несколько совместных походов, пиршества с клятвами, а затем неизменно случался какой-нибудь скандал, открывавший дорогу новым годам ожесточенной вражды. Союзников же Илдок всегда искал именно против Гайафы. И вот теперь...

Справедливости ради надо сказать, что без подталкивания тигонов к миру не обошлось. Айнар знал это лучше многих – месяца не минуло как в верховьях Тонавы, прямо во время хитромудрых переговоров ратники Илдока разгромили нагло грабивший чужую землю отряд. Тигонский отряд. Айнара не слишком беспокоило, как дипломаты обеих сторон выпутаются из щекотливой ситуации – судя по готовящимся торжествам, у них получилось. Волновало другое: в том бою был тяжело ранен старый Хема, воин-аннин. Через

неделю он скончался. Значит, предстоит очередное смещение в длинной цепочке Ближних князя. Значит, он, Айнар, дравшийся месяц назад как обычно неистово, добывший две головы достойных врагов и проливший собственную кровь, обретет шанс сделать новый шаг вперед...

– Очень важный шагок...

– Разумеется, господин! – тотчас подхватил Ориема промолвленное хозяином. – Да упокоится доблестный Хема в Небесных Чертогах, однако его героическая гибель послужит вам на пользу.

– Глупости говоришь, – поморщившись, Айнар отвернулся, но толстяк и не думал отставать.

– Что вы, господин, ничуть не глупости! Сами же рассуждали: князь привыкает к аннинам, доверяет им, и лишь поддвигами в передний ряд не протолкат...

– За языком следи, старик! – оборвал Айнар. Он даже покосился вокруг, словно кто-то из простонародья мог подслушать чересчур вольные речи.

Помолчав, Ориема все-таки закончил полусшепотом:

– Перст судьбы, выходит, господин. Понимаете? Великие Боги ведут вас к новым громким достижениям, и князю, да продлятся его дни, останется только закрепить волю Небес...

– Ха, небольшое достижение – первый из отторо.

– Но ведь и битвы еще, чаю, не все завершились...

– Ладно, хватит! – воин хлопнул себя по колену. Лесть

преданного слуги никогда не блистала искусностью, а сегодня, под мрачное настроение, внимать ей было вообще невыносимо. – Езжай вперед, озаботься обедом.

– Может, сразу о ночлеге разузнать?

– Никакого ночлега, спать ляжем в Шораи.

– Господин!.. – скривился Ориема. Долгие переходы давались толстяку тяжело.

– Не спорь, только в Шораи! – отрезал Айнар. – Потребуется – в темноте поедем, но нынче же до города доберемся. Сколько, в самом деле, ползти?

Путешествовали они вправду небыстро. От родового замка Годоев столица располагалась примерно в полусотне миль, и редкий благородный всадник отказался бы от удовольствия пронестись это расстояние за день-полтора веселого галопа. Между тем Айнар со слугой пылились в дороге уже третьи сутки. Даже попутная чернь озадаченно косилась на воина, предпочетшего галопу мелкую, неторопливую рысцу. Кто-то, наверно, списывал столь диковинное поведение на задумчивость дворянина, кто-то – на слабосильность слуги, грузно трясшегося в седле. Истинная причина была гораздо проще. И жестче: бедность. Восемь лет постоянных сражений не принесли Айнару богатств, он по-прежнему еле сводил концы с концами. Отсюда одышливый толстяк в качестве оруженосца, отсюда – скромный наряд, отсюда же – нехватка подменной лошади. И в самой мирной поездке приходилось использовать боевого коня, другого по-

просту не имелось.

Впрочем, собственно на Дикаре, рослом игренем красавце с вечно сияющими неистовством глазами, отторо не сэконо-
номил. По счастью, покупал еще угловатым жеребенком, но и тогда деньги были уплачены чудовищные. В дело по-
шли все сбережения до последнего гроша, жалование за три
месяца вперед, средства от продажи кое-каких вещей, дол-
ги... Старый Ориема рыдал, умоляя хозяина одуматься. Того
перспектива полуголодного существования тоже не радова-
ла, но твердость воли он проявил. И никогда не раскаивался:
Дикарь вырос в коня незаурядного, статью, нравом, верно-
стью вызывавшего общее восхищение при княжеском дворе.
Уже давно стихли выгодные предложения – Айнар смог бы
купить на выручку трех приличных лошадей, но даже не рас-
сматривал подобные идеи. Великолепный конь требовался
не для забавы, не для утешения гордыни. Сама жизнь воина
напрямую зависела от его коня, доспехов да оружия, вот он
и не скупился на них. Причем только на них...

Отставание от мула Ориемы Дикарь воспринял с ожида-
емым возмущением. Жеребца не интересовали планы хозя-
ина побережь его силы, он рванулся, закусывая удила, сле-
дом, и понадобились нешуточные старания, чтобы утихоми-
рить рассвирепевшее животное. А тут еще как назло по трак-
ту пронеслась группа молодых дворян. Не из Ближних, ко-
нечно, какие-нибудь сынки мелких землевладельцев-мура-
дов, спешащие на празднование. Поравнявшись, незнаком-

цы сдержали бег коней. Совсем юные, безусые мальчишки, полные наивного любопытства и задора. Слава Богам, у них хоть ума достало не усмехнуться при виде борьбы одинокого, угрюмого воина с норовистым скакуном. Никто не фыркнул ни на седой от пыли халат, где уже не разобрать узора, ни на медленную рысцу. Попутчики степенно раскланялись и помчались дальше. Настроение Айнара продолжало портиться.

Деревушка, назначенная им для привала, была обыкновенна до раздражения: десяток убогих, скособоченных глинобитных хибар, вжатых в землю соломенными крышами; куцы, иссохшие огородики; голодно воющая живность. Вместо храма центром деревни, похоже, являлся постоянный двор. Внезапно пробудившийся тракт наполнил его народом, повозки теснились у входа, мешая проезду. Везде мелькали люди, что-то грузили, о чем-то спорили – гам над деревней висел знатный.

Звучали, впрочем, не только привычные вопли человеческого становища. Уши Айнара выделили из общего шума пару истеричных, нет-нет и сбивающихся на визг голосов – в воздухе пахло скандалом. Что там творилось – трактирная драка или налет разбойников – воина не интересовало совершенно. Хватало своих неприятностей, чтобы ввязываться в чужие. Между тем Ориема назад так и не выскочил, то есть серьезной опасности не предвиделось. Опять же зазорно благородному воину пугаться дебошей черни. Опять же

путникам требовался хоть небольшой отдых – Айнар вправду намеревался уже нынче достичь столицы.

Под эти раздумья всадник медленно одолел короткую деревенскую улочку. Мимо, обгоняя, неслись какие-то мальчишки, женщины, топали мужики, едва успевая поклониться незнакомому дворянину. В сумятицу охотно включились облезлые местные псы – они вряд ли соображали, что происходит, но не преминули залиться истошным лаем. Затем откликнулась скотина; занервничали, дергаясь в постромках, лошади; люди кинулись успокаивать их... Короче, дебош на глазах набирал силу. И еще одно очень не понравилось Айнару: ритмичные выкрики визгливых голосов сопровождались столь же равномерными волнами низкого гула. Так толпа настраивается на своих вожаков, заводит себя их иступлением, напивается энергией. А вконец обезумевшая толпа частенько опаснее шайки головорезов.

Тем не менее всадник и пальцем не шевельнул, чтобы сдержать коня. Принужденный к степенному шагу Дикарь достиг ворот постоянного двора. Здесь пришлось протискиваться между плотно сгрудившимися телегами. Боевой конь зло фыркнул на пару тщедушных фигур, копошившихся в проходе, и те прыснули прочь.

Во дворе перед приземистым, но обширным домом действительно плескался народ. Большая дорога собрала всех: крестьян, мастеровых, купцов, прислугу, мелких чиновников, даже нескольких дворян, а теснота с вожаками теперь

усиленно лепили из этого пестрого скопища единую массу. В роли вожаков выступали две странные личности, торчавшие на крыльце трактира. Один – явно жрец Каона, плешивый толстяк в поношенном желто-красном балахоне. Внушительное брюшко указывало на склонность служителя Верховного Бога к чревоугодию, а фиолетовый сливовидный нос – и к винопитию. Второй человек, оглашавший двор особо надрывными воплями, напоминал деревенского сумасшедшего: длинные всклокоченные волосы, горящие глаза, грязные лохмотья, крючковатая палка в руке.

– ...И ныне идут враги веры, – заходился он в крике, – дабы отвратить нас от пути пращуров! Кто звал этих нечестивцев? Разве народ Илдока отвернулся от Богов и пожелал себе новых кумиров?

– Нет! – тотчас подхватил жрец. Пара вообще ораторствовала на удивление слаженно. – Никто не звал сюда заезжих проповедников. Илдок издревле поклонялся своим Богам и не изменит им впредь! Никогда! Я прав, чада Каона?

Толпа откликнулась нестройным, сердитым гулом. Не так-то легко сплотить совершенно случайно встретившихся на тракте людей, да еще подвигнуть их на серьезное деяние. Приходилось трудиться в поте лица.

– Скорее Небеса обрушатся на землю, почерневшую от пороков! – тряс палкой лохмотник. – Скорее горы опрокинутся, а моря иссохнут до дна, чем народ Илдока назовет своими чужих Богов! У себя пусть иноземцы служат ложным

кумирам, нам же ядовитые сказки не надобны! От них только скверна и гибель!

– Но ядоусты неугомонны, – вступил жрец. – Им не сидится дома. У них, видать, сердце кровью обливается, если кто-нибудь делает что не по их порядку. Обязательно нужно всех подчинить одному! Неважно, случится ли при этом разлука, болезни, беды в дальних краях, главное – подчинить! Слышите? Склонить вас, чада, под чужое ярмо!

Тут яростный ритм действия чуть нарушился – толпа отвлеклась, прынула в стороны, и к крыльцу приблизился воин на могучем коне. Оба оратора примолкли, недоуменно озирая незнакомца. Лишь сейчас Айнар заметил, что в руках у них ворочается еще человек. Стоявшего на коленях бедолагу в серой дерюге явно били, причем долго и усердно, теперь он только тихо поскуливал да закрывал голову локтями. Похоже, грозные обвинения адресовались также ему.

Откуда-то сбоку вынырнул Ориема, бледный и озабоченный.

– Господин, давайте уедем отсюда скорее! – прохрипел, прижавшись к стремени. – Небесами заклинаю, не нравятся мне здешние склоки! Честное слово, лучше бы не встречать, пока худого не приключилось...

– Чепуха.

Тщательно сохраняя осанку, Айнар слез с коня, отряхнул одежду, поправил меч. Подозрительные взгляды десятков людей иголками царапали кожу, но требовалось не дрог-

нуть даже бровью. Каменная маска холодного, презрительно-высокомерия – у него были хорошие учителя манер. Простонародье должно сразу почувствовать свое место и не посягать на большее.

– Э-э... господин... – протянул растерянный жрец, когда незнакомец шагнул на ступени. – Как...

Айнар поднялся молча, чем ввел собравшихся в окончательное смятение. Остановился рядом с троицей, обвел ее долгим, снисходительным взглядом. Толстяк-жрец покраснел и потупился, словно мальчишка, лохмотник зыркнул волком, бедняга на коленях... Тот едва позволил себе отвести от лица руку, но на миг блеснул влажными, слезящимися глазами.

– Чего тут у вас? – капля насмешки, капля брезгливости, капля скуки – дозировка получилась отменной.

– Э-э... вот, господин... – опять промямлил жрец. – Вот, извольте видеть... Этот нечестивец, он... проповедовал вредные измышления, богохульствовал злобно... славил чужих кумиров, сея сомнения в души преданных чад Каона!

– В Илдоке почитают множество богов, чем вам не угодили новые?

– Но негодяй надругался над верой наших отцов!

– Прямо уж надругался? – фыркнул Айнар.

– Он сбросил наземь изваяние Великого Каона! – внезапно рывкнул лохмотник, тряхнув гривой спутанных волос. – Дюжина людей подтвердит! А за такое кощунство

единственное наказание – смерть!

Айнар медленно повернул голову, и под его взглядом толпа покорно расступилась, открывая лежащую в пыли фигуру. Деревянный уродец в половину человеческого роста, темный от времени и явно вырубленный топором какого-нибудь местного умельца. Подобные нередко водружали на постоянных дворах, дабы проезжающим не ходить с пожертвованиями до ближайшего храма. Удобно – закусил, запряг лошадей и тут же умилиствовал всемогущих Небожителей перед дальней дорогой. Разумеется, храм не оставался в накладе – часть подношений обязательно отсылалась ему.

– Нечаянно опрокинул? – высказал предположение воин.

Жрец тотчас всплеснул руками:

– Какое там, господин! Все видели: бранился, насмехался, а после принялся раскачивать изваяние. Люди побежали унять, но, увы, опоздали...

Айнар посмотрел сверху вниз на пойманного злодея – тот всхлипывал, переминался на коленях, однако обвинениям не возражал.

– М-да. Напрасно, приятель.

С этими словами воин двинулся дальше, к дверям. Опешившие судьи расступились.

В трактире было сумрачно и пусто. Не сновала прислуга, не стучали плошки, даже ароматы недавних кушаний ощущались еле-еле. Сбитые циновки, оставленная в беспорядке посуда, мерное капанье пролитого пива. Лишь в углу отыс-

кался человек, но и то крепко спящий, уткнувшийся лицом в стол.

– Хозяин! – позвал Айнар. – Есть кто живой?

Из-за его спины высунулся Ориема, осторожно огляделся.

– Никак поголовно все на судилище, господин. Еще бы – этакое развлечение не каждый день увидишь. Теперь, похоже, пока горемыку не повесят, не успокоятся. Придется ждать.

– Как? – набычился воин. – Ждать? Мне ждать каких-то святош с их глупыми забавами?!

Он крутанулся так, что слугу отбросило, и ринулся назад. На крыльце, в душном мареве, между тем уже возобновились прерванные заклинания.

– ...Разве вы, благоверные жители Илдока, – распинался жрец, утирая мокрую шею, – способны терпеть, когда на глазах оскорбляют Богов? Разве не ваш прямой долг – покарать гнусного злодея? Покарать немедленно, на месте преступления, без всякой жалости и в назидание другим осквернителям! Как просить о милостях Великого Каона, если мы попустим сегодняшнее глумление над Его образом? Не бывать этому! Я прав?

Толпа ответила мрачным ревом, еще не безумным, но вполне грозным. Люди, сжимая кулаки, подались вперед... и опять застыли – рядом с троицей на крыльце возник недавний дворянин. Расставил ноги, подбоченился. Сквозь надменную маску блеснуло пламя нешуточного гнева, и про-

стонародье инстинктивно попятилось.

– Господин!.. – обернулся раздосадованный очередной помехой жрец, однако Айнар лишь отмахнулся.

– Где трактирщик? Живо сюда, прохвост! В кои то веки благородный человек заехал в ваш клоповник, а и то обслужить ленитесь? Живо!

В толпе кто-то испуганно закопошился, но жрец подскочил первым:

– Господин, как вы не понимаете, здесь идет священный суд! Нельзя мешать в столь важном деле!

– Чепуха, а не суд, – фыркнул Айнар. – Мне сейчас кусок баранины куда важнее всех зазываний под дверью.

Лицо толстяка пошло пунцовыми пятнами.

– Да разве можно такое говорить, господин? Не имею чести знать вашего имени, но богохульные речи непростительны любому дворянину!

– Ты, болван, еще поучишь меня, о чем говорить, а о чем нет? – рассвирепел Айнар.

Жрец хоть и съежился под нависшей над ним фигурой воина, не сдавался:

– Нельзя!.. Нельзя замахиваться на святое! Волей князя мы, служители Каона, следим здесь за чистотой веры, нам и решать... У нас найдется управа на всякого...

– Как? Замолчи, тварь, пока я не прихлопнул тебя и не разогнал это дурацкое сборище! Ты кому угрожаешь?

Айнар уцепил толстяка за ворот, встряхнул так, что

у дерзкого клაცнули зубы.

– Да они же из одной шайки! – вдруг взвился за спиной отчаянный крик. – Такой же святотатец! Смотрите, люди, он хочет помешать правосудию и обидеть вашего духовного наставника! Чего же вы мешкаете? Хватайте негодяев! В петлю обоих!

Если б лохмотник с горящими глазами, не затевая вопить, напал сразу, Айнару пришлось бы туго. А так воин успел выпрямиться. Народ у крыльца переминался, сердито гудел, потрясал кулаками, но первым бросаться на вооруженного дворянина решил бы только сумасшедший. Он и решился – взыв, лохмотник вскинул свою палку. Яростно, зато медленно, неуклюже, даже мальчишки-новички в школе Эду исполнили бы это лучше. Айнар провалил удар, пропустил мимо пыхтящее и дурно пахнущее тело. Привычным движением стряхнул кровь с короткого, чуть изогнутого ножа. Безумец еще не осознал случившееся, а народ уже шарахнулся от веера матовых капель, плюхнувшихся в пыль.

– Убили! Святого отшельника из Аматоно убили! – запричитал кто-то, и его тотчас поддержали другие голоса. – Зарезали страдальца за веру! Великий Каон! Гляньте, люди! Беда!

Многие, смекнувшие, что действие принимает опасный оборот, торопились покинуть двор, уводили лошадей и повозки, но достаточно сыскалось и возмущенных. Айнар выдернул перепуганного жреца из-под бездыханного тела со-

общника.

– Ну-ка, мерзавец, уйми своих псов!

Толстяк, измазанный до пояса чужой кровью, и без того находился в шоке, а тут вдобавок острейшее лезвие прижалось к горлу. Тем не менее, выпучив глаза, он прохрипел:

– Беззаконие... Вы ответите... Народ... втопчет...

– Дурак, – поморщился воин. – Если я обнажу меч, деревня вымрет. Тебе этого хочется? Уйми их быстро!

Кое-как, ценой угроз и пинков удалось принудить жреца обратиться к людям. Красноречие он подрастерял, выступал глухо, сбивчиво, однако запал толпы чуть охладил. Или то морок, наведенный самозванными судьями, постепенно рассеивался? Все больше путников отворачивались от места трагедии, предпочитая вернуться на тракт; шум понесся уже деловой, житейский. Вскоре у крыльца топтались только человек пятнадцать, по преимуществу окрестные землеробы. Они, похоже, неплохо знали покойного и оставлять случившееся без последствий не желали.

Оглядев угрюмые лица черни, Айнар опустил нож. Толкнул локтем жреца.

– Расходитесь, чада, – буркнул тот безо всякого вдохновения. – Вы здесь ничем не можете, так позвольте же действовать высшим силам. Силам небесным и земным, духовным и светским. Лишь запомните произошедшее в деталях – будете свидетельствовать...

– Не увлекайся, – оборвал его Айнар. Потом добавил

громче. – Ну, слышали? Расходимся! Трактирщик с прислугой – в дом, а остальные – прочь. И путников гоните! Когда пообедаю и выйду, клянусь бородой Шу, любую живую тварь у порога буду считать врагом. Понятно объяснил?

Смысл этих слов уразумел каждый, толпа замерла. Воин пропустил мимо семенящих, втянувших головы в плечи трактирных, вслед им пихнул жреца. Еще раз оглядел ворчащее простонародье, не столько грозно, сколько презрительно.

– Сударь... – донеслось невнятное откуда-то из-под ног. – Господин... умоляю...

Оказалось, там очухался давешний святотатец – в пылу скоротечной схватки Айнар совсем о нем забыл.

– А тебе чего, горемыка? – поморщился воин.

Изломанная побоями и ужасом фигура вывернула растопыренную ладонь, блеснули белки глаз, скривились судорогой губы:

– Заклинаю, сударь... не бросайте!.. Они убьют меня... Во имя милосердия... во имя всего светлого, что, убежден, есть в вашей душе... спасите!

– Убьют? – воин выпрямился. От его недоброй усмешки люди попятились еще дальше, но убираться восвояси не торопились, хмуро сжимали кулаки. Отыскались и колья, вилы, цепи, прочий хозяйственный скраб, столь легко превращавшийся порой в оружие. – М-да, пожалуй, убьют. На меня-то посягнуть кишка тонка, зато доходягу упокоят стара-

тельно. И куда же тебя, приятель, девать?

– Спасите... – повторил злоумышленник жалобно. – До конца дней стану за вас молить...

Он осекся, не назвав, кому собирался адресовать благодарственные молитвы. Может, и правильно поступил – его положение без того было шатким. Айнар на миг задумался: одно дело – заурядный кабацкий скандал, перепалка, нападение на дворянина и жесткий отпор; иное... Потакание преследуемому распространителю какого-нибудь вредоносного учения грозило неприятностями. Князь, конечно, Ближнего в обиду не даст, но покарать вполне способен. А сейчас это казалось крайне несвоевременным. С другой стороны до дрожи хотелось лишний раз щелкнуть чернь по носу, напомнив ей место...

– Хорошо, – хмыкнул Айнар. – Поднимайся. Ориема, пособи человеку войти в дом! Больно уж тебя перепачкали... сударь... Не дозволим расправы без княжьего суда, пусть шакалья стая не скалится.

В зале трактира уже царила суета. Хозяин заведения и пара его слуг старались на совесть, лишь бы угодить пугающим гостям. Вернее, лишь бы спровадить их с наименьшими убытками. Длинный стол возле окна тщательно протерли, убрали следы прежних посетителей, включая дремавшего в углу пьянчужку. Выставили нехитрую снедь: лапша, рыба, пресловутая баранина да пиво, явно здешнее, деревенское.

Айнар прошел мимо подобострастно согнувшегося трактирщика.

– Недурно, – кивнул с усмешкой. – Еще наполни торока овсом. И чтоб отборным! Проверю.

Рядом Ориема выпучил глаза, но сдержался, пока трактирщик, кланяясь, не удалится к дверям.

– Господин! – зашептал затем толстяк. – Вы готовы все это принять? Мясо, пиво, овес... А чем мы расплатимся?

– Придумаем что-нибудь, – оглядевшись, Айнар решительно поменялся со старым слугой местами: не то солнце слишком било в лицо... не то шальной камень из окна грозил задеть дворянина. – В конце концов, оскорбившая путника деревня могла бы и вытерпеть небольшой ущерб. Вполне справедливо, по-моему.

– Опять нарушаете закон, кимит, – просипел сквозь зубы пунцовый от натуги жрец. – Но, видят Боги, придет день, воздастся...

Воин крутнулся:

– Какой я тебе кимит, морда? Или ровней себя посчитал? Брюхатый завыватель гимнов сравнялся с сыном благородного семейства в двенадцатом колене? Ох, мыслил усадить мерзавца рядом за стол, а теперь схоронись-ка в углу, чтобы я тебя не замечал. Звука не подашь, если жизнь ценишь! Пшел!.. А вы располагайтесь, любезные, без церемоний.

Сам он сел первым, потянулся к еде, тем более аппетит был отменный – долгая дорога успела встряхнуть ранний зав-

трак начисто. Ориема, в походах нередко деливший с хозяином кусок хлеба, тоже подключился без лишних слов. Зато спасенный преступник опустил на циновку робко, будто не веря в собственное везение. Сейчас, вблизи, удалось рассмотреть: еще молодой, лет двадцать пять – тридцать, по сути, ровесник Айнара. Высокий, узкоплечий, худой. Прочие черты терялись под многочисленными отметинами побоев – ссадины покрывали скулы и лоб, на торчащих из-под серой дерюги руках наливались синяки, запекшаяся кровь пятнала рваный балахон, даже волосы. Впрочем, кое-что не сумела утаить и кровь – длинное лицо с впалыми щеками безошибочно выдавало пришельца из-за морей.

– Иноземец? – удовлетворившись осмотром, спросил Айнар.

Человек, едва потянувшийся к плошке с мясом, замер и сглотнул. Дернулся острый кадык.

– Да, сударь... господин... Я Давор Халас, родом из Хэната, город Варц. Слыхали, вероятно?..

– Не слыхал. Однако ты очень хорошо говоришь по-нидиарски, сразу не отличить.

– Сыскался... учитель. Там, в Хэнате... торговец из ваших краев. Он согласился обучать. Два года...

– Охота была тратить столько времени на никчемное занятие? – хмыкнул Айнар, подливая терпкого соуса к рыбе.

– Вы не вполне правы, сударь. У нас, у меня и нескольких моих товарищей, имелась высокая цель, ради нее два года

на изучение языка – суший пустяк. Мы готовились гораздо дольше.

– Тогда странно, что не усвоили некоторые очевидные вещи. Прими совет: не хочешь пожизненно выглядеть чужаком, отпугивая людей – прекрати произносить это ваше западное «сударь». Здесь Диадон, свои порядки. Здесь к равному обращаются «кимит», к высшему – «господин», а к низшему... С ними как угодно.

Худая фигура согнулась в несмелом поклоне.

– Благодарю... господин.

– Да ты ешь, ешь – долго нынешнее празднество чрева не продлится.

– Что, неужели нападут?.. – даже сквозь кровь и синяки было заметно, как побледнел Халас.

– Крестьяне? – воин поднял голову от блюда и покосился в окно, откуда как раз донеслась новая волна недовольного гула. – Вряд ли. Где этим босоногим грязнулям отважиться кинуться под меч... Хотя, признаюсь, распалил ты их сильно. Зачем напакостил-то?

– Я не пакостил!

– А истукана во дворе кто свалил?

– Это... – иноземец замялся. – Это не со зла, клянусь! Сорвался, не утерпел... Взялся объяснять местному люду правду о божественном... А они словно глухие... Смеялись. И все на своего идола кивали – дескать, вот наш Бог, другого не надобно...

– Так оно и есть, – проворчали из темного угла.

– Заткнись, милейший, – лениво отозвался Айнар на реплику жреца. – Я же велел тихо сидеть. Напрашиваешься на кару?.. А ты продолжай.

Халас пожал плечами.

– Нечего продолжать, господин. Возник спор, незаметно перешли на крик. Знаю, подобным способом божественные откровения не постигаются, но... грешен, не утерпел. Сам себя корю: ладонью хотел хлопнуть по идолу, показать, что простой кусок дерева недостоин поклонения... А он возьми да упади... Подгнил, наверное...

– Нечестивец!..

Айнар предпочел проигнорировать шипение жреца.

– Однако нехорошо получилось.

– Разумеется, – вздохнул Халас. – Чего ж хорошего? Нас учили нести дальним землям свет Истины, но ни в коем случае не оскорблять заблудшие души в их вере. Так порождается лишь злоба вместо интереса, понимаю... Только мне ведь не позволили даже извиниться! Честное слово, господин! Сперва набросились крестьяне, затем прибежал этот... человек. И сразу бить! А уж когда появился безумный... который покойник...

– Не смей порочить святого му...

Айнар повернул голову, и страстная отповедь из угла тотчас пресеклась.

– М-да, сомнительные защитники нашлись у Каона, –

усмехнулся воин.

– Они прикончили бы меня безо всякого суда, – печально произнес чужеземец. – Вздуроражили бы толпу и предали жестокой смерти. Если б не вы, господин...

– Ну, возможно, все было не так уж страшно. Поорали, отмутузили да и вышвырнули бы за ворота. Эй, толстяк! Отпустили бы горе-проповедника?

Жрец долго сопел, потом буркнул:

– За намеренное кощунство надо прямиком на Небеса отпустить – там Всемогушие разберутся с виной каждого. И наградят по заслугам. Каждого!

– Не зли меня, святоша, как бы не довелось отправиться на Небеса самому – проверить вслед за приятелем собственные идеи.

Тут воин заметил, что сидевший напротив Халас уже не слушает. Тощий иноземец застыл, потупил глаза и торопливо шептал себе под нос. Ухо вылавливало лишь отдельные слова, частью чужие, частью туманные:

– ...Великий промысел... отдаюсь в руки Твои... плоть жалкую... хвала на вечные времена...

Айнар собирался прервать бормотания, но сообразил, что застиг момент молитвы. Диковинная форма, хотя с другой стороны всякий волен выбирать себе Богов и поклоняться им. Едва ли жречество Илдока поголовно согласилось бы с подобным мнением – воина это не очень волновало. Лично он никогда не испытывал особого воодушевления, общаясь

с миром Небожителей. Просто от предков унаследовал набор правил: посещать храмы, регулярно приносить жертвы, соблюдать положенные обычаи. Он и соблюдал. Без лишнего трепета. Привычно, как муж после десяти лет брака исполняет супружеский долг. Хм, любопытное сравнение навеяло...

Сонм Богов во главе с тремя братьями воспринимался Айнаром бесхитростно – еще одни начальники. Такие имелись всегда, возвышались длинной вереницей с детства и по сей день. Каждого, от наставника в школе до скрывающихся за облаками владык, требовалось обязательно уважить. Назад, в зависимости от проявленного уважения и усердия при работе, поступали наказания, повеления или награды. Которые взывали к новому усердию... Единственное спасало от водопада опеки сверху – удаленность начальников: если мелкие командиры досаждали постоянно, то знать уровня князя вмешивалась в течение жизни куда реже. Боги обыкновенно вовсе обходились набором ритуалов и подношений. Порой чудилось, обитатели Небес, разжиревшие от даров, забросили мир копошащихся людишек, позволив ему катиться, как получится. А тогда зачем лезть из кожи в радениях?

Таким образом, подавляющая часть Богов Айнара толком не касалась. А другие не нравились! Кому поклоняться воину, у кого испрашивать удачи в бою? У вечно хмурого, мертвенно-ледяного Шу? Или у Саоры, диким призра-

ком скачущей над полями в поисках свежей крови? Нет, конечно, Айнар возлагал жертвоприношения и им – куда денешься от обычаев? – но благоговения подобные создания не вызывали. Оставался Каон, великий громовержец. Правда, он чаще покровительствовал стратегам, а не простым ратникам... Что ж, у вереницы начальников существовало и положительное свойство – по ней можно было карабкаться. Шажок за шажком, ступенька за ступенькой. Хоть не до божественных вершин, однако весьма высоко. Пятясь и оскальчиваясь, пробиваясь и завоеывая. Путь растягивался на годы, десятилетия, но истинно упорным давалось многое...

За этими мыслями как-то незаметно опустело блюдо. Лишь тогда Айнар встрепенулся и огляделся вокруг: Ориема давно закончил скромную трапезу, Халас к своей порции еле притронулся. Вероятно, выскочившему из пасти мучительной смерти человеку было не до того.

– Господин... – старый слуга выразительно покосился на тарелку соседа по столу.

– Забирай, – кивнул Айнар, поднимаясь.

Откуда-то из сумрачных глубин зала моментально возникла фигура трактирщика. Не дерзая настаивать на оплате, бедолага зывал скорее к жалости.

– Сколько? – воин поморщился.

– Десять цер, господин.

Айнар прикинул в уме – средств у него хватало, но дальше ожидалось сложные времена.

– Вот он заплатит, – палец неспешно нацелился на сгорбившегося в углу жреца.

– Почему это?! – воскликнул тот.

– За учиненные беспорядки, самовольное судилище, сопротивление Ближнему князя... Продолжать? Все оплатишь, морда, и жаловаться никуда не побежишь. А узнаю о кляузе – разыщу. Тогда малой болью не отделаешься, ясно?

Вряд ли хозяина заведения или несчастного жреца удовлетворила подобная ясность. Последний попытался возмущенно возопить, но тут нравный гость как назло звякнул мечом, и возражения стихли.

Процессия вышла на крыльцо. Возглавлявший ее Айнар подставил лицо солнцу, блаженно огладил живот. Настроение чуть улучшилось, воин даже позволил себе снисходительно наблюдать за возней у ворот – гудевшие весь обед под окнами крестьяне торопились покинуть двор. Возможно, чудной странник сыпал и пустыми угрозами, проверять это желающих не отыскалось.

– Коня веди, – скомандовал Айнар трактирщику. Затем ухмыльнулся на обмершего рядом Халаса. – Боязно? Они ведь далеко не отступят, у дороги подождут.

Иноземец с трудом сглотнул.

– Смиренно прошу, господин, не допустить беды. Умоляю!..

– Куда ж я тебя дену? Лишней лошади нет, а пойдем резво – спешить надо.

– Хоть у стремени, господин, но выведите из деревни, пожалуйста! Хоть на милю, а уж там...

– Хватит ли мили?

– Какой-никакой будет отрыв, – Халас понурился, однако уперся взглядом в кровавые пятна на досках. – После... все в руках Божьих. Нагонят, так убьют, вдобавок к идолу еще и отшельника бесноватого припомнят...

– Ладно, – в приливе добродушия кивнул Айнар. – Уцепишься за стремя и побежишь... сколько сможешь.

– Спасибо, господин!

– ...А куда бежишь, в качестве платы поведаешь о своих Богах, что отрядили в столь дальний путь.

– Зачем?..

– Зачем внимать богомерзким речам, впуская гниль лжи в душу? – уточнил из-за спины жрец.

– Интересно, – хмыкнул воин. – Дорогу скоротать под занятные заморские байки. А мимоходом посмотреть, ради чего нынче простые люди жизнью рискуют. Договорились?

Крестьяне у ворот не успели толком разбежаться да и не слишком старались – притиснулись, хмурая брови, к тыну. Тем не менее Айнар со странной компанией миновал их словно пустое место, шагом. Дворянин даже не глянул на глухо ворчавшую чернь, чем, похоже, осадил противников пуще меча.

Ориема на муле тоже пытался сохранить надменный вид, однако, задрав нос, все-таки не забывал поторапливаться

за хозяином. Подавно не волновало внешнее Халаса – он схватился за стременной ремень Айнара с жадностью отчаяния. Не секрет, что именно чужеземцу больше других доставалось враждебных взглядов и шепотков. И если редкий герой осмелился бы кинуть камень в благородного воина, то горе-проповедника от расправы оберегал исключительно грозный спутник. Потому-то Халас не сразу сообразил, о чем речь, когда Айнар наклонился к нему:

– Ну, я слушаю насчет Богов, любезный.

– Богов?.. Ах, Богов... Недалеко еще ушли... Нет никаких Богов, господин. Вернее есть, разумеется, но единственный – величайший создатель сущего, породитель мира, владыка и опекун всего! Мы чаще называем его Единым Творцом, хотя даже бессчетное множество имен не в силах полностью отразить величие истинного Бога.

– Ишь ты. Единый... – усмехнулся воин. – А куда же деть нашу толпу Небожителей?

– То, что непросвещенные народы привыкли нарекать богами, на деле являет собой либо мелких духов, обычно адского происхождения, либо – реже – многообразные ипостаси того же Творца. Лишенному прозрения разуму сложно ощутить общность виденных ипостасей, легче приписать каждую отдельной сущности. Понадобились века, чтобы исправить... Спаси Господь, они преследуют нас!

По примеру иноземца Айнар оглянулся на дорогу.

– Пусть преследуют. Терпения не напасут пехом гнать,

а мы ходу прибавим... Выдержишь?

– Не сомневайтесь, – заверил Халас, трогаясь бегом. Ноги он едва успевал передвигать – вероятно, из-за subtilности или недавних побоев – но за стремя цеплялся крепко.

Оторваться от погони удалось. Почти милю сзади клубилось, отставая, пыльное облако, после оно пропало совсем – расвирепевшее простонародье осознало тщетность своих усилий.

Гораздо хуже складывались дела с рассказом. Когда устроили привал, на Халаса жалко было смотреть – обливавшийся потом, он шатался и судорожно хватал ртом воздух. Естественно, это не могло не отразиться на качестве повествования. Айнар, впрочем, не досадовал: что-то он понял из обрывочных фраз задыхающегося спутника, что-то вспомнил из ранее слышанного. Да и ничего особо потрясающего в речах бродячего проповедника не прозвучало. Занятно, необычно, изложено с большим, искренним жаром... но не потрясающе. Или Айнар с возрастом стал таким толстокожим? Ну, один Бог вместо дюжины. Ну, правила, завещанные им, построжее. И все! Опять-таки истории, описывавшие деяния Единого, происходили в неведомых землях, оттого напоминали скорее побасенки...

А вот проповедник явно рассчитывал на иное. В противном случае не бежал бы столько за лошадью, спотыкаясь и глотая пыль. Халас не то честно выполнял порученную работу, не то хотел поделиться со спасителем главным

своим богатством. Однако слова нового учения восприняли на удивление равнодушно.

– Вам... не понравилось, господин? – откашлявшись, спросил чужеземец.

Айнар пожал плечами.

– Отчего же? Любопытная идея. Правда, у нас на Диадоне и признанных верований с десятков, а мелких давно никто не считает. Иногда кажется: всякий мудрец полагает неперменной обязанностью учредить собственную религию. Вообрази, сколько их накопилось за века! И, боюсь, твоей вере, любезный, суждено кануть, будто камешку в реке.

– Ни за что! – восторженно воскликнул Халас. – Разве может сгинуть единожды обретенное светлое знание? Ни за что! Убежден, вскоре и Диадон преклонит к нему слух... Лишь бы не ослабевали старания, не гас огонь в сердцах... а там и долгожданная Весть не за горами...

Что еще раздражало – проповедник через слово поминал некую Светлую Весть, грядущее явление Великого Пророка, который окончательно утвердит догматы истинной веры и тем заложит основы будущего спасения человечества. Разумеется, явление обещалось в самом скором времени. И, разумеется, где-то очень далеко, в другой части Поднебесной. То есть опять каким-то иноземцам постигать божественные откровения, чтобы затем нести их дикарям окраин... Короче, хотя речи у стремени Айнар выслушал внимательно, даже придержал коня, тем не менее заметных эмоций

не выразил. И когда злосчастная деревушка с толпой преследователей скрылась из виду, остановился тотчас.

– Отсюда идти самому? – догадался, утирая пот, Халас.

– Точно, – кивнул воин. – Рад бы тебя доставить прямо к городу, но так мы до темноты не успеем. А успеть нужно.

Иноземец закачался, не то почтительно кланяясь, не то пытаясь отдышаться. Выдавил:

– Не беспокойтесь, господин... Здесь я уже как-нибудь...

Оторвались, теперь не пропаду... наверное...

Айнар хмуро поглядел сверху вниз.

– Куда пойдешь-то, любезный? В Шораи?

– Нет, нам в столицах пока делать нечего, господин. Там людям вроде меня вовсе внимать не хотят, а пристанешь – гонят.

– Да уж, в Шораи, поди, вдосталь наслушались разного рода глашатаев истины.

– Истина, господин, способна существовать лишь единственная, – с неожиданной твердостью ответил Халас. – А что кроме нее – суть заблуждения. Исключительно заблуждения, сколь бы они привлекательными ни казались.

– Веришь, будто овладел подлинной Истиной? – усмехнулся Айнар.

– Верю.

– Мне бы твою веру, странник...

– Нет ничего проще, господин. Откройте душу для наших проповедей, посетите службы... Правда, сейчас на Диадоне

еще мало уст, осмеливающихся славить Творца... Но число их прибывает с каждым днем. Вот и я продолжу скитаться в поисках уголка, который позволит взрастить семена веры будущего. Получится – приезжайте. Тогда, Бог даст, возможно...

– Возможно, – Айнар легонько хлопнул по крупу Дикаря, и конь сорвался с места.

Долговязая фигура осталась позади, быстро удаляясь. Оглядываться воин посчитал недостойным. Да, было чуть совестно бросать наивного чужеземца на краю опустевшего под вечер, пыльного тракта. Да, опасностей для одинокого путника тут хватит и без оравы взбешенных крестьян – пока отыщется подходящей ночлег, и разбойники, и хищное зверье, и всяческая нечисть способны подстеречь неосторожного. Только ему, Айнару, нужно спешить. Не потакать хныканьям старика Ориемы, а гнать коня. «Если всемогущий Творец вправду существует, то своего верного служителя как-нибудь обережет», – отмахнулся, в конце концов, дворянин от назойливых мыслей.

II

Некоторое время он лежал, мучительно прогоняя сквозь себя воздух и озирая мир через узкую прорезь века. Жив... Глупость, конечно, страшная – принимать дар врага, но что делать, если молодое тело еще не намерено поддаваться смерти? Тогда пускай истрадается до конца.

Он напрягся и потащил правую руку... Не стон – крик боли! Все тело словно проснулось. Казавшееся прежде страданием уже выглядело мягкой щекоткой – такой вал поднялся теперь. Человек кричал, но в ответ визжали от боли легкие, разразился кашель, выворачивавший наизнанку, отчего заныл истерзанный живот... Странно, что сознание на сей раз удержалось, не покинуло. Несколько минут он мог лишь стонать, беспомощно пережидая бурю.

Зато рука очутилась-таки возле лица. Притянул ее ближе, скрипя зубами. Словно чужие пальцы, болезненные и непослушные. Лицо сохранилось лучше, хотя было сплошь перемазано: вода, кровь, слизь... Он обогнул раскаленную бездну правого ока, коснулся левого. Тоже мокро, но вроде как все цело. С предельной осторожностью приоткрыл глаз. Поморщился – любое напряжение мышц лица вызывало яростный отклик.

Из туманной, в радужных кругах, пелены медленно проступили стволы сосен, за ними еще, еще – недалеко, но разглядеть можно.

Рядом ни души. Слева редкий кустарник, вверху за сомкнувшимися кронами серело дождливое небо. Что ж, непривычно, неудобно, однако кое-какое зрение имелось.

Вместо вида на Шораи с последнего холма взору представило огромное сумеречное облако. Оно колыхалось, переливалось бликами огоньков, но в целом все больше темнело, надежно укутывая крупнейший город Илдока. Со светом, чудилось, гасли и звуки, впуская в мир гулкую, пугающую ночную тишину.

Запоздавшие путники успели как раз вовремя, аккуратно к закрытию ворот. Чуть замешкайся, довелось бы ночевать в поле – при темноте по нынешней беспокойной поре и вельможе не всяк откроет. Теперь же, сдержав распаленного жеребца, всадник небрежно махнул стражникам:

– Айнар Годой, Ближний князя. С ним слуга... Да погодите же, дурни, вон бедняга торопится!

Старый Ориема достиг ворот совершенно без сил. Как и его мул – не такой породе соперничать с настоящими скакунами. В съехавшей набок широкополой крестьянской шляпе, с перекошенным лицом, слуга протиснулся между смыкавшимися створками, но даже здесь не нашел отдыха. Убедившись в благополучном итоге рывка, Айнар тотчас пустил коня по одной из улочек. Пришлось следовать за ним.

Город был древний, помнивший, наверное, первых монархов Диадона. Никаких особенных украшательств, лишь тес-

ные ряды приземистых домиков по обеим сторонам дороги да скрипучие вывески над головой. Уже затихала торговля, разбирались лотки, сворачивались навесы. Кто-то еще громко скандалил о цене, но большинство людей спешили разойтись. Тьма – негодное время не только для торга.

Перед возникающим из мрака всадником испуганно раступались, жались к стенам, хотя то был явно не сказочный кошмар – конь шел легкой рысью. Может, и предпочел бы воин пронестись по улицам лихим галопом, чтобы на несколько дней дать пищу сплетникам, но не получалось: Дикарь притомился, опять же Ориема жалобно подавал голос из-за спины. Так и ехали, небыстро, но верно минуя хорошо знакомые повороты с перекрестками.

Болтали, где-то за теми же морями, откуда явилась молва о Творце, вроде бы высились гигантские каменные города, что из конца в конец не одолеть и за час. Врали, скорее всего. Это какую же тучу народу требуется поселить в одном месте, а потом прокормить, одеть, укрыть да удержать в повиновении?! Как вытянутся наружные стены? Армия понадобится только для их охраны. Нет, определенно сочиняли досужие болтуны. Шораи, с которым обширностью дерзнули бы потягаться немногие города Диадона, даже пешком пересекался от силы за четверть часа. А путь лежал и того ближе.

Двухэтажный бревенчатый дом пропустить на улице было сложно. Не размерами, не новизной, он выделялся некой ухоженностью, от веку отличающей доброго хозяина. Вер-

нее, хозяйку – третий год после смерти мужа трактиром владела вдова Сорики. И второй год у нее обитал Айнар.

Остановившись возле крыльца, воин спрыгнул на землю. С удовольствием потянулся, бросил через плечо:

– Ориема, позаботься о коне – местных лодырей звать за маешься.

Сам взбежал по лестнице. От предвкушения покойного, приятного вечера отступили даже усталость с раздражением.

В трактирном зале было полутемно – свет давали только едва теплившийся очаг да пара масляных плашек в дальнем углу. Три фигуры, сидевшие там, составляли нынешний круг гостей. Все как обычно. Три человека, судя по одежде – отнюдь не зажиточные, сгорбились над нехитрым ужином. Тихо шелестевшая беседа замерла с появлением на пороге Айнара.

– Господин! – кинулся навстречу Окоши, щуплый подросток лет двенадцати, прислуживавший в зале. М-да, а ведь когда-то здесь вертелось полдюжины таких... – С благополучным прибытием, господин! Счастливы видеть вас в добром здравии!

Мальчуган действительно был счастлив – старательно кланялся, сложив руки у груди, но круглая нидиарская физиономия лучилась восторгом. Похоже, он знал единственного в городе дворянина, что удостоил бы слугу чем-то кроме подзатыльника.

– Мне тоже приятно снова тебя видеть, малыш, – кивнул

Айнар. – Хозяйка дома?

– Госпожа Сориго на кухне, я позову... мигом...

– Заодно ужин тогда тащи! – добавил воин вдогонку ссорившемуся с места Окоши.

Пока пострел, шлепая босыми подошвами, уносился во тьму, Айнар разулся и пересек зал. Несколько лишних, неторопливых шагов. Трое во всклокоченных одеждах опасно покосились на шествовавшего мимо дворянина. Поклонились так же неуклюже, как до того ели. Ничего серьезного, какие-то заезжие полудикие лохмотники, чуть ли не пастухи, в кои то веки слезшие с гор поглазеть на шумный праздник. Пожалуй, только такие, вконец растерявшиеся от городской суеты, и могли устроиться здесь на ужин.

Сказать, что трактир вдовы Сориго переживал не лучшие времена – значило нагло слукавить. Он умирал, очень медленно, однако неумолимо. Вдова, великолепная, аккуратная хозяйка, прекрасно стряпала и ладила с людьми, но этого, как выяснилось, было мало – в ней отсутствовала жилка истинного торговца. Какая польза в надраенном до блеска полу или изумительных яствах, если вы не способны исступленно спорить на рынке за каждый медяк? Если не готовы ради крохотной выгоды вывернуться наизнанку, прищемить конкурента, уболтать, а то и капельку надуть посетителя? Может, в пору общего процветания кто-то выжил бы и без подобных качеств, но не нынче. Когда-то бурливший народом трактир хирел уже три года. Если что еще и спасало его от ги-

бели, так исключительно могучий задел, созданный покойным хозяином, да беззаветное трудолюбие вдовы. А, кроме того, усердие немногих преданных слуг.

– Ваш ужин, господин! – Окоши ловко опустил поднос, заполненный мисками, блюдами, кувшинчиками и чашками.

Воин не проронил ни слова, пока мальчишка расставлял перед ним это изобилие. Только здесь позволялось не задумываться о цене каждого кушанья, не высчитывать с постыдной торопливостью, хватит ли денег для оплаты заказа. Айнар, собственно, и заказа не делал – его пристрастия давно выучили наизусть.

– Рады вновь принимать господина под крышей этого дома! Надеюсь, Великие Боги благоволили вам, и путешествие выдалось приятным?

На столь мелодичный голосок гость не мог не обернуться. Сорики, изящная миниатюрная женщина, естественно тоже была нидиаркой, как и все, работавшие в трактире. Не являясь почитателем нидиарской красоты, Айнар признавал – судьба свела его с очень привлекательной дочерью данной народности. Необычно большие, темные глаза, словно распахнутые в вечном детском изумлении, скрашивали уплощенную форму скуластого лица и другие характерные особенности внешности. Еще молодая, пожалуй, моложе Айнара, Сорики ухитрялась сочетать свежесть с изысканными для простолюдинки манерами. Вот и сейчас хозяйка заведения,

успевшая переодеться в праздничную фуку – разновидность широкого халата, согнулась в поклоне, открывая взору пучок аккуратно расчесанных волос.

– Спасибо, любезная Сорики, – откликнулся воин. – Путешествие?.. С некоторых пор самое приятное для меня в путешествиях – возвращение сюда. Надеюсь, тебе не надоел беспокойный постоялец?

– О чем вы говорите, господин? – едва подняв глаза, женщина в смущении потупилась. – Давать вам кров – огромная честь для бедной вдовы. Пойду, распоряжусь, чтобы ваши вещи перенесли в прежнюю комнату...

– Ерунда, вещей там почти нет, даже Ориема справится в одиночку. Ты же лучше, любезная, села бы рядом и разделила со мной трапезу.

Сорики на секунду заколебалась, стрельнула взглядом в сторону притихшей компании пастухов.

– Нет, господин... Нельзя... Нижайше благодарю за приглашение, но не годится так поступать... перед людьми...

– Ты про тех оборванцев? Да гони их вон – все равно много прибыли не принесут. А сама садись... – Айнар указал на место напротив себя.

Еще мгновение борьбы. Лицо женщины исказила болезненная гримаса, однако долг снова взял верх.

– Извините, господин, – склонившись, Сорики попятилась, словно прячась во тьму. – Вы оказываете мне чрезмерную милость, а тут море хлопот... Хозяйство, кухня...

За всем нужен присмотр... Возможно, позднее...

Ну, хоть так. Вздохнув, Айнар придвинул первую из мисок. Лихо это он завернул: «...прибыли не принесут». Между тем, стыдно признаваться: одетые в драные шкуры пастухи обогатят нынче трактир куда заметнее, нежели благородный воин. Они-то, по крайней мере, отсыпят горсть медяков, а он, Ближний князя? Ничего. Здесь Айнар не платил ни гроша. Почти год. Ни за стол, ни за кров, ни за коня – ничего. Отдавал, правда, доходы провизией – зерно и скот из родового имения, рис из княжеских закромов – но тем вряд ли покрывал даже половину затрат.

Едкие раздумья заглушали аппетит, и Айнар чуть ли не насильно впихивал в себя очередное кушанье. Хорошо, вино помогало. Надо стерпеть. Ведь, в сущности, ему улыбнулась удача – товарищ помянул имя вдовы, когда маячила угроза подлинного голода. Приличное, чистое заведение, удобное место. Цены великоваты, зато удалось произвести впечатление на хозяйку, и теперь получается сводить концы с концами... Идиллия... Если б только не постоянное ощущение позорности положения, не двусмысленные шепотки и ухмылки за спиной! Разумеется, едва воин оглядывался, перед ним сгибались в пугливых поклонах. Разумеется, друзья-отторо не разделяли терзаний, скорее завидовали – повезло, обдулив доверчивую простолюдинку, сберечь кучу денег для более значимых целей. Все правильно. И тем не менее Айнара это угнетало – трактир на глазах разорялся, а са-

мый важный постоялец нахлебничал в нем, ровно последний кровосос. Что он мог дать взамен кроме денег? Разве приглашение для хозяйки посидеть рядом с дворянином... Да и то отвергли...

Совесьть совесьтью, а ужин во всем его обилии был употреблен по назначению. Запыхавшемуся Ориеме досталось немного. Поглядев на жалобно вытянувшуюся физиономию слуги, Айнар даже снизошел заказать лишнюю порцию лапши, прежде чем удалился к себе.

Маленькая комната — хоть тут воин обуздал гордыню, не воспользовался привилегированным положением. Три на пять шагов, настоящая келья отшельника, ни компанию приятелей привести, ни женщину. Залатанный, с торчащей из прорехи соломой матрас, крохотный столик, сундук, где и хранить-то кроме рухляди нечего. Стараниями Ориемы здесь не пахло пыльным запустением, но вид открывался довольно убогий.

Впрочем, осматриваться Айнар не соизволил, а прямо с порога двинулся к единственной в комнате изящной вещице — черной, лакированной подставке. Тоже, кстати, не купленной, а добытой в походе. С подобающим уважением на постамент был водружен меч. Он да Дикарь — вот и почти все ценное имущество молодого Годоя, остальное — не более чем жалкий хлам. Лишь за коня и оружие воин всерьез беспокоился.

— Господин... — подал от дверей голос Окоши.

Айнар, не оборачиваясь, скинул с плеч пропыленный дорожный халат, оказавшись в нижней рубаше.

– За время отсутствия меня спрашивали?

– Нечасто, – мальчишка подхватил падавшую одежду. – Третьего дня заходил господин Тием, интересовался вашим возвращением за чашкой вина, да вчера был посланник из княжеского дворца.

– И что он?

– Ворчал, дескать, вы запаздываете на важный государственный праздник.

– Нашли повод ликовать – братание с тигонами. Век бы... – буркнул путник. Вслух распорядился: – Приготовь мыльню, бритву и чистое белье.

Как выяснилось, горячая вода имелась, однако Айнар предпочел ждать еще с полчаса – теперь он не мог бросить комнату без присмотра. Только с появлением наверху Ориемы, воин позволил себе отправиться в мыльню. Ничто так не снимает усталость, как ленивое лежание в исходящей паром воде. И перспектива орудовать мочалкой самому не особо волновала – основную часть времени все равно займет простое наслаждение покоем...

Когда по коже пробежал первый озноб, Айнар вынырнул из мира блаженных грез. Вода, пусть изрядно остывшая, еще годилась, чтобы смыть пыль и пот. Наскоро обтеревшись, молодой человек завернулся в большую льняную простыню. Прошлепал босыми ногами к дверям, выглянул в коридор.

Даже днем не кипевший жизнью трактир теперь словно вымер. Ни звука не доносилось из трапезного зала, молчал второй этаж – постояльцы занимали лишь пару-тройку комнат. Робкий стук со стороны кухни растаял в общей тишине.

Очутившись в коридоре, Айнар невольно пошел на цыпочках. Глупо, смешно и зазорно для благородного воина, но поднимать шум очень не хотелось. Никого он, конечно, не всполошит, никакой тайны не раскроет, тем не менее мысль, что попадется кому-либо на глаза завернутым в простыню да с охапкой одежды под мышкой... не радовала. А так из тени в тень, от одного редкого фонаря на стенке к другому...

Дорогу он знал хорошо. Не первый месяц по ней ходил, успел выучить. Похоже, впрочем, как и немногочисленная прислуга – в этот поздний час по пути не встретилось ни души. У нужной двери Айнар еще раз оглянулся, быстро и воровато. После он будет корить себя за очередное отступление от сословного этикета, теперь в сердце бушевали совсем иные страсти. Полторы недели в отлучке!

Легкие створки отползли, раскрывая истинный мрак. Немедля сомкнулись – дальше следовало двигаться на ощупь. Вкрадчивый шаг, второй. Грохочет дыхание. Шелест ткани как маяк. Айнар вытянул руку и через мгновение соприкоснулся с другой ладонью. Маленькой. Нежной. Женской. Склонившись, дотронулся до нее губами. А затем рывок, почти скачок вперед, навстречу источнику невыразимо-

го восторга, ароматов и тепла...

Он проснулся при легком, едва слышном шорохе. Успел повернуться, схватить полу халата – Сорику, вознамерившаяся тишком покинуть ложе, ойкнула. От рывка ткань сползла с ее спины. На секунду женщина оказалась абсолютно голой, отчего смутилась до крайности. Продолжая безнадежно тащить халат из рук воина, она присела на корточки и потупилась, словно прячась в тени волос.

– Господин... – прозвучало жалобное.

Странная манера: целую ночь позволять вытворять с собой что угодно, а утром, при свете, бояться любого нескромного взгляда. Впрочем, их отношения всегда были странными. Простолюдинка и дворянин, владелица трактира в центре города и вечно нуждающийся вояка. Себя Айнар еще кое-как понимал: связь давала выход страстной натуре. Конечно, злые языки назвали бы и другую выгоду... Но нет. Ради стола и крова он не лег бы с кем попало. Представившись какую-нибудь обрюзгшую бабу, улыбающуюся щербатым ртом... Б-р! Никакие деньги не окупят кошмара.

Нынче подобных проблем не возникало – вполне молодая женщина, нерожавшая и нежная. Пожалуй, именно нежность привлекала в Сорику сильнее прочего. Нежность и покорность – даже в наиболее изощренных забавах, выведенных Айнаром на стороне, она, борясь со стыдом, ему не отказывала. Добрая, ласковая, тихая, вдобавок работающая... М-

да, о такой супруге можно было бы мечтать... если б не положение. Жениться на трактирщице и до конца дней питаться от ее промысла? Ни за что! Он не сдался, не сломался в борьбе с жизненными невзгодами, чтобы выбирать теплую убогость. Он еще повоюет!

Самое занятное, Сорику прекрасно все понимала. Она никогда не заикалась о развитии отношений, не пробовала шантажировать благородного любовника счетами за проживание или оглаской. Лишь временами глядела с какой-то светлой грустью, отчего суровому воину становилось не по себе. Короче, странная получилась связь, болезненная...

Пока он размышлял, женщина ухитрилась выудить из его рук злосчастный халат. В каковой тотчас закуталась.

– Побудь со мной, – еле слышно попросил Айнар.

Сорику вскинула на него огромные, удивленные глаза, но, поколебавшись, отвернулась.

– Уже поздно, господин. Скоро слуги забегают, могут увидеть лишнее. Не нужно...

– Чего здесь видеть? – Айнар поднялся сам. В отличие от подруги он пальцем не пошевелил скрыть наготу, тем смутив Сорику окончательно. Кажется, бедняжка едва не бросилась бегом прочь. – Полагаешь, в трактире не догадываются о нас? За целый год не заметили, кто с кем спит?

– Это... – старательно отводила взор женщина. – Это еще не повод выставять грехи напоказ. Опять же ваши друзья –

они собирались зайти спозаранок.

– Их тоже не шокирует... Потерпят. А ты задержись...

– Господин!..

Из его объятий хрупкое тельце не в силах было вырваться. Да оно и не слишком пыталось – быстро обмякло, отдаваясь новой волне страсти. Жадной, торопливой, решительной волне, которая отлично знала, что делать. Главное – не наткнуться на печальный взгляд темных глаз.

Друзья заявили своевременно, вместе. Впереди урматский красавец Оминас Сагор, рослый, светловолосый, громыхающий всюду подобно Великому Каону. Короткая борода, вислые, соломенного цвета усы, голубые глаза – внешность для Диадона редкостная. Вероятно, как раз эта необычность да вдобавок веселый, шумный нрав превращали урмата в любимца женщин – число его побед успело войти в поговорку. А может, Оминас и привирал для пущей славы, водился за ним такой грешок. Ну да какая кому разница? Умеет человек красиво описать очередную завоеванную прелестницу – пускай описывает. Кто дерзнет пенять ему даже на явную выдумку? Тем более блистал Оминас не только в кабацком разгуле. Незаурядную силу и храбрость выказывал воин, даром что из далекой, диковинной народности.

Наружность следовавшего за ним по пятам наоборот почти не изумляла местный люд. Та же привычная коренастость, черный волос, узкий разрез глаз. Лишь приглядев-

шись, удавалось понять – Гои Суре Тием к нидиарцам тоже никак не относился. Тигон. Чистокровный, который запросто мог бы жить где-нибудь по ту сторону западных перевалов, в Гайафе, ходить с набегами на восток, а нынче явиться в составе княжеского посольства... Не сложилось. Айнар мало интересовался причинами, закинувшими тигона в Илдок, тот же не стремился откровенничать. Какие-то семейные распри, вражда, месть – бес разберет это полудикое племя. Достаточно, что выросший вдали от земли предков Гои присягнул на верность новой родине, сражался за нее и неоднократно доказывал собственную доблесть. Как память о прошлом он сохранил лишь узорчатую вышивку у ворота нижнего халата да стянутые в короткую косицу волосы.

Появление сразу двух благородных гостей в парадных одеяниях переполошило трактир. Впрочем, хватило бы и одного Оминаса.

– А ну, лучшее на стол, живо! – загрохотал в трапезной зале голос урмата. – Веселее топчите, бездельники! И вина не забудьте... Сам знаю, что утро, не перечь дворянину, болван! Пошел! Ух, какая озорница...

Довольный девичий взвизг – друзья определенно находились в хорошем расположении духа. Конечно, праздник...

Когда Айнар спустился по лестнице, слуги как раз собирали на стол. Собирали усердно, даже пыль играла в прорезавших залу полосах солнечного света. Для заведения чистюли Сорики это говорило о многом.

– А вот и благородный Годой пожаловал! – рявкнул Оминас. – Только глазоньки протерли или уже нашалить успели? – Утро доброе, кимиты.

Айнар, остановившись в двух шагах, совершил сдержанный поклон. Потом можно будет хлопать приятелей по плечам и сердиться на их неуместные шутки, сейчас следовало соблюсти ритуал. Оба гостя ответили поклонами. Пускай Гои проделал все машинально, явно думая об ином, а лица урмата не покинула улыбка, положенное по обычаю они выполнили строго.

– Жив? Цел? – нарушил Оминас короткую тишину. – Как съездил-то, скиталец? Обогатился?

– Про то позже, кимиты, – еле заметно скривился Айнар. – Побеседуем за столом, чинно и спокойно.

– Побеседовать – это славно. Особенно за подобным столом.

Завтрак на три персоны по обилию и разнообразию блюд вправду не уступал иному вельможному обеду. Обозрев такую пышность, Айнар нахмурился:

– Окоши! Не слишком щедро накрыли с утра?

Вертевшийся поодаль мальчишка моментально очутился рядом.

– Никак нет, господин. Все точно по указаниям госпожи Сорики – нынче особые яства по убавленным ценам. Праздник.

– Праздник... – эхом буркнул воин. – Бесова задница...

Твоя хозяйка что, решила похоронить свое дело в нынешний радостный день? Ей только изысками голодранцев кормить...

– Позволь обратить внимание, дружище, – невозмутимый Гои первым уселся за стол, – голодранцы пока не ломаются пожрать на дармовщинку. Здесь вообще ни одной живой души. Если, разумеется, не относить к голодранцам нас.

Следом на циновку опустился Оминас, потянул руки к блюду с цельной запеченной рыбиной.

– А вас не нужно к ним сегодня относить? – не утихал Айнар. – Заплатите честно?

– Мы? И себя имеешь в виду?

– Полно зубоскалить! Прекрасно известно, что со мной случай особый. Зато вам придется раскошелиться.

Блюдо с рыбой поколебалось в замерших руках Оминаса.

– Откуда такая несправедливость? – вздохнул урмат. – И откуда такая забота о чужих прибылях? Или, может, уже не чужих, а? Признавайся, Айнар. Решился, наконец, заделаться трактирщиком?

– Глупости. Просто я не желаю скорого разорения хозяйки, поскольку сам окажусь тогда на улице.

– Угу, а заодно лишишься дармовой кормежки и ночных развлечений? Понимаю.

– Вот и не премини расплатиться за пышный завтрак, договорились? Если понимаешь, это будет не очень обидно.

– А я понимаю так, поездка за деньгами окончилась неуда-

чей, – произнес Гои. – Иначе ты, дружище, сам помог бы своей вдовушке, а не теребил понапрасну товарищей. Угадал?

Рьяное поглощение пищи на миг прекратилось, друзья вопросительно уставились на Айнара. Не из пустого любопытства – от финансового положения каждого напрямую зависел ход жизни всей компании. Здесь никто не имел земли, даже крохотной деревеньки, даже клочка с огородиком, откуда по осени привезли бы дюжину никчемных тыкв. Жалования князя едва хватало, доводилось искать средства, где только мыслимо: у родственников, приятелей, любовниц, знакомых, а подчас и у малознакомых, сомнительных лиц. Долги со скандалами, увы, оказались настырными спутниками веселого времяпрепровождения.

В этом свете роль Айнара считалась крайне важной – его старший брат Тенгур, мурад, владел обширной вотчиной в провинции Югара, несколькими сотнями крестьян и замком семейства Годой. Этакое богатство, вероятно, позволило бы беззаботно развлекаться в столице... если бы отношения между братьями клеились. А складывалось в точности наоборот. Тенгур не мог бросить родню на произвол судьбы – княжеский указ запрещал, но деньгами делился неохотно. Причем не единственно из скупости. Для получения доли доходов от отцовского имущества младшим предписывалось являться в замок, где смиренно ждать выплаты.

– Угадал, – кривясь, произнес Айнар. – Братец заявил, что виды на урожай нынче плохие, засуха, оттого, дескать, сле-

дует с расчетом повременить.

– Надолго? – быстро спросил Оминас.

– До осени. Пока назначил сроком конец сентября. Зараза...

– Протянем? – урмат обернулся к Гои, но того интересовало иное:

– Чего ж ты там, дружище, пропадал больше недели, коль ничего не собирались давать?

Айнар отмахнулся.

– Да ведь негодяй не с порога отказал. Еще чего! Ему охота была на совесть меня промурыжить, властью насладиться. Пожри Саора его печень!.. С месяц назад, сказывали, Эйдана, среднего нашего, так же истязал, чуть до поединка не дошло.

– Ну, тебе-то, допустим, за меч хвататься не резон – все равно не получил бы вотчины.

– Знаю. И Тенгур знает. Потому-то выделялся, дрянь, с выдумкой, вдохновенно: комнатку – похуже, место за столом – подальше, прихлебателям своим – полную свободу оскорблять да подшучивать. И не смей возмутиться! А то еще вызовет срочно и велит ждать, час просидишь – беседа отменяется... Стервец... Представляете, кого мне постель стелить присылали? Бабку дряхлую, беззубую, из которой труха сыпется!

– Но с простынями-то она справлялась? – ухмыльнулся Оминас.

– Справлялась, к счастью. Хотя любому ясно, зачем по традиции в ночную пору к гостям девок отряжают! Не только же простыни менять!

– Да ладно, Айнар, тебе ли на постельный голод жаловаться?

– Так и я не о том. Унижение какое! Понудил приехать, неделю ноги об меня вытирал, а потом выдворил несолоно хлебавши! Ближнего воина князя! Сотню монет сунул – почитай, на дорогу. И пару коров предложил в Шораи гнать, а? Никому бы подобного не спустил...

– Зато здесь стерпишь, – невесело усмехнулся Оминас. – Всегда терпел и нынче придется. По-другому никак.

Справедливость этих слов осознавал за столом каждый. Все были младшими сыновьями в семьях, то есть в качестве наследства получили исключительно меч, имя да доброе напутствие. Ну, может еще вот ежегодное содержание, ради которого доводилось порой сносить несносное. Остальное требовалось добывать самим. И никогда не понять старшим, что значит жить лишь призрачными отблесками надежд на достойное будущее.

– Подумать только, – вздохнул мрачный Айнар, – ум, доблесть или мастерство ни к чему. Просто надо родиться годом раньше. И тогда мир к твоим услугам.

– Это что, вон, Гои запоздал с появлением на полчаса, а результат точно такой же. Верно говорю, дружище?

– Чем в сотый раз обмусоливать вечные темы, – буркнул

тигон, – давайте-ка лучше, кимиты, выпьем. За наших возлюбленных Богами старших братьев!

– И за нас, лишенных милостей свыше! – подхватил Оминас.

– За удачу, которую мы, клянусь бородой Шу, перетащим в один прекрасный день на свою сторону! – добавил Айнар.

Чаши с вином осушили залпом, потом долго ели в тяжелом молчании – мысли беседа навееяла нерадостные. Только на третьем блюде оправился первый из воинов, и оказался им, естественно, Оминас.

– Однако, благородные мои, жизнь, как ни странно, продолжается, – к урмату явно вернулось его обычное расположение духа. – Сия коварная особа украла у нас до осени помощь от Айнарова брата – пустяки, всего-навсего очередной ее удар. Нам не привыкать.

– Очередной, но не последний удар, – заметил Гои.

Айнар вскинул голову.

– Еще чего стряслось?

– Ничего особенного, дружище. Ничего, о чем бы ты не слышал.

– Ты про союз с Гайафой?

– Именно так. Наш солнцеликий князь, да продлят Боги его земное бытие, затеял очень рискованную игру.

– Думаешь, тигоны нарушат договор?

– Во-во, – встрял Оминас, – проясни-ка сей вопрос, Гои. Любопытно бы выслушать признание тигона в вероломстве

собственного племени.

Гои хмуро покосился.

– Мнилось, я достаточно сражался за Илдок, чтобы не получать более попреков в неправильном происхождении. У меня хватает счетов к родичам, и кровь их я проливал неоднократно. Каких еще доказательств? Кстати, Айнар ведь тоже тигон, но его почему-то не донимают дурацкими шутками.

– Вам прекрасно известно, – поморщился Айнар, – я из южных тигонов. Названия схожие, а народы очень даже отличаются. И враждовали частенько, и дрались, и Гайафу мне вообразить союзником не менее сложно.

– Немыслимо! – воскликнул Оминас. – Сколько себя помню, мы всегда воевали с Гайафой. Уже в школе Эду противников обязательно обзывали тигонами, помните? Моя первая битва под Диг-Шау – с ними...

– У всех первые битвы с тигонами, – проворчал в ответ Гои. – Как и большинство последующих. А насчет союзничества... Почему же, вообразить такое мыслимо. Правда, неинтересно.

– В каком смысле?

– Гайафа – враг хорошо изученный, известный. Опять же людей на него настраивать не надо – каждому найдется, что вспомнить: сожженные деревни, погибшую родню, товарищей... Здесь только скомандуй... А если с ними мир? И выглядит противным естеству, и ведь мы с вами, друзья, ока-

зывается не у дел! С кем сражаться?

– Ну, как раз об этом можешь не беспокоиться, – отмахнулся Оминас. – Слухи бродят, мол, нынешний союз заключается не из внезапной взаимной любви. Гайафа точит зуб на Ямауту, и наш князь, вероятно, не прочь присоединиться к тому походу.

– Гайафа крепко поиздержалась и теперь ищет помощников? – фыркнул Айнар.

– Вернее, соучастников, – поправил Гои. – Лично я ненависти к северянам не чувствую.

– А еще вернее – нужно глупое мясо, чтобы кинуть на копья врагов. Веселенькое развлечение придумал нам солнце-ликий!

Беспечный до того урмат сдвинул брови:

– Тише, друзья, тише! Спьяну всякое, конечно, с языка сорвется, но не всякое сорвавшееся простится. Взвешивайте слова... А потом по большому счету нам-то какая разница с кем драться? Гайафа или Ямаута, лишь бы польза звенела. Понимаете?

– Да разве сравнить алчных тигонов Гайафы с нидиарцами Ямауты?! – упрямыствовал Гои. – Северяне никогда не позволяли себе низкого коварства и подлости!

– Хорошо, хорошо, не позволяли. Хватит тебе, дружище, вина с утра... Не позволяли, стало быть, нам же лучше – проведем поход по всем правилам. И чего взбеленились? Или желаете пожить в вечном мире? Без добычи, наград и про-

движений? Что замолчал, первый из отторо?

Айнар поднял на друга мрачный взгляд.

– Я ныне второй.

– Ерунда, через час во дворце сделаешься первым, кто бы сомневался. И мы, да выпитися бедняга Хема на небесных полях, чуток сместимся в очереди. Приятно же, сознайся? А для полного счастья подобное движение не должно стопориться.

– М-да, ведь Айнару теперь лишь один шаг до ряда аннинов, – вздохнул Гои. – Счастливчик. Последнее усилие, и достигнута цель: почетное место, своя деревенька, доход, уважение, богатые невесты косяком... – он зажмурился, будто от сказочно сладкого яства. – Счастливчик. Нам-то с Оминасом ползти и ползти.

– Торопитесь завидовать, кимиты, – буркнул Айнар. – Надо еще дожидаться решения князя, затем – новой вакансии. Вдобавок не потерять по дороге голову и стяжать достаточно славы. Задача не из легких.

– Справимся, – Оминас повертел в руках пустую плоскую, на всякий случай глянул в соседние. – Если князь намерен продолжать войны – обязательно справимся. Рано или поздно, так или иначе, каждый... У вас тоже закончилось? Странно, стол вроде ломился, а толком и не перекусили...

– Про оплату не забудь, обжора.

Едва гости потянулись к кошелькам, рядом вырос почти-точно безмолвный Окоши.

– На! – урмат, поколебавшись, сунул мальчишке горсть монет. – Боги, какой же я был баран, когда два года назад присоветовал это заведение товарищу! Поселился б сам – теперь не ведал бы ни затрат, ни одиночества. Мечта!

Айнар только пренебрежительно фыркнул, зато Гои заметил, отсчитывая деньги:

– Шутки шутками, друзья, а ведь нам действительно в пору озаботиться собственными средствами. Поход – дело лишь в итоге прибыльное, в начале же – разорительное. На что снаряжаться будем? У меня еще половина доспехов не в порядке, мастер отказывается работать без погашения прежних долгов.

– Так всыпь негодяю от души, – пожал плечами Оминас. – Ишь, отказывать Ближним!..

– Если б ты знал, какая там сумма скопилась. Последний трус в бой кинется.

– Это правда, задолжали мы, кому только можно. Вон, у моего дома шорник с кузнецом днюют и ночуют, расплаты ждут. А случись новый поход... Продать чего-нибудь, что ли?

– Отличная идея, – хмыкнул Айнар. – Жаль, все, годное для продажи, давным-давно продано. И прогуляно.

– А почему сразу на меня смотрите? – обиделся урмат. – Я один гулял? И даже если выпиваю иногда чуточку больше...

– Вдвое, – усмехнулся Гои. – Ладно, кимиты, сейчас время не виноватого искать, а выход. Каждому придется затянуть

туже пояс и умерить аппетит.

– То есть, вечером не кутим?

– Нет денег кутить, дружище, слышал ведь: Айнар приехал пустым. Неурочная аскеза. Попутно, кстати, пороемся в запасах – вдруг заваялось что-нибудь.

– Едва ли там сыщется хоть крошка... Но пороемся, конечно.

Под такие разговоры компания поднялась из-за стола. Шумно пересекли зал, поблагодарили за угощение хозяйку. Сорику смущалась и кланялась чаще обычного – не то от похвал, не то от вольных ухмылок гостей.

За порогом город только пробуждался ото сна, только взбивали пыль первые повозки, прочищали глотки лоточники. День разгорался нерядовой. Праздник, равного которому, пожалуй, и не упомнишь. Сотни, тысячи любопытных съехались в Шораи, каждого требовалось приютить, накормить, напоить – ради подобных барышей стоило потрудиться.

– Отправляемся, пока толпа дороги не запрудила, – предложил Гои.

Дельная мысль, однако, не учитывала состав явившихся в город зевак. Это родовитые гости редко показывались на улице до полудня, нынче же глазеть на торжество собрались главным образом простолюдины. Им не было нужды терзаться, выбирая приличествующий случаю наряд – довольствовались, как правило, единственным. Не задерживал

и завтрак – изобилием он обычно не отличался. Даже привезшие что-либо на продажу крестьяне считали своим долгом прежде обозреть город, а уж после спешить на рынок. И верно, когда еще забросит судьба в столь диковинное место? А тут вдобавок слухи о дармовом угощении и зрелищах!..

Короче, улицы заполнялись на глазах. Чудилось, каждый дом, каждый проулок буквально сочится народом. Пестрый людской поток гомонил и клокотал, отсутствие же у большинства конкретной цели делало его совершенно хаотичным. Перед тремя всадниками расступались, но все неохотнее и с возрастающим трудом.

– Прочь! – Оминас, как самый внушительный, ехал во главе колонны, ему же выпало расчищать путь. – Оглохли, остолопы? Прочь с дороги! Плетей на вас не хватает... Чего, заболтались, кумушки? Нашли место. Брысь, говорят! Дорогу!

Прямо у ног ворочалось море толпы. Разномастные одежды, пятна лиц – кто-то сдергивал шапку и кланялся, многие едва успевали обернуться. Крики, ругань, перемешанные с зазывными возгласами торговцев. Несколько раз приходилось вообще останавливаться, упершись в чересчур неуклюжего лоточника или повозку. Празднику не было дела до спешащих во дворец воинов.

– Проклятье! – Оминас в ярости махал плетью, но это не помогало. – Нам что, прорубаться сквозь вас, мерзавцы? Расступились! Не то, клянусь Небом, я вправду...

Айнар хлопнул по крупу Дикаря и нагнал урмата.

– Здесь до дворца рукой подать, – заговорил, силясь перекрыть царящий вокруг ор. – Свернем налево, проедем перулком и аккурат к воротам.

– Ты про ту вонючую дыру? – поморщился Оминас, посмотрев в указанную сторону.

– Вонючую, – кивнул Айнар. – Зато народу там гораздо меньше, а тот, что есть, мы легко оттесним. Двинулись.

Проулок действительно выглядел неважно. Узкий – двум всадникам еле разминуться, темный, просто щель между домами, ненароком забывшими сомкнуть ряд. Жители к тому же нашли дефекту полезное применение – судя по захлопавшей под копытами жиже, сюда выливались все окрестные нечистоты. Даже странно было видеть подобную клоаку в самом центре города.

На счастье, людей обнаружилось немного, лишь с десятков хитрецов, вознамерившихся тоже срезать путь. Эти сенили по середине, по относительно сухой тропке, зажав носы ладонями или лаами одежды. Что ж, короткий путь не всегда чистый – внезапное появление конного отряда превратило неприятную перебежку в кошмар. Воины, которым не терпелось быстрее покинуть здешний смрад, прибавили ходу. Случайные прохожие посыпались в стороны, в лужи и канавы с мерзкой жижей, в кучи хлама у стен...

Право, если б не вонь, удалось бы посмеяться: брызги, вопли, причитания. Кто-то споткнулся и плюхнулся в грязь,

выронила белье какая-то прачка, заревел перепуганный младенец!.. Впрочем, вонь никуда не исчезла, потому отряд не промедлил ни на миг. И переулочек короткий, уже половина позади. Еще чуть-чуть, вдали проступили контуры дворцовых башен на залитой солнцем площади... Вот сейчас... Кони сами рвутся вперед...

Преграда возникла вдруг – навстречу в щель въехали верховые. Трое Ближних едва успели сдержать лошадей, встали вплотную. Пригляделись. Незнакомые воины. Незнакомые не только по лицам, но и по богатым, украшенным перьями доспехам, по сбруе, оружию. Хотя нет! Как раз оружие-то трудно было не признать. На торжество вроде нынешнего можно вырядить себя и лошадь, взять отделанные золотом ножны, однако вряд ли настоящий воин сменит привычный тип оружия – порой праздники заканчивались и кровью. А эти слегка изогнутые мечи ни с чем не спутать.

Айнар покосился на друзей, по их закаменевшим чертам понял: они также опознали встречников. Тигоны. Вероятно, кто-то из посольства Гайафы, вокруг которого, собственно, и клубилась сегодняшняя круговерть. Ну какой бес дернул высоких гостей свернуть с шумной площади в проклятый закоулок?

Во главе вражеского – язык не поворачивался назвать по-иному – отряда находился осанистый, плечистый воин. Лет тридцати, худое лицо, длинные черные волосы, стянутые в обязательную косицу, хищный излом бровей, краси-

вый прямой нос, узкая полоска усов. Глаза... Сильные глаза. Чем-то неуловимым человек напомнил Гои, разве постарше, поискушеннее. Дорогие доспехи, отделанные серебряными бляхами и атласом – парадные, не для боя. У изукрашенного седла – увитый вязью чеканки шлем. Ножны меча, опять восхищающие роскошью... Отрезвила Айнара кисть в перчатке, что охватила рукоять привычно и уверенно.

Всадники обоих отрядов напряженно застыли друг напротив друга. Едва не касавшиеся мордами кони нервно всхрапывали – вероятно, передавалась настороженность хозяев. Тихонько ойкнув, шмыгнул прочь случайный прохожий.

За спиной у посланца Гайафы трое, за Айнаром, перегородившим ему дорогу – на одного меньше. Правда, смотрелись прочие тигоны не так внушительно как вожак. Тоже дворяне, тоже сведущие в ратном ремесле, но, похоже, не чета Ближним. Значит, вожак...

Пауза неприлично затягивалась. Айнар с незнакомцем буравили один другого взглядами, полными надменной враждебности. Слабины никто не выказал.

Между тем долго топтаться в зловонном проулке было невыносимо. Среди тигонов закашлялись, и тогда их предводитель скривил губы в подобие улыбки:

– Извините, любезнейший. Не позволите ли нам проехать?

Айнара передернуло: к нему обращались как к простолюдину! Весьма вежливо по форме, но дерзко по сути. Хотя

и изъяснялся чужеземец на ломаном нидиарском, он не мог не улавливать нюансов — слишком много внимания этому уделяло благородное сословие.

— Принимаю извинения, — произнес отторо холодно. — Только осмелюсь заметить, кимит: вам пятиться гораздо ближе, чем нам. Выходит, вам и освобождать дорогу.

Теперь вздрогнул уже тигон. Сощурил глаза, сжал губы в нитку. Не хочет считаться ровней? Да и бес с ним! Пусть князь в заоблачных политесах расшаркивается с буйными соседями, а простые воины еще не успели забыть, с кем сражались последние годы. И кого регулярно били!

— Вы, вероятно, плохо представляете, кому пытаетесь препятствовать, — чужак вернул лицу прежнюю бесстрастность. — Я Гвем Ла Ксуам, руководитель охраны посольства Всесветлого князя Гайафы. Помеха мне — помеха посольству, то есть государственным интересам. Осознаете, любезнейший? Немедленно освободите дорогу.

Опять! Айнар почувствовал, как внутри заворочался зверь лихого, неукротимого бешенства. Не раз сей дар кровожадной Саоры вручал хозяина в бою... хотя здесь вроде не война... Отторо с трудом увел пальцы от меча.

— Я уважаю гостей моей земли и моего господина, готов всячески им помогать. Мы радушный, добросердечный народ. Хорошо бы еще, чтобы гости не нарушали рамок приличий. Если здравый смысл подсказывает уступить, достойный гость уступит, а недостойный... Недостойному, полагаю, во-

обще не место в Илдоке.

Тут вскинулись все. Роптали возмущенные иноземцы, что-то торопливо шептал Оминас, дергал за рукав. Айнар не слышал. И его соперник, похоже, не обращал внимания на шум. Два сильных воина уперлись взглядами друг в друга, точно олени рогами в весенний гон – не разомкнуться. Дурацкий проулок был уже неважен, шел спор характеров.

– Требую, чтобы вы посторонились, – отчеканил назвавшийся Ксуамом.

– Я требую того же, – одними губами усмехнулся Айнар. – Слово дворянина против абсолютно такого же слова. Что теперь?

– Я заставлю уважать посольство Всесветлого князя!

– Не припутывай сюда посольство, кимит. Сам отвечай за себя!

– Как?! – рывкнул тигон, выдергивая клинок из ножен до половины. – Мальчишка! Прочь с дороги или я вразумлю тебя по-настоящему!

– Уж вразуми, сделай, наконец, милость.

По существу состоялся вызов. Не раз и не два Айнар бросал такой, частенько получал, биться на поединках не было ему в диковинку. Вероятно, и чужеземец имел опыт. Только подыскать уголок потише да скрестить мечи. Обычная история. Кто из юных дворян, приезжая в Шораи, не пытался отвоевать себе место под солнцем силой оружия? Кто из закаленных воинов не осаживал ватаги желторотых драчунов?

Обычная история... Правда, нынче зрел самый грозный конфликт – между двумя искушенными бойцами. Об иных подобных схватках складывались легенды на десятилетия.

– ...Неслыханная наглость! – выкрик со стороны тигонов.

– В конце концов, благородные кимиты, мы ведь прекрасно можем разъехаться! – это Гои. – Каждый двинется своим путем, и все забудут о глупом споре.

Ага, если царапать одним стремянем грязную, выщербленную стену, а другим – сапог встречного?.. Нет уж, здесь на такое теперь не согласятся. По крайней мере, Айнар откажется. Либо защитить законное право проезда, либо... Пускай старик Шу определяет, чью нить судьбы резать – отступить значило унижить честь! А унижение истинному воину страшнее смерти.

Смуглое лицо тигона потемнело пуще. Чудилось, он готов был устроить поединок прямо сейчас, но противник медлил братья за оружие. Да вдобавок два спутника потянулись к вожаку то ли вразумлять, то ли удерживать. Слушал Ксуам недолго, кривясь и кусая ус. Затем резко выдернул рукав из пальцев советчика.

– Очень сожалею, кимит, – произнес, помолчав. – Очень жаль, что на данный момент моя жизнь мне не принадлежит. Я не смею обмануть надежды господина ради наказания случайного задиры. Хотя стоило бы!.. – вырвалось яростное. – Не сомневайся, при иных обстоятельствах...

– Я в любой момент окажу тебе эту маленькую услугу,

кимит, — ухмылка илдока породила новый приступ гнева. Тигон с трудом взял себя в руки.

— Твое имя?

— Айнар Годой, Ближний отторо князя Илдока.

— Отторо? — теперь нарочитая гримаса ранила уже сердце Айнара. — Что ж, пусть даже отторо. Буду молить Богов, дабы подарили нам следующую встречу.

— Охотно поддержу твои мольбы.

По знаку вожака отряд посольства принялся разворачивать коней. Совершить такое в узком проулке оказалось непросто, но вскоре, разгоня скопившихся зевак, тигоны удалились обратно на площадь. Ксуам не обернулся ни разу.

— И стоило ли затевать грызню? — слева втиснулся Гои. — Ради проезда по вонючей тропке?

— Конечно, стоило! — с другой стороны откликнулся Оминас. — А ты сомневаешься? С какой стати дворяне Илдока должны уступать всяким пришельцам? Шляются по городу точно по завоеванному...

— Стоило, — подтвердил хмурый Айнар. — Я этих мерзавцев привык видеть лишь врагами на бранном поле, нынче же мне их навязывают в союзники. Хорошо, пускай высокий интерес страны требует. Но позволять им уже сегодня по-хамски хозяйничать в Шораи?! Обойдутся.

Гои перевел на него печальный взгляд.

— Хочешь сказать, столкнись мы тут с каким-нибудь мурадом северных земель, ты бы не упорствовал?

– Не знаю, – буркнул Айнар. – Возможно... А сейчас просто зло взяло...

– Пореже бы слушался своего зла, дружище.

– Да с чего вы, право, приуныли вдруг? – воскликнул урмат. – Что особенного произошло? Ну, случилась ссора, наметился поединок – так ведь это у нас не в первый раз. И, смилостивятся Небеса, не в последний. Что лучше славной драки будоражит кровь?

– Или выпускает ее.

– Типун тебе на язык, Гои. Накаркаешь! Опять же Айнара не очень-то легко одолеть.

– Тот тигон мне тоже не показался недоучкой. Матерый боец. И охранять посольство Гайафа абы кому не доверит.

Оминас в удивлении покрутил головой, потом отмахнулся беспечно:

– Чепуха, справимся. Крупнее волкам клыки обламывали, а тут... Подумаешь, «Ксуам»! Не слыхал о таком – значит, особых подвигов за ним не водится.

– Семейство-то известное – отец рассказывал. А это, вероятно, кто-то из молодой поросли. Но дело даже не в грозности самого бойца.

– Что еще? – насторожился Айнар.

– Князю едва ли понравится ссора Ближнего с дворянином посольства. Негоже нам мешаться в высокие интриги.

– Не собираюсь я никуда мешаться! Ты же видел: мы проехали первыми, они...

– Важнее, как все изложат князю, – оборвал друга Гои. – А то ведь и до опалы недалеко. Она тебе нужна?

Убийственный аргумент. Не хватило сумасшедшего отшельника? Айнар понурился – впору было корить себя за неумеренную вспыльчивость. Или, может, просить у иноземца прощения? Ну нет, тогда уж лучше опала! Извиняться перед гостем, который осмеливается командовать в чужом городе? На поле сражения ничем не блеснул, а туда же: оскорблять, интриговать, лишать других славы и средств к существованию... Пусть только попробует вправду выйти на поединок... Хотя момент, чего скрывать, выдался неудачным до крайности – под угрозой оказывалось утверждение Айнара в качестве первого из отторо. Разве что не успеют доползти до дворца ядовитые слухи...

Как бы то ни было, друзья поспешили покинуть зловонный проулок. Снова солнце, шум, яркие краски – главная площадь Шораи нетерпеливо ожидала начала праздника. Снова требовалось протискиваться сквозь ошалевшее скопище. Крики, улыбки, смех. Похоже, народ, толком не разбираясь в ситуации, с готовностью ловил шанс повеселиться. Лишь трое всадников сохраняли мрачный вид посреди торжества. Людей, испортивших им настроение, нигде не обнаружилось. Зато цель находилась рядом – на другом конце площади высились башни дворца.

Собственно, дворцом это сооружение называли скорее по традиции, как резиденцию верховного правителя.

В остальном ничего общего: там, где в эпоху единых Царств строили роскошное здание с куполами и мраморными колоннами, теперь предпочитали тесный треугольник башен, связанных могучими стенами. Увы, нынче не до роскошеств, прежде думалось о безопасности – даже ворвись враг в город, захват последней цитадели ему обойдется дорого. А поскольку нападения случались, дворец являлся именно крепостью. И площадь – не площадь, хоть плескайся на ней ежедневно торжище или, как сейчас, гуляние. Расчищенное пространство для удобств обороны, вот! Иначе зачем бы сберегалось столько пустого места в задыхающемся от скученности Шораи?

Ворота дворца между трепещущими алыми полотнищами флагов были распахнуты – редкое зрелище подчеркивало важность грядущего события. Легкий мост при въезде гудел под множеством ног. Разумеется, праздник праздником, а пускали далеко не всех, тем не менее проезжающих отыскалась масса. Пешие и конные, воины и чиновники, повозки и целые караваны. В придачу у самого моста скопились зеваки, жаждущие первыми выведать новости. Потеснив простонародье, трое воинов кивнули страже и проследовали внутрь.

Здесь кутерьма царила еще большая. Намеченное время церемонии надвигалось, подготовка, естественно, не поспевала. Носились, сталкиваясь, взмыленные слуги; надрывали глотки распорядители, внося лишь дополнительный сумбур;

перетаскивались всевозможные блюда, кувшины, сундуки, свертки – точно к серьезному походу. По счастью, сыскались в этом хаосе и спокойные лица. Ближние, цвет ратников княжества, подтягивались поодиночке или малыми группами. Все в лучших, богатых нарядах, начищенных доспехах, на украшенных лентами конях. Друг друга они знали прекрасно, но при встрече ограничивались величавым поклоном. Сегодня за строгостью ритуалов следили тщательно.

Тем удивленнее вздрогнул двор, когда высокий голос грянул:

– Гои! Айнар! Друзья, где же вы пропадаете? Мастер церемоний белый со злости скачет.

От дальней башни к вновьприбывшим направлялся черноволосый юноша, стройный и стремительный. Киенео Тороми был, пожалуй, самым молодым в свите князя, однако закон гласил: круг Ближних – круг равных. Независимо от возраста, опыта или состояния. Если безусый юнец сумел пробиться в ряды избранных, он оказывался фактически братом любому седому ветерану. А Киенео числился к тому же не последним из отторо. Седьмым – это кое о чем говорило.

Подскочив вплотную, юноша едва выполнил положенные поклоны.

– Идем скорее, Айнар! – воскликнул он. – Ждут все! Вот-вот подадут сигнал, а тебя нет.

– То есть что, нас с Гои уже никто не ждет? – Оминас

скорчил обиженную физиономию. — И вон еще кимиты прибывают, Ракутан, слышите, в воротах застрял, ругается. А?

Киенео оглянулся растерянно. Доблесть его сомнений не вызывала, зато навык всегда, в любой обстановке сохранять подобающий вид требовал оттачивания. И сейчас юноша вначале побледнел, потом залился румянцем и потупился, сконфуженный:

— Так ведь... Мастер... Хотя ваша правда, благородные воины, всем приказано немедля собраться к тронному залу. Просто... у Айнара же сегодня особая роль. Как-никак первый среди...

— Да погодите вы с поздравлениями, — поморщился Айнар. Восхищенные взоры младшего товарища настроения не улучшали. — Пока не прозвучало княжеское слово, это пустые надежды.

— Но как же?.. — оторопел Киенео. — По очереди... И Хема, да упокоится его дух...

— Разное случается.

— Истинно говоришь, — кивнул Оминас. — Обычно очередность, конечно, соблюдается, но встречались исключения. Разве ты не слышал, Киенео? Крайне редко, но бывало. Кого-то за выдающиеся свершения продвигали сразу на несколько шагов, кого-то за провинности... — урмат осекся. — В общем, давайте-ка, друзья, проявим сдержанность. Молимся за Айнара, но зря не болтаем. Чтобы серебряную рыбку удачи не спугнуть. Она же и нам, сирым, мыслю, еще

пригодится, так?

Вчетвером Ближние отправились дальше, к единственному в крепости мирному зданию – обширному, двухэтажному, под роскошной крышей желтой черепицы. На широких ступенях веранды между статуями стражников, живыми и каменными, прыгал в нетерпении маленький щуплый человечек с седой бородкой. Он метался взад-вперед, рубил руками воздух и сыпал восклицаниями. То, что тирады – несомненно, гневные – могли расслышать только бесстрастные охранники, человека не смущало ничуть. Отвлёкся он лишь с появлением молодых воинов.

– Хвала Небесам! – запричитал старик. – Я ведь уже иду подавать сигнал к церемонии, кимиты. Желаете опоздать?

– Ни в коем разе, – заверил Оминас, не отважившийся тут даже улыбнуться. Дзиргема, мастера церемоний, отличало наравне с раздражительностью также нешуточное влияние на князя.

– Все в порядке, мастер, – вступился Киенео. – Я их нашел и поторопил, как просили.

Человечек скривился.

– В порядке?.. Подозреваю, вам, молодые люди, вообще незнакомо слово «порядок». Действительно, зачем блюсти установленные нормы, если их гораздо веселее нарушать? Пускаться в путешествия, когда вздумается, возвращаться, когда получится...

– Я задержался не по своей воле, – попробовал вклинить-

ся Айнар, однако Дзиргем его не слушал.

– ...И разве имеет значение, что вам наперед сообщили о торжественном приеме? Ведь кругом столько соблазнов: гульба, женщины, скачки, ссоры – во всем нужно поучаствовать...

Айнар напрягся.

– О каких это ссорах толкуешь, кимит?

– Каких? Да мало ли? У вас же, клянусь молнией Каона, дня без них не проходит! Или ошибаюсь? Кровь бурлит так, что битв не хватает? Могу помочь – в башне холодные подвалы имеются, аккурат для подобных сорвиголов.

Уф-ф, весть о недавней стычке сюда, кажется, пока не долетела.

– Но мы же успели к сроку, – заметил Гои.

– Успели, потому что я промедлил! – Дзиргем запахнул парадный, шитый золотом халат и вздернул козлиную бородку. – Не благодарите – не ради ваших особ, исключительно для спокойствия господина. Без того ему выпало волнений за последнее время... Иначе хлебнули бы... А сейчас, молодые люди, я направляюсь прямиком в тронный зал. Уразумели? И попробуйте задержаться по дороге туда хоть на миг!

Друзья проводили взглядами мастера церемоний, гордо шествовавшего к вершине лестницы.

– Тронемся и мы, – вздохнул Гои. – Вон, даже Ракутан выпутался из всех препон, а приходить позже него воистину неприлично.

III

Очень осторожно обследовал себя дальше. Результаты получались скверные: на нем действительно не оставили живого места. Каждый клочок тела, каждая клеточка вопили от боли – кто истошно, кто глухо, но единым общим хором. Левая рука ниже локтя, правое бедро, левая голень – явно сломаны, угрожающе ныла спина. И с ребрами непорядок – человек по-прежнему хрипел и сплевывал красным. Слава Богам, его не резали, а били – крови на земле натекло мало. И еще слава – шея ворочалась, а то надлежало просто утихомириться и помереть. Хотя что делать теперь?

Он вновь оглядел прогалину. Впереди начинался пологий склон, куда деревья как бы погружались стройными шеренгами. Вспомнились слова врага. Поверить? Там дорога? Или, может, трясины для доверчивой жертвы? Враг солгал бы легко, с радостью, но какое другое направление выбрать? Ошибешься – точно сгинеешь, тут и здоровому пешком плутать не один день. А много ли времени отвела судьба несчастному калеке? Вряд ли больше, чем до вечера. То есть при выборе требовалось рисковать.

Тогда почему бы и не поверить вражеской подсказке? Ведь мог же он говорить правду? Если б желал бросить умирать в лесу – привязал бы, например, к дереву. И все... Однако нет, мерзавцу

зачем-то понадобилось указывать дорогу, путь к людям. Только ли чтоб потерзать тщетной надеждой? Или он готов был на самом деле выпустить покалеченного в мир? Ладно, если так. Секундная ли слабость, жестокий ли расчет – зло еще горько пожалеет о подобных подарках...

Человек протянул руку и ухватился за выпиравший из земли корень. Еле-еле, двумя пальцами – остальные, похоже, поломали. Аккуратно начал переваливаться на бок. Израненное тело разом взвыло, но неожиданностью это уже не явилось. Лишь крепче сжать зубы, зажмуриться и терпеть. Не вытерпишь – конец, откажет сознание – тоже конец. Очень просто.

Знакомые ступени, отполированные тысячами ног; неподвижные стражи с алебардами; дымок курительниц, плавно переходивший в освежающую полутьму. Короткий коридор за порогом как нарочно был устроен, чтобы глаза привыкли к сумраку помещения. Или чтобы гость перевел дух после летнего пекла. Или чтоб, не спеша, разулся. Во всяком случае воины успели сделать и первое, и второе, и третье.

Через несколько шагов коридор раскрывался вширь и ввысь, превращаясь в настоящую залу. Вдоль стен, украшенных деревянной резьбой, ряды темных силуэтов – там расположились приглашенные на нынешний прием. Внушительное намечалось собрание: Ближние, избранные чиновники, пара жрецов и высшая знать княжества во главе с сыновьями властителя Илдока.

Шорох подошв по начищенному до блеска полу привлек внимание, однако встретили новых визитеров сдержанно: кто-то ограничился легким кивком, иные – прежде всего, знать – не опустились даже до этого. Уже по таким приметам вошедшие быстро определили свое место и двинулись влево, к воинам.

Еще чередá поклонов. Наконец сели, прислушались. Ожидание здесь, похоже, тянулось давно, потому вдоль стен журчали шепотки разговоров. Совершенно, впрочем, безобидных: женщины, лошади, поединки – точь-в-точь как живописал Дзиргем. Лишь самые опытные, седовласые аннины берегли отстраненно-надменное молчание. На молодежь они косились с явным осуждением, хотя одергивать не пытались.

Из четверых запоздавших первым, разумеется, увлекся болтовней неугомонный Оминас. Затем Киенео окликнули откуда-то, он, пригнувшись, направился прочь. Не касались пересуды разве что Айнара да Гои. И если второй никогда не отличался словоохотливостью, то Айнар определенно чувствовал к себе повышенный, напряженный интерес. Не только со стороны Ближних – даже вельможи от противоположной стены бросали взоры именно на него. Что-то проведали? О новом взлете или новых проступках? За последние годы Айнару редко было так неуютно в полутемной приемной. Он силился уловить настроение смотревших, но те чересчур быстро отводили глаза... Вроде бы никакого злораства. Спокойное, холодное любопытство. Значит, все же

первый из отторо? Желанное место, славное лишь одним – с него рукой подать до переднего ряда, до аннинов! До своей земли!..

Стоп. Айнар запретил себе думать об этом. И без того сердце забухало в предвкушении, жар ударил по щекам – не ровен час, заметит кто. Хорош кандидат в аннины, не умеющий обуздать собственные эмоции!

То ли переживания увлекли воина, то ли Дзиргем действительно торопился, но через считанные минуты щуплый мастер церемоний возник на пороге. Разговоры моментально смолкли. Будто не видя сидевших вдоль стен людей, Дзиргем проследовал к дверям тронного зала, по-прежнему гордый до высокомерия. Вот у кого поучиться выдержке – в заполненной народом комнате раздавался только мерный, шелестящий шаг и шуршание шлейфа парадного халата. Точно истинный владыка Дзиргем достиг створок, поднял руку с жезлом и ударил в позеленевшую от древности бронзу. На третьем ударе двери распахнулись.

– Время входить, – сделав эффектную паузу, возгласил мастер.

По большому счету этой фразой обязанности его на сегодня и исчерпывались – собравшиеся, люди искушенные, прекрасно знали полагающееся каждому место. Лишь пропустить двинувшихся смиренной вереницей визитеров да затворить за ними двери. Ни пышных ритуалов, ни особых встреч, ни откровенно опоздавших. И тем не менее Дзиргем

скрупулезно хранил величавость осанки, разрешая пройти мимо себя элите страны.

Тронный зал, как и здание в целом, строился главным образом для приема гостей: чужеземных посланников, соседей-правителей, заезжих богатых купцов, а, кроме того, собственной знати. По традиции тут следовало поражать, ошеломлять роскошью и красотой. Какой захудалый мурад не разложит перед гостями все свои поблекшие побрякушки да плешивые шкуры добытого в старину зверья? Тем удивительнее, что главный зал княжества был выдержан совершенно в иной манере – просторное невысокое помещение с ажурной колоннадой вдоль боковых стен украшали не золото, мрамор или ковры. Великолепное черное дерево. Его обычно поставляли из-за южных морей за баснословные деньги, а едва вспыхивала новая вражда, цены вовсе исчезали в облаках. Однако, не смотря ни на что, товар пользовался спросом. Шораи замирал, когда в порту выгружалось сокровище – маленькие тонкие дощечки, завернутые в шелк. Болтали, якобы над каждой мастера трудились по году, вырезая, шлифуя, вымачивая, а под конец покрывая особым лаком. Правда—нет, кто бы знал. Но матовая, темная поверхность такой дощечки, пронизанная причудливым узором жил, действительно завораживала. Хотя бы и в виде кусочка на столе. А тут целый зал!

Впрочем, даже несведущий в деталях чувствовал исключительность комнаты. Сумрачная, гулкая пустота, тишина,

поблескивавшие стены и мелодично поющий под ногами пол – создавалась атмосфера почти храма. Храма, где в качестве алтаря выступало возвышение с тронем. Лаконично и впечатляюще. Айнар помнил, какой трепет пережил, впервые очутившись здесь, подобное уготавливалось и любому гостю. Что за гений надоумил предков нынешнего князя сотворить такое святилище? Во дворце называли самих правителей, но верилось с трудом – порода была не та...

Крохотный миг гордости – пока надменные вельможи рассаживались вдоль колонн, цепочка Ближних проследовала дальше, к возвышению. Только там полагалось находиться доверенным воинам, прикрывая спину господина, отсюда и их титулование – «Ближние». Они шли не по старшинству, но каждый привычно занимал свое место. Два ряда по двенадцать человек. В переднем – Айнар специально покосился – зияла брешь, там еще недавно восседал Хема.

Сам Айнар расположился в заднем ряду, вторым справа. Правее – лишь Таидзиро, слепо глядящий под ноги. Вот кого впрямь надлежало поздравлять! Остроносое лицо поджарого воина было необычно бледно, на виске пульсировала влажная жилка. Естественно, разве тут спрячешь волнение? Это у Айнара захватывало дух при единой мысли о первенстве среди отторо, а Таидзиро ожидал куда большего. Вступления в число аннинов! Даже подумать боязно. Пускай левым, последним в ряду, зато в ряду переднем, облеченном особой славой, доверием и... землей! Ведь каждый аннин

получал на кормление поместье с одной-двумя деревушками. Скромное богатство – полста человек, вдобавок приписываемые только на время службы – но сказочное сокровище для хлебнувших лиха безземельных сыновей...

В ряду отторо также царило осязаемое оживление. Третьим сидел Гои, четвертым – Оминас, седьмым – юный Киенео. Они тоже рассчитывали на продвижение, но коренное изменение статуса таилось для них где-то далеко, потому веселье смотрелось непринужденнее. Впрочем, даже делясь остротами, воины не забывали поглядывать на нишу в боковой стене.

Незримая дверь там, разумеется, не скрипнула, но едва во тьме обозначилось светлое пятно, все шепотки сменились единым шорохом сгибающихся в поклоне спин. Сидзиро Або, князь в четвертом поколении, боготворимый правитель Илдока милостиво кивнул в ответ. Худошавый старичок в бирюзовой фуке, чуть шаркающая походка, венчик редких седых волос на темени, подрагивающая борода. Если б не цепкий взгляд очень широко открытых для нидиарца глаз, вид показался бы совершенно безобидным.

Между тем именно при Сидзиро влияние Илдока возросло как никогда. Дорогой ценой, большой кровью, но князь заставил соседей с собой считаться. Да и как иначе, если в придачу к силе он отличался и другим, весьма грозным качеством – непредсказуемостью? Неожиданные решения, дерзкие атаки, внезапные скачки от войн к интригам, а затем

обратно. Осады и переговоры, союзы и тайные козни – князь был воистину талантлив и неистощим на выдумку. А с таким волей-неволей каждый захочет дружить. Хотя бы чтоб меньше опасаться удара в спину.

Сейчас, как понял Айнар по еле заметным признакам, господин находился в приподнятом настроении. Радуетса успеху новой ошеломляющей идеи – вечного мира с Гайафой? Не исключено. Сидзиро даже, почудилось, подмигнул Ближним, направляясь к трону – широкой резной скамье, позолоченной и засыпанной подушками. Помнится, урматы как-то прислали князю в дар трон, сделанный на западный манер. При дворе долго смеялись над высоким креслом. Неужели достойно человека сидеть, свесив ноги? И неужели властителю ломать традиции, завещанные прадедами? А те еще с кочевых времен требовали предельной простоты – пол, циновка, для высшей знати – скамья. Но разве растолкуешь это урматам, вечно плящимся на запад, откуда и явились? Или остальным пришлым? Ведь нидиарцы считали себя единственным коренным племенем Диадона. Среди тигонов, включая южных, бродило о том иное суждение, но Айнар предпочитал помалкивать. Желают величаться «первым народом» – пожалуйста. Какая, в сущности, разница? Лишь бы за службу платили исправно...

Под такие размышления князь успел не только усесться на троне, но и начать беседу. Собственно, главной целью нынешней встречи было обсудить с влиятельнейшими людьми

страны громкий сегодняшний союз. Или, точнее, донести до них детали договоренностей – в верности самой идеи замирения со злейшим врагом Сидзиро сомневаться не позволил. Хватило одного короткого окрика, чтобы чересчур смелый вельможа покорно склонился до пола.

Потом больше ораторствовал первый министр Фугеру Тонсар – напыщенный чиновник, снискавший при дворе негласное прозвище «Живоглот». Расстелив перед собой свитки, он зачитывал целые статьи документов, изредка добавляя свои пояснения. На беглый взгляд вырисовывались сплошные выгоды. Впрочем, Айнара по-настоящему волновали только два вопроса, и прежде – общий с тигонами поход на север. Вероятно, воин что-то упустил, не привык разбирать витиеватые фразы, но конкретно ничего вроде бы не назначалось. Допускалась возможность подобных действий, оговаривалась помощь друг другу при нападении со стороны и все. Айнар даже завертелся на месте, пытаясь обратиться к товарищам, да толчок Гои вовремя успокоил.

Томительно тянулись минуты, неспешно катился по залу голос министра. Пункт за пунктом, статья за статьей. Айнар встрепенулся, лишь когда монотонный речитатив смолк. Однако и после интереснее не стало: вельможи принялись обсуждать услышанное. Затея с союзом явно не каждому пришлась по душе, но теперь перечить князю не дерзали. Обсуждение свелось к уточнению некоторых мелочей, частности. Закупки, посольства, давние земельные споры – ниче-

го любопытного. Только Ринитаро, старший сын властителя, спросил о якобы планируемом походе, на что отец поморщился:

– Не торопи события. Вездесущие слухи умы бередают? Не вам, благородным воинам, доверять простонародной молве. Все действительно необходимое сообщу вам я. В нужное время.

– Можно ли понимать так, господин, – продолжил упрямый Ринитаро, – что совместный поход не состоится?

Требовалось быть сыном князя, проявляя подобную настойчивость. Сидзиро нахмурился, вздернул бороду, но наследник головы не опускал. Пришлось, помолчав, буркнуть:

– В нужное время сообщу.

Вот и думай теперь, как хочешь: вроде не подтвердились слухи, а вроде и опровергнуты не были. Между тем поход – дело нешуточное, тут подготовки не на один день. Или князь полагает, у его Ближних никаких трудностей? Получили сигнал, вскочили на коней и в бой? Опасно, если существует такое заблуждение. Для властителя опасно и для воинов – либо неготовым кинешься на верную гибель, либо заслужишь высочайший гнев за копотливость. Айнар оглядел спины сидевших впереди аннинов. Кого бы попросить замолвить в удобный момент словечко князю? Хотя первый ряд всегда держался со вторым чуть надменно, имелась пара-тройка человек, вполне доступных для общения.

– Что-нибудь еще непонятно? – повысил голос Сидзи-

ро. Прозвеневшая нотка раздражения, похоже, тотчас убила остатки сомнений, и взору господина предстали только склоненные головы. — Прекрасно. Тогда перейдем к более приятным вещам... То есть не то чтобы приятным... Как вам известно, недавно на поле брани в честном поединке пал Хема Урмат-кой. Уважение к этому блестящему, преданному воину требует почтить его память.

По знаку поднялись с колен два жреца в просторных золотых одеждах. Один ударил в маленький барабан на поясе, другой закачал курительницей. Слова древнего прощального гимна поплыли вместе со сладковатым дымом. Еще ниже склонились собравшиеся, едва не уткнувшись носами в пол. Даже князь, почудилось, опустил голову.

...Через реку забвения
В край высоких трав
В край вечного солнца
И вечного счастья...
Укажи ему путь,
О, мудрейший Энтав,
Достойному сесть
У порога всевластья...

Мерное постукивание барабана и голоса поющих надвигались, жрецы добрели по проходу чуть не до подножия трона. Айнар знал, что сейчас двое первых из аннинов оторвут взоры от пола — ритуал ритуалом, а оставлять господина без

охраны нельзя. Разное случалось за века.

Само собой, ничего опасного не произошло. Пение, замерев в крайней точке, начало медленно удаляться. Все же огромная честь – быть отпетым высшими иерархами культа Каона в присутствии князя, уже ради подобного стоило не жалеть живота в бою. Любой из Ближних мечтал о такой посмертной чести... Хотя лучше, конечно, уцелеть. И получить полагающуюся землю.

Жрецы умолкли, вернувшись к своим прежним местам. Одновременно подняли головы собравшиеся – несколько заключительных фраз, и обряд завершился. Тогда, бросив косой взгляд за спину, князь вновь шевельнул рукой. Во исполнение приказа Ближние, тотчас очутившиеся на ногах, двумя ручейками потекли в зал. Айнар заметил, как напрягся кое-кто из вельмож: не очередная ли внезапная выходка властителя? На прием лишь сам Сидзиро да его воины имели право являться с оружием – короткими мечами-гито. Следовательно, остальным воспротивиться взбалмошной причуде было бы, по существу, нечем.

Однако более опытные, разобрав сигнал, не волновались. Людские ручейки слились, Ближние стремительно восстановили строй, но теперь перед лицом своего господина. Те же два ряда по двенадцать человек, та же брешь, напоминающая о бедняге Хеме. Двадцать три пары глаз, покорно впеврившихся в основание трона. И один взгляд, что скользнул, почти ощутимо цепляя, по рядам.

– Потеря велика, но, слава Небесам, Илдок пока не оскудел храбрецами, – отчеканил Сидзиро. – Пусть живые займут места павших. Дзинфу... Ракутан...

Имена произносились медленно, с большими паузами, и после каждого названный воин пересаживался правее. Поклон, перемещение, опять поклон.

– Таидзиро, тебе вступать в число аннинов...

Воин справа от Айнара судорожно дернулся к полу, едва не ударившись лбом, вскочил, ошалело озираясь, а затем кинулся бегом сзади строя Ближних. Секунда, и передний ряд заполнился. Все шло заведенным издавна порядком.

– Теперь хочу представить, благородные воины, вашего нового товарища. Итоиши, сын почтенного мурата Рени Камица, не раз сражавшегося бок о бок со мной. Убежден, что и сын не посрамит доброго имени.

А вот это уже нарушение обычая! Озадаченный Айнар завертел головой: разве за Таидзиро не его очередь смещаться? При чем здесь какой-то новичок? Пускай дождется конца церемонии! Между тем худой и длинный юноша, чей румянец соперничал с красным цветом его фуки, шагнул из тени боковых колонн, неуклюже поклонился, вцепившись в рукоять меча. Опустился у подножия трона, звонким, срывающимся голоском произнес слова присяги. Дождался благожелательного кивка господина. Дальше возникла заминка – полагавшееся место двенадцатого среди отторо было еще занято. Что значит ломать порядок!

Айнар отвернулся от топтавшегося в смятении юнца и тотчас налетел на взгляд Сидзиро. Князь смотрел прямо на него, глаза в глаза. Айнар поспешил согнуть спину, однако взгляд по-прежнему колол. Умный, холодный, чуть насмешливый, чуть снисходительный взгляд. Такой же, как и голос, раздавшийся затем:

– Хвала Богам, отныне у нас опять полный состав Ближних. Лишь несколько мелких вопросов беспокоят. Например, кому возглавить отторо? Кому сменить доблестного Таидзиро?

По рядам окаменевших фигур пробежала рябь – здесь тоже не понимали задуманного властителем.

– Согласно обычаям это место теперь принадлежало бы Айнару Годую, – продолжал Сидзиро с убийственной монотонностью. – И у меня было намерение выдвинуть именно его. Бесстрашный воин, искусный, решительный. Прекрасно показал себя при Имотоги и недавно... Правда, в последнее время завелись сомнения на его счет.

Шепоток изумления. Сердце ухнуло куда-то в живот. Вопреки всякому этикету отторо вскинул голову – властитель не сводил с него холодного взгляда.

– ...Увы, но кроме отваги, – усмехнулся князь, – благородный Годой отличается еще и чрезмерной несдержанностью. Такое простительно в юности – кто из воинов не грешил подобным? Однако годы идут, а ничего не меняется. Постоянные дебоши, пьяное озорство, драки... Уже можно не спра-

шивать имен зачинщиков скандалов в городе – разумеется, Айнар. И его приятели.

Гои рядом еле заметно вздрогнул. Да и Оминас, надо полагать, чувствовал себя сейчас неуютно.

– ...Славно когда пылкость сердца проявляется на поле боя, но негоже бравировать ею в мирные дни! До каких пор?!.. Уверены, что я вечно буду покрывать ваши безобразия? Так вот ошибаетесь, благородные мои! Более я не намерен прощать любые выходки даже Ближним. С данной минуты, слышите? В конце концов, это не только хлопотно, но вредно! Доколе мне разбираться с жалобами пострадавших и семей покойников? Доколе казне оплачивать ваши шалости? А ссоры с чужеземцами, грозящие породить серьезные конфликты... несвоевременно? Хватит! Никто теперь не посмеет нагло попирать закон в стране!

Тяжело дышавший Айнар искоса оглядел зал – собравшиеся дружно склонились перед гневом князя, хотя настроения царили разные. Среди вельмож улавливалось довольство от укорота, полученного Ближними; седовласые аннины хмурили брови – они-то всегда осуждали вольности молодежи. Однако еще мрачнее смотрелись сами отторо, здесь трепет мешался с досадой на товарищей, накликавших такие жестокие меры.

Спокойнее же других, как ни странно, казался Сидзиро. Он старательно повышал тон на яростных тирадах, но в лице почти не менялся. И глаза оставались невозмутимо-хо-

лодными. Пожалуй, лишь это понуждало Айнара безмолвно сносить упрёки.

Непривычная терпеливость принесла плоды – после нескольких громких фраз Сидзиро внезапно замолчал и усмехнулся:

– Осознаете тяжесть ошибок? – естественно, все собравшиеся, правые и виноватые, пригнулись ниже. – То-то. И клянусь золотым тронем Каона, горе ждет того, кто забудет сегодняшние слова! Наказание вас впечатлит... Ну а пока... я проявлю милосердие. Полагаю, каждый сделает верные выводы и не позволит беспокоить своего господина ради пустых проказ... Айнар Годой, займи место первого среди отторо.

Точно торжественный глас с Небес! Точно рухнул с плеч чудовищный груз обвинений! Радостная волна подбросила Айнара, он едва успел отвесить самый глубокий поклон и метнулся вправо, на свободное пространство. На возделенное место, недавно покинутое Таидзиро! Из повторного поклона уловил смешок князя:

– Имей в виду, Айнар – это не только оценка былых заслуг, но и щедрый аванс. Я возлагаю на тебя надежды, так постарайся же не обмануть их.

Пришлось припасть лицом к полу в третий раз. Причем вполне искренне – сейчас воин готов был устремиться по приказу Сидзиро хоть на тысячу копий! Первый из отторо! А еще одно победное сражение, еще шаг... Ликование

портила единственная мысль: не посчитает ли князь обманом надежд зарезанного в пути отшельника? Да в придачу тигона, оскорбленного возле дворца?

Тем временем вокруг уже заплескалась жизнь – друзья-от-торо поочередно смещались вправо. Никто не позволял себе улыбки, но общее настроение явно улучшилось. Гроза миновала. Устроился рядом довольный Гои, за ним – Оминас. Вскоре нашлось место и для смущенного донельзя новичка Итоиши, который поспешил спрятаться за спины опытных товарищей.

– Славно, – князь оглядел Ближних. – Не сомневаюсь, теперь нам по силам любые, даже самые великие задачи. А они последуют. Как на поле брани... – пауза, заставившая всех насторожиться, – так и в ратных игрищах. Причем очень скоро. Сегодня день заключения союза с Гайафой, вечером – праздничный пир, а вот послезавтра... Послезавтра, как известно, собирается большой турнир. Впервые за многие десятилетия бойцы Илдока встанут плечом к плечу с западными соседями. Попросим же Небеса, чтобы и впредь... Осознаете заодно важность момента, благородные воины? Прекрасный шанс подтвердить правильность своего нынешнего продвижения. Верю, вы не ударите лицом в грязь.

Ближние ответили низким дружным поклоном, чем, похоже, вполне удовлетворили властителя. Он милостиво улыбнулся, кивнул и поднялся с трона. Сделал знак кому-то из старших аннинов, те, вскочив, пустились следом.

Собравшиеся дождались, пока удаляющиеся звуки окончательно смолкнут, и только тогда осмелились пошевелиться. Церемония, впрочем, еще не была завершена – сзади донесся шелест открываемых дверей.

– Время покинуть зал, – продребезжал голос Дзиргема.

Люди послушно качнулись к выходу, торопливо, но аккуратно, дабы не создать непочтительный шум. Некоторые вельможи вообще семенили точно женщины. Воины до подобного не опускались, хотя шаги все же смягчали.

На дружеские тычки в бок Айнар не отреагировал – он продолжал подыскивать собеседника из старших. Этот слишком надменен, этот – подозрителен, а тот вроде хорош, да успел чересчур далеко уйти... Хватать за рукав пришлось Ракутана.

– Извини, кимит. Позволь одну каплю твоего драгоценного внимания.

Рослый – Айнар едва достигал его плеча – полнотелый воин развернулся. Как обычно медленно и грузно. Он и в бою никогда не блистал проворством, зато прославился ошеломляющей силой. Тяжелый меч в его руке мог запросто развалить противника надвое... если не промахивался. Вероятно, Ракутану до сих пор везло: более юркий враг заставил бы его попотеть. Или грозная внешность отпугивала самых искушенных? Даже в кругу Ближних над увальнем привычно подшучивали исключительно за глаза – злить могучего воина всерьез почему-то не хотелось.

– Что? – сморщилось мясистое, пунцовое от недавних поклонов лицо.

– Позволь спросить: о походе ничего не слышно?

– Походе? – Ракутан в недоумении замешкался. Мысли его отличались такой же неспешностью, как и движения. – Каком походе?

– Говорят, на север, – Айнар продолжал цепляться за рукав великана, невзирая на ворчание покидавших зал и строгие взоры мастера церемоний.

– Что, вскоре?

Впору было бросить дурацкую затею, но отторо не сдавался, поскольку среди многих качеств, миновавших Ракутана, числилась и скрытность. Монументальный воин порой казался простодушнее ребенка.

– В ближайшее время. Тебя разве не известили?

– Ну... Как же... – увалень натужился. – Мелькало где-то... А чего особенного? Не первый поход и, позволят Небожители, не последний.

– Это понятно, – скривился Айнар. – Так вправду на север идем? Совместно с тигонами?

Ракутан, помедлив, растянул губы в снисходительной усмешке.

– Конечно. Зачем же иначе князю с ними замиряться? Улавливаешь? Вот пускай, мол, дикари тоже повоюют, поработают живым щитом. Не вечно ж им наши стада грабить?

Айнар не рискнул бы предсказывать, кто кому послужит

в реальности щитом, но и спорить не желал – оппонент попался негодный.

– То есть князь уже говорил о грядущем походе?

– Почему князь? – вновь опешил Ракутан. – Хотя... может, и говорил, только я не слышал.

– Благородные кимиты! – раздраженный возглас Дзирге-ма. Все кроме двух словоохотливых Ближних давно покинули зал, даже Гои с Оминасом топтались позади мастера церемоний.

– Так как же? – пришпорил события отторо. – Неужто сам выдумал? И про поход, и про тигонов?

– Вот еще! – обиделся увалень. – Отродясь я выдумками не баловался и нынче не собираюсь. Да у любого спроси: когда я лукавый путь предпочитал прямому?

– Никогда, лично подтверждаю, – кивнул Айнар. Прокладывать кривые пути Ракутану было, вероятно, просто лень. – Однако чья же тогда радостная весть? Он внушает доверие?

– Не сомневайся, кимит, – пускаясь к выходу, подмигнул великан. – Кому больше внушать доверие, если не Дитоми?

Уважаемое имя. Ветеран Ближних, третий в ряду аннинов по сути являлся не только охранником, но и советником властителя. Такой вполне мог проведать о планах войны. Непонятно лишь, зачем Дитоми делиться тайнами с соратниками вроде Ракутана? Болтливостью умудренный опытом аннин уж точно не страдал.

– Дитоми, ты... – пересчитал Айнар, когда они миновали

двери. – Почему же другим ни слова не сообщают? Отторо ведь тоже драться, а времени на подготовку в обрез. Несправедливо, как полагаешь?

Ракутан покровительственно улыбнулся сверху вниз:

– Ничего страшного, кимит. Объявят, обязательно объявят. Сначала допустили к знаниям аннинов, скоро ваша очередь. Вот грамоты о мире подпишут, турнир отгремит, и объявят. Разве иначе мыслимо?

– Турнир... Турнир? Что, все Ближние на него собираются?

– Все. Конечно, кто-то из стариков меча не возьмет, но будет судить или за порядком надзирать. А нам, молодым, грех не поучаствовать, верно?

– Намерен в рубке состязаться? – рассеянно спросил Айнар, думая о своем.

– Это само собой, – хмыкнул Ракутан. – Там-то первый приз, чаю, уже мой. Вот получу, а затем поглядим: осмелятся гости тигонские на поле выйти, так, может, и в поединчики вызовусь. Больно охота их, союзников новоявленных, помять. Чтоб уважали пуще.

Они расстались на веранде, откуда Айнар направился к поджидавшим его друзьям.

– Видишь, кимит, – рассмеялся Оминас, шурясь от яркого солнца, – закончилось все просто отлично. Пусть через тревоги с грозами, но отлично! И зачем было так волноваться?

– Не уверен, что все закончилось, – буркнул Айнар.

– Ну, разумеется, впереди еще масса сражений, побед и почестей, однако на сегодня-то все? Теперь кутить?

– Скоро церемония подписания грамот о мире.

– Да бросьте, пара глотков вина никакому подписанию не во вред! Отсидим тихонько...

– Даже не думай, – произнес Гои. Хладнокровие тигона и сейчас, после возвышения, не позволяло ему бурные выплески эмоций. – Унюхает кто винный дух – неприятностей не оберешься... Тебе ли растолковывать?

Урмат помрачнел. Тянулась за ним история, что сам он предпочел бы забыть. К досаде оказалась та история редкостной, потому в назидание непременно рассказывалась молодым воинам. Разве тут забудешь? Теперь каждому желторотому юнцу, едва вступающему на порог княжеского дворца, внушали: избежи Небеса явиться на официальную церемонию нетрезвым. Вот, дескать, был здесь один – имен не оглашали, хотя хранилась сия великая тайна недолго – рано взлетел, высоко, первым среди отторо сесть собирался. Заслужил, добился, наконец выкликают его – а он еле ноги переставляет! Прямо перед солнцеликим князем! На шаг в сторону попасть не в силах, вообразите! Страшно разъярился тогда князь, велел негодника заковать в колодки. Думали – пропал, либо казнь либо каменные подвалы до скончания дней. Однако безмерно милосердие господина: через неделю освободили послушника, пожурили да и вернули в строй Ближних. Двенадцатым отторо. То есть всю дорогу, все годы

трудов изволь повторить заново, коли ума не нажил! И еще, учтите, дешево отделался...

– Ну, хоть после подписания, – набычился Оминас.

– После пир. Наешься и напьешься на месяц вперед – вот тебе и кутеж.

– Да какой там кутеж? Только звучит громко – «пир». Скуотища! Стол, конечно, за счет казны – это хорошо, но разве во дворце расслабишься душой? Повеселишься вволю? Никогда. А ведь повод есть...

– Зато денег нет, – отрезал Айнар. – Тут к походу снаряжаться не на что, какое гуляние?

Компания замолчала, обдумывая нелегкую ситуацию.

– Занять у кого? – неуверенно предложил Оминас.

– А у кого мы еще не занимали? – откликнулся Айнар. – Без того в долгах по уши. И просвета, если чуда не случится, не видно.

– Эх, сейчас бы любовницу богатую... Или наследство...

На обе фразы, сопровождавшиеся красноречивыми гримасами в его сторону, Айнар не отреагировал. Ответил Гои:

– Любовница, дружище, нужна не только богатая, но и щедрая – а такие достоинства сочетаются редко. И наследство... Откуда? Надеешься, кто-нибудь из старших братьев аккуратно теперь вдруг отправится в край высокой травы? Наивно. Опять же детей-сыновей они успели наплодить пропасть, найдется, кому принять вотчину помимо нас.

– Что же тогда?

– Выкрутимся. Напрячься придется, но выкрутимся. Вон, турнир созывается шумный – можно призов поискать.

– Увечий бы там не сыскать, – проворчал Айнар.

– ...Затем в походе, если таковой случится, шустрой побегаем. Пусть меньше славных поединков, зато перстенок к перстеню, монета к монете...

Айнар поморщился – сам неоднократно одергивал подобных охотников за ценностями. Разумеется, благородный воин кормился не только господской щедростью, ему причиталась законная доля в добыче. Но опускаться как некоторые до срывания серег и отсекания пальцев с кольцами?.. Точно грязные разбойники?!..

– Однако не забудь: снаряжаться-то предстоит до похода. А в долг нам больше ни кузнецы, ни шорники не дадут.

– Это верно, – согласился Гои нехотя. – Имеется закладка. Но все равно глупо унывать, не пропадем... Если иного толкового в ближайшее время не придумается... есть у меня, кимиты, мыслишка...

Айнар покосился на запнувшегося тигона с подозрением.

– Что-то противозаконное?

– А у нас богатый выбор вариантов?

Возразить оказалось нечего.

Договор о вечном мире и военном союзе между княжествами Илдок и Гайафа подписали тем же вечером. Дзиргем расстарался на славу – по пышности церемония затмила все

прежние. В не такой уж громадной тронной зале дворца было не протолкнуться. Чудилось, зная обеих стран собралась здесь, чтобы, затаив дыхание и обливаясь потом, наблюдать за историческим событием.

Именно историческим, эпохальным называли сегодняшний день ораторы. И им беспрекословно верили. Кто-то уповал на конец многолетней вражды, истощавшей соседей; кто-то шепотом вспоминал прошлые войны, сражения и обиды. В любом случае творилось неслыханное, едва укладывавшееся в голове.

Для Ближних церемония послужила нелегким испытанием. Сотни людей, заполнившие залу и подступы к ней, пестрые праздничные платья, благовония, рокот голосов. Двое старших аннинов строго следовали за князем, одетым почти в тигонские цвета – светло-голубые, сиреневые, васильковые; остальные расположились у знамен позади трона. Оттого довелось потрудиться больше – двенадцать воинов вытянулись редкими цепочками вдоль центрального прохода. На них беззастенчиво напирали, вдобавок среди дворян затесалось немало слуг, музыкантов, прочего любопытствующего простонародья. Как здесь сохранить порядок?

В результате для Айнара с товарищами торжество обернулось хаосом толчков, глухой ругани и угроз. Кинуть взгляд на ритуал удавалось изредка: вот жрецы проводят совместную молитву, призывая к затее милость Богов; вот Сидзиро дружелюбно улыбается посланцу тигонов, рассыпается

в приветственном славословии; вот понесли огромные свитки договора...

Лишь тут первый из отторо замер, забыв про ярящуюся толпу – в числе прочих свитки сопровождал и давешний дворянин, любитель темных закоулков. Одет он был еще блистательнее, чем утром – не иначе получил от своего господина солидные деньги на поддержание вида. Или уже имел собственную землю? Мерзавец...

За недругом Айнар наблюдал достаточно пристально, чтобы осознать: того пышная церемония тоже не особо интересует. Назвавшийся Ксуамом не столько участвовал в ритуале, сколько озирался вокруг. Аккуратно производил нужные поклоны с перемещениями, но то и дело окидывал залу цепким взором. Ни сидевшие неподалеку, ни даже персона правителя Илдока внимания не привлекли. Неужели ищет его, Айнара? Так запомнился случайный обидчик?

В иное время отторо, конечно, шагнул бы вперед, но тут на спину наседадо сразу с полдюжины рвущихся ближе к трону дворян. А среди их ярких платьев и воина было трудно углядеть. По крайней мере, не найдя никого, Ксуам вскоре куда-то запропал.

Потом состоялись праздничная служба в Большом храме – главном городском святилище Великих Братьев и пир. Пиршественная зала занимала почти весь остаток дворца, кроме нее имелась еще только пара комнатушек для переговоров в узком кругу. Да лестница наверх, в покои князя, ку-

да, Впрочем, допускались лишь избранные.

Сам пир удался – и на юбилее Сидзиро не доводилось видеть подобного изобилия блюд. Уже по этому чувствовалось, какое значение придается новорожденному союзу. Увы, многочисленные гости тоже, вероятно, ощущали важность момента, оттого вели себя крайне сдержанно. Никто не буянил как обычно, не орал песни, не лез с кулаками или поцелуями к соседям – огромная толпа разодетых дворян сидела степенно, чинно, ровно примерные детишки в присутствии строгих учителей. Короче, Оминас оказался прав: было безумно скучно. Ни изысканные кушанья, ни превосходные вина, ни надрывавшиеся музыканты не могли ничего изменить. Устроившийся в стороне Айнар то и дело улавливал тоску во взглядах как товарищей, так и приглашенной знати. Довольство проявлял, пожалуй, только Сидзиро с его иноземными гостями. Но и здесь корни добродушия крылись скорее в политике, а не в чревоугодии.

Единственное капельку скрасило Айнару унылый вечер – его наконец-то заметил Ксуам. Приезжий щеголь разместился рядом и чуть позади посланника Гайафы. Ел мало, говорил и пил еще меньше, зато не забывал прощупывать глазами залу. Дождавшись, пока такое прочесывание приблизится, отторо улыбнулся навстречу.

Тигон замер. Нет, на его лице не отразилась какая-то особо пылкая ненависть, губы не свела судорога злобы – воины просто смотрели друг на друга. Неотрывно, твердо, холод-

но. Долго. Силы опять, как в памятном проулке, оказались равны. Оба одновременно отвели взоры и вернулись к трапезе. Каждому хватило минуты, чтобы оценить стойкость противника и лишний раз уязвить его: Айнар ненавязчиво продемонстрировал свое нынешнее положение среди Ближних, Ксуам, явившийся в очередном шикарном наряде – свое богатство. Взаимной симпатии беззвучная стычка явно не прибавила.

А тут еще пиршество затянулось. Полный ликования от достигнутого, Сидзиро, похоже, не желал замечать царившей в зале тоски. Он длил и длил торжество, требовал новых перемен блюд, новых выступлений от актеров и музыкантов. В конце концов, даже самые почтительные из гостей принялись потихоньку откланиваться. Кто-то ссылался на недомогание, кто-то – на срочные дела, иные сочиняли поводы курьезнее. Сложнее было Ближним – они, при всех угощениях и вине, продолжали находиться на службе. Лишь когда князь соизволил-таки подать знак к завершению пира, воины разделились: дежурная смена устремилась за господином, остальные же поспешили покинуть помпезное здание дворца.

Вечер, однако, на том не закончился. Хотя, встав на ноги, Айнар и ощутил приличную тяжесть вкупе с хмельным гулом в голове, настроение требовалось исправлять. Трое друзей с привязавшимся Киенео двинулись по знакомым дворьянам, сперва в кордегардию, после – в казарму дворцовой

стражи. Там, с ратниками, себя уже не сдерживали, хватило и песен и хохота. Вместо изысканного вина – незамысловатое пиво, вместо очищенной от костей белой рыбы под соусом – пригорелый бараний окорок... Зато веселье развернулось искреннее. Сложно судить, насколько охранялся той ночью дворец, но люди почувствовали праздник по-настоящему. Даже ссор почти не случилось. Наоборот, далеко за полночь Оминас выманил Айнара куда-то в помещения для слуг, где в тесной комнатенке гуляние продолжилось в обществе пары смешливых кухарок. Не слишком молодых, не слишком симпатичных... Впрочем, на завтра воины едва ли вспомнили бы своих нечаянных подружек. Достаточно, что кроме смешливости, те оказались еще и вполне уступчивыми...

Домой Айнар возвратился в предрассветных сумерках. Еле вошел – так плясали и вертелись кругом улицы. К пущей досаде, настроение хмельного веселья выветрилось гораздо быстрее самого хмеля. Освободившееся же место заняло уныние. А заодно мерзкий вкус во рту и яростная головная боль. Оставалось догадываться, какую бурду они выпили на радостях, если получили подобный букет удовольствий столь скоро.

И список бед тем не исчерпывался. Хозяйка трактира не проронила ни слова, помогала дотаскивать припозднившегося гуляку до его комнаты, однако взгляда ее хватило,

чтобы испытать в придачу к головной колючую боль стыда. Благородный воин прятал глаза точно мальчишка. Злился на себя, на безответную Сорику, снова на себя, затем на проклятого тигона в его изукрашенном золотым шитьем наряде... Спасение принес лишь мутный водоворот забытья.

Состояние наутро обнаружилось чудовищное. Имевший за плечами богатый опыт попоек отторо понял, что по-настоящему заболел. В ход пошли все мыслимые и немыслимые средства, снадобья, заговоры и амулеты, но подняться на ноги удалось только за полдень. Истинный подвиг: цепляясь за стены, шатающийся Айнар тяжело сполз по лестнице в трапезный зал. Хоть посетителей на тот момент не случилось – давно вывернувший себя желудок не перенес бы запаха съестного.

Воин приткнулся в углу, где и попытался окончательно опаматоваться. Собственно, по здравому размышлению вылезать из постели вообще не следовало. В дополнение к похмелью он явно отравился какой-то дрянью, чем усугубил муки многократно. Однако на завтрашний день назначен большой турнир... Хвала Небесам, не на сегодня! Вряд ли он добрался бы к полю за городом, где обычно проводили подобные состязания. А требовалось не просто прийти. Айнар понимал – дворцовая элита и сам князь теперь, после повышения с оговорками, возьмутся наблюдать за ним особо пристально. От свежеиспеченного первого среди отторо будут ждать подвигов, немедленных и громких. Либо воин

подтвердит свое право на высокое место, либо... рискует повторить судьбу Оминаса. Тем более когда подоспеют разные плакальщики по невинно убиенным отшельникам...

– Что-нибудь принести, господин? – рядом осторожно подкрался Окоши.

Взгляд Айнара ответил, вероятно, настолько красноречиво, что мальчишка-слуга пискнул и опрометью кинулся прочь.

Зато вскоре явилась Сорику. Как всегда ухоженная, безукоризненно причесанная нидиарка приблизилась вплотную и поклонилась. Скромно села перед столом – новый поклон. Каждое движение выполнялось подчеркнуто сдержанно, чинно, словно для высокого, но стороннего гостя.

– Чего желает господин на... завтрак?

Похоже, все-таки обиделась. Глупо и смешно было видеть подобную обиду на дворянина от простолюдинки, однако смеяться почему-то не тянуло. Напротив, Айнар сам смутился. Опустил глаза:

– Благодарю, ничего не надо. Нездоровится сегодня.

– Тогда вина? Вишневого, разбавленного?

Воин покосился на подругу: тот же печальный взгляд, смесь жалости с терпеливой, почти материнской заботой. Ну как тут реагировать? То ли разразиться грубостью, то ли заплакать... Меньше всего Айнару хотелось бы сейчас ощущать себя шаловливым, но беззащитным ребенком. Хватит, и так целая жизнь прошла под покровительством отца, а за-

тем старшего брата! Чтобы теперь еще познать опеку любовницы?! Глупости! Он взрослый мужчина, прославленный воин, первый из отторо, наконец!.. А женщинам нерастраченную нежность подобает употреблять на собственных детей... Хотя нет, здесь он опять виноват: случилось как-то с год назад неизбежное. Той ночью Сорику вдруг принялась отчаянно каяться и просить прощения. Он долго не мог понять, в чем причина, а поняв... Вообще-то никакого прямого запрета тогда не прозвучало – Айнар лишь с прохладцей отнесся к перспективе рождения на свет очередного бастарда и все. А уж Сорику самолично сделала выводы. Верные, надо заметить, выводы, однако печали в ее взоре с тех пор прибавилось...

Как ни странно, вино желудок не отверг. Очень осторожно, глоток за глотком, воин пробовал кисловато-душистый напиток, пока не убедился, что вреда нет. Наоборот, проявилась польза, по крайней мере, шум в голове малость стих. Пришлось просить у хозяйки еще кружку – не только для поправки, но и для избавления от нестерпимо заботливого взгляда.

Примерно через час Айнар почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы покинуть трактир. Остановился на крыльце, озирая затопленную солнцем и народом улицу. Все-таки впрямь лучше было бы отлежаться в постели – ноги держали нетвердо, а на жаре опять подкатила тошнота. Но куда деваться? Пожалей он себя сегодня – завтра наверняка опозо-

рится под веселый вой злопыхателей. А затем князь, ближнее окружение... Смахнув со лба капли холодного пота, воин шагнул со ступеней. Земля моментально ринулась в сторону, выскальзывая из-под ног.

– Вам помочь, господин? – к вцепившемуся в перила лестницы дворянину подскочил Окоши.

Айнар тщательно оглядел его, но никаких признаков насмешки не обнаружил. Это позволило опереться на услужливо подставленное плечо мальчугана.

– Нездоровится...

– Конечно, нынешняя погода не для прогулок. Обратно в комнату?

– Пожалуй... Хотя стой! – замер отторо. – Хлев какой-нибудь пустующий есть?

– Хлев? Зачем вам, господин?

– Мое дело. Хлев, овин, сарай – что угодно. Пустое пространство, где можно развернуться и не попасть... на глаза зевакам.

Не то чтобы Айнар боялся любопытства слуг, просто не был уверен, достойно ли покажет себя. Лучше не рисковать. По той же причине он и от поездки во дворец легко отказался – не хватало еще свалиться с седла на потеху толпе. И ведь помочь-то некому, друзья наверняка мучались сейчас не меньше!

Помещение сыскалось – пыльный закуток в сарае, ограниченный горами мешков с зерном и мукой. Не площадка

в княжеском дворце, но для крайнего случая сгодится. Айнар, дождавшись пока слуга оттащит прочь какой-то хлам, кивнул: «Иди, погуляй». За выскальзывавшим Окоши воин не следил – все равно притаится где-нибудь у порога. Разве устоит кто из мальчишек перед искусом наблюдать подлинные ратные занятия?

В голове по-прежнему гудело, колени дрожали, но оттого постарался не думать об этом. Сосредоточился на дыхании: вдох, выдох, вдох. Выдох напряженнее и продолжительнее. Элементарная техника времен школы Эду действовала – скоро в груди затеплилась какая-то энергия. С ее помощью Айнар заставил шевельнуться руки, медленно скрутил торс, затем чуть присел. Ощутимо полегчало. Тело хотя бы начало подчиняться, а значит, можно было выдирать его из болезни.

Размяв пальцы, воин плавно извлек меч. Секунду любовался отблесками на поверхности стали. Протер ее рукавом халата, и оружие откликнулось еле слышным, ровным гулом. Нет, он не прогадал, отсчитав некогда за клинок почти месячное свое жалование – это дурень-купец продешевил, не понял, какое сокровище выложил на прилавок. «Поющий» – так назвал Айнар приобретение. Сперва это имя знали только друзья, потом все Ближние, а теперь и многие враги запомнили накрепко...

Меч сделал широкий круг влево, над головой, прошелся сверху вниз. Наверно, Окоши сейчас разочарованно кривился – подобные движения выполнил бы даже он. Ладно, ула-

дим взор любопытного паренька.

Отточенная полоса, внезапно свистнув, крутанулась в кисти. Замерла. Еще рывок, поспоривший бы стремительностью с желтой гадюкой. И, убедившись, что справится, Айнар отпустил тело на волю. Каскад молниеносных росчерков, защит, ударов и финтов – воин словно сражался сразу с полудюжиной врагов. Шаги, повороты, отступления и новые атаки. Чудилось, мелодично завывающий меч носился по закутку сам, а человек лишь силился не отстать...

Впечатляющее зрелище. И упоительное занятие. Только когда из вспоротого обезумевшей сталью мешка хлынул поток муки, Айнар расчихался и остановился. Равнодушно отряхнул халат. Навыки были в порядке, готовые к завтрашним испытаниям, но предстояло еще очиститься от дурмана.

– Окоши! – не оборачиваясь, позвал отторо. – Тащи-ка палку, что валяется при входе.

Вслед за коротким сопением сзади зашуршали – мальчишка осторожно сунулся через порог, явно опасаясь наказания. Однако жердь предназначалась не ему.

Айнар спрятал меч и принял палку. Пожалуй, даже не жердь – слега, подлинная оглобля, из тех, что тешили сердца простонародных богатырей. Куда тяжелее учебных шестов. Именно то, что требовалось.

Воин качнул в руке жердь, вздохнул и пустил ее колесом. Только так – он не богатырь, сорвался бы, тщаь стопорить этакий вес после каждого взмаха. Впрочем, и удержи-

вать равномерно шелестящий снаряд было нелегко. Заскрипели связки, хрустнули суставы. Разворот, опять разворот... Энергия уже была изнутри ключом, очень скоро по лицу побежали капли пота. Чего и хотелось достичь – медленно, туго, но затаившийся в глубине тела яд если не сжигало внутренним огнем, то выдавливало сквозь кожу... Разворот... До полного изнеможения... До восторга от собственной мощи, способной, казалось, покорить целый мир!..

С завершающим движением жердь улетела куда-то в полумрак, затрещав материей очередного мешка. Айнар тяжело опустился на колени, на пол, во вздыбленную пыль. Теперь он был готов.

IV

Разумеется, о том, чтобы встать, речи не шло. Он и не пытался. Только бы устроиться на левом боку – таком же иссеченном, как и правый – подогнуть ногу, уцепиться руками... Хотя какими руками? Ценой безумных усилий получалось упираться в землю левым локтем, а двумя пальцами правой руки ловить что-нибудь в качестве опоры. Жалкое, стыдное зрелище для вчера еще доблестного воина!..

Словно в далеком детстве: школа, тренировочная площадка, полдень, пекло, выжигающее даже тени. И не укрыться – десяток полуголых мальчишек лежат грудью на горячем песке.

– Значит, опять шалить изволите, почтенные лодыри? – сам мастер Эду, грузный, кособокий мужчина, прохаживается между ними. – Отлично, давайте вместе пошалим. Все вместе, виноватые и нет – тридцать раз. Не вздыхать! Ну! Оди-ин...

Тонкие ребячьи руки напрягаются и дружно отталкиваются от земли.

– Два... Бодрее. Три-и...

Это не первое и не пятое испытание на сегодня, потому сил совсем мало. Но ехидный голос неумолим:

– Двенадцать... Не отлынивать!

Короткий свист, вскрик – розга нашла спину нерасторопного. Пот заливает глаза, руки

трясутся, тела сводит судорогой, но они, юные дворяне, упрямо следуют командам безродного ветерана.

– Двадцать семь... Двадцать восемь... До конца ложиться!.. Вот. Двадцать де-е-вять... Тяжко? И... тридцать! – все безвольно падают на песок, однако тотчас же: – А теперь кто считает себя истинным сыном высокого сословия – еще десять раз! Оди-ин...

Возможно, мастер лишь издевался над будущими господами и детьми господ, но толк от тех пыток был. Они научились работать на пределе, за пределом, умирать, если надо, и продолжать работать, невзирая на смерть. Крайне полезный, как выяснилось, навык...

Следующим утром в трактир вновь заявили Гои с Оми-насом. Оба выглядели чуток помятыми, но возбуждение на-кануне турнира добавляло энергии.

Айнар спустился навстречу друзьям. Вчера он долго колебался, где провести ночь: хотелось и отношения с Сори-ко смягчить, и напряжение сбросить, и – в то же время – не ра-стратить понапрасну драгоценные силы. В итоге, отчаявшись решить все задачи сразу, воин остался у себя. Непривычно, зато позволило свежим и бодрым проснуться даже раньше обычного.

Внешний вид Ближних претерпел не много изменений – иметь несколько праздничных платьев было чересчур на-кладно. Лишь день работы старика Ориемы, и от пятен по-

сле веселой пирушки в дворцовых казармах не отыскалось следа.

И в завтраке, что суматошно собирала прислуга, перемены случились минимальные – просто исчезло вино. Да порции сократились. Хозяйке трактира не требовалось растолковывать: лучше помаяться жаждой и голодом, чем позволить подлость со стороны переполненного желудка или охмелевшей головы.

– На улице спозаранок жара, – Оминас поморщился, осматривая стол. – А ну в горле пересохнет? Не воду же, право, глотать!

– Возьмем с собой бурдюк, – невозмутимо ответил Айнар. – Вино доброе, но разбавленное – самое приятное в такую пору.

Кислая мина урмата показала, что он думает о подобного рода напитках. Впрочем, никто из троицы не собирался сегодня слишком прыгать на солнце – призовых денег достаточно разыгрывалось и в относительно спокойных состязаниях. Излишнее же рвение да по нынешнему пеклу обещало разве позорный обморок.

Истинный масштаб грядущих испытаний проявился, едва воины ступили на крыльцо. Плотный, горячий воздух буквально ударил в грудь, перебил дыхание. Потребовалось с минуту очухиваться, делая вид, будто оглядываешь радостное кипение вокруг. Поглядеть же было что.

От края до края неширокой, но длинной улицы тесни-

лась людская река. Бурлила, пахла, пенилась, взвихривалась водоворотами возле торговцев, клокотала криками, смехом, песнями. Похоже, предыдущие два дня сплошных торжеств ничуть не утомили горожан. Скорее уж наоборот – только раззадорили. Сперва публика восторгалась пышными кортежами и ритуалами, затем от души ела и пила на дармовщинку, а теперь наступал третий день – шумных зрелищ. Уже сейчас откуда-то доносились звуки дудок и зазывные вопли циркачей – им по случаю праздника разрешили многое. После, вечером, прямо на улицах развернутся балаганы, где простонародью будут показывать всяческую забавную ерунду под видом сценок. Однако самое важное, никаких сомнений, готовилось на день. Потому и текла людская река, торопясь к лучшим местам у загородных ристалищ.

– Кошмар, – буркнул Оминас, оттирая с виска пот. – Тем не менее пора, кимиты.

Они разом водрузили на головы маленькие шапочки, напоминающие кубики синей парчи, завязали у подбородков ремни. Не особо удобно, зато в полном соответствии с текущей модой и традициями. Оттуда же обязательные перчатки, нагрудники и тяжелые фуки, хотя больше тянуло раздеться догола.

Проворные слуги подвели лошадей, воины влезли в седла, и процессия тронулась. Тоже дань традиции – подбоченьясь, не спеша ехать по дороге, пусть, мерещится, вот-вот расплывишься от зноя. Народ будет усердно расступаться,

но паяться вдвойне усерднее. Вечно жующему народу, видите ли, надо всласть лицезреть своих легендарных защитников, чтобы пропитаться почтением... Тут, бесово семя, потом пропитаешься, пока доберешься до цели!

Недолгий путь ощущался бесконечным. Размеренное, точно море, урчание толпы; пятна задранных кверху лиц в качестве пены; струйки пота по спине; убивающий легкие воздух... По сторонам Айнар старался не смотреть – не ровен час, взъяришься на какого-нибудь особо тупого зеваку, что лезет под ноги коня или паяется из тени переулков и веранд. Ныне же главным было сохранить лицо.

С трудом протиснулись через городские ворота. За ними чуть посвежело, удалось даже пустить коней рысью, разгоняя пешее отребье. Так и добрались до ристалища.

Собственно, оно представляло собой всего лишь обширный луг. В обычное время тут паслись стада, а три-четыре раза в год устраивались состязания. Переделывать доводилось немного: луг очищали от следов пребывания овец, траву подкашивали, после чего сооружали дюжину шатров. Позднее подтягивалась знать – и матерчатый городок разрасстался втрое, торговцы – вокруг скупивались лотки, просто-народе со своими циновками и навесами. Княжеским чиновникам требовалось только разметить площадки для будущих испытаний.

На подъезде к ристалищу людской гул заметно усилился. Здесь опять царила давка, Оминас даже пустил в ход плеть,

чтобы освободить дорогу. Все как всегда: прямоугольники площадок, ограждения из жердей, буйство пестрых флагов над остроконечными крышами. Скорее Небеса обрушились бы на землю, нежели Дзиргем изменил однажды принятой схеме. Вероятно, именно это он с придыханием и называл «порядком». Единственная же польза от подобного постоянства – заблудиться невозможно. В результате трое воинов, не колеблясь, направились к нужному шатру.

Там, за вздуваемым легким ветром пологом, оказалось капельку прохладнее. И было бы совсем хорошо, если б не десяток копошившихся внутри людей. Четверо Ближних спешки в сборах не проявляли, кое-кто вообще не одетым развалился на ковре, потягивая чай. Зато подлинную суету устроили слуги. Кругом скрипела кожа, лязгало железо, взвизгивали точильные камни. А поскольку помещение для столь активной толпы было явно тесновато, вся подготовка сопровождалась тычками и бранью.

– Проходите сюда, кимиты!

Воистину перст судьбы – вновьприбывших окликнул Дитоми, один из старейших аннинов княжества. Вернее, один из первых – невысокому, плотному воину едва ли минуло сорок. И волосы его еще не дерзала тронуть седина, и осанка сохранялась на зависть. Определенно, нерядовых подвигов потребовал такой быстрый взлет. Или нерядовых потерь в непрерывной череде битв?

Расталкивая очумело суетящихся слуг, друзья пролезли

на указанный пяточок. Поклонились аннину. Тот ответил учтиво, хотя в окруженных лучиками морщинок глазах читалась улыбка.

– Намерены взяться сегодня за мечи? – спросил Дитоми. – Схлестнуться напоследок с тигонами, а?

– Все возможно, – Айнар оглянулся на спутников. – Правда, махать мечами под нынешним солнцем мы как раз не собирались, зато в иных забавах обязательно себя попробуем.

– Сразиться за призы без лишних мучений? – усмехнулся аннин. – Понимаю. А как же тигоны?

Айнар посмотрел внимательнее. Что-то просочилось о ссоре с Ксуамом? Само собой, случайных свидетелей хватит, молва рано или поздно достигнет дворца, важнее кто и как на нееотреагирует. Хорошо бы как Дитоми – один из немногих старших, кто не задирает нос перед отторо.

– Пусть живут, – буркнул Айнар.

– Пусть, – легко согласился ветеран. – Вдруг да помогут в трудную минуту? Тогда располагайтесь, кимиты, сигнала к началу ждать еще долго. У меня и подкрепиться кое-что имеется...

Молодые дворяне уселись рядом на ковре, расстегнули пышущие жаром халаты. Пока слуги таскали в шатер доспехи с оружием, успели оценить и скромное угощение, и отменное вино. Беседа едва теплилась – вежливые вопросы, сдержанные шутки. Лишь Айнар поглядывал на Дитоми с интересом, но заговорить решился, когда уже приступили

к одеванию.

– А ведь и ты не настроен сегодня надрываться, угадал? – кивок на грубую кожаную куртку, заменявшую настоящие латы. В похожие куртки обряжались и отторо. – Что же выбрал?

– Лук, – развел руками аннин. Около него, подгоняя ремешки, суетилось двое крепких парней, тогда как троичу друзей обслуживал один Ориема и юноша, дальний родственник Гои.

– Конный или пеший?

– Конный. А ты?

– Соперничать будем, – покривился Айнар. Невелика радость – состязаться с опытейшим воином, шансы на первый приз резко сокращались. Волновало сейчас, впрочем, иное. – То есть драться с тигонами тоже не охота? Или князь запретил, опасаясь за судьбу новорожденного договора?

Дитоми бросил короткий, чуть насмешливый взгляд.

– Ничего князь не запрещал. И на ристалище не дерутся, а выявляют лучшего из лучших. Тебе ли, кимит, объяснять? Это стычки в подворотнях способны угрожать договору, честные же поединки лишь укрепляют союзничество.

– Союзничество... – фыркнул отторо. – Ладно, пусть союзничество. Еще бы проверить его в деле...

– Ты о чем?

– Слышал, поход готовится. На север. Врут?

Дитоми смолчал, но когда почудилось, что ответа не слу-

чится вовсе, сказал, словно нечто обыденное:

– Готовится поход.

– Скоро?

– Скоро, – усмехнулся аннин. – Начинайте запасаться и снаряжаться прямо после турнира, кимиты – аккурат успеете.

– Имелось бы на что снаряжаться... – хмыкнул Айнар. – Может, солнцеликий снизойдет, выдаст хоть часть жалования вперед?

– Это вряд ли. В казне недобор, траты велики, а прибылей... От героически завоеванной нами Имотоги пока сплошные убытки. Тонсар плачется, волосы рвет... Сами вертитесь... Опять же одно – помогать доблестному воину, другое – гуляке и задире. Соображай.

Молодой человек вскинул голову, но Дитоми уже повернулся к выходу. Намекал ли он на что-то или изрек заурядное нравоучение? Переспросить не удалось – поднявший полог шатра распорядитель пригласил благородных бойцов на ристалище.

Снаружи по-прежнему плескалась жара, она, казалось, лишь набирала размах, грозя испепелить чересчур ретивых. На небе – ни облачка, бескрайняя синь да ослепительный солнечный свет. На земле – моментально взревшая толпа, завидевшая главных участников сегодняшней забавы. Разумеется, дворяне проигнорировали гул и выкрики. Неспешно прошли к лошадям, влезли в седла, тщательно сохраняя ве-

личавую надменность. По сигналу цепочка всадников двинулась вперед, шагом вдоль ограждения. Там как раз бушевало простонародье: смеялось, тарашилось, тыкало пальцами, улюлюкало. Очередное испытание самообладания. Вон, ведь словно обрезало всякую веселость где-то сзади – вероятно, один из воинов обернулся-таки на отребье. А оно хорошо ведало цену неуместной шутки.

Айнар позволил себе оглянуться только у помоста для особо знатных зрителей. Первые всадники уже остановились, принялись вытягиваться в шеренгу, когда задние еще едва тронулись в путь. Солидная получилась вереница, никак не меньше трех десятков человек, если не четырех. Кроме Ближних – главным образом отторо – удалось заметить знакомых мурадов, из тех, что вспоминают о ратном ремесле не единственно с призывом в поход. Несколько юношей, давно рвавшихся в окружение властителя, а теперь наверняка жаждущих блеснуть перед сиятельными очами. Хватало неизвестных бойцов, кто в кожаных, кто в стальных доспехах, ярких накидках, украшенных эмблемами родов или священными символами. И, конечно, тигоны – Айнар насчитал пятерых, одетых строже и державшихся особняком. Хотя интересовал его лишь один. Ксуам на ристалище выехал.

Напротив, под навесом помоста, рассаживались вельможи. Рядом с князем опять устроился посланник Гайафы, маленький, тучный, обливавшийся потом. Или это Сидзиро не отпускал гостя ни на шаг? Постоянно наклонялся, что-то

говорил, улыбаясь. Настроение там вообще царило беззаботное, не сравнить с достопамятным пиром – точно по завершении важной и трудной работы. Мастеру церемоний пришлось даже обратить внимание правителя, что лучшие бойцы двух земель готовы выслушать его напутствие.

Оживление на помосте замерло, чуть только Сидзиро поднялся на ноги. И окрестные толпы умолкли, тем более здесь их составляло по преимуществу дворянство. Посреди внезапной тишины князь медленно обозрел шеренгу всадников. Вроде бы задержал пристальный взор сощуренных глаз на Айнаре... но вполне могло и померещиться – солнце било в лицо.

– Благородные воины! – произнес, наконец, князь. – Сегодня, в канун праздника Великого Каона мы проводим большой турнир. Так повелось издревле. Так поступали каждый год. Однако нынче у нас двойное торжество – кроме прославления Небес мы славим мир и добрососедство, подаренные божественной милостью. Впервые за десятилетия нидиарцы и тигоны прекращают бессмысленную вражду, что, несомненно, послужит процветанию обоих народов. Исключительное событие! Порадуйте же сердца Богов и людей, благородные воины! Явите свою доблесть, мастерство, силу вне кровавых битв. Награды победителей не обойдут, – и, помолчав, закончил. – Состязайтесь честно.

На эту ритуальную фразу бойцы дружно поклонились, принимая предложенный обет. Затем так же чинно, как при-

ехали, направились обратно. Собственно, выезд имел скорее парадную цель, далее не найдется места красованию пышными нарядами.

Вновь неторопливый путь сквозь гам и крики. За время короткого отсутствия на площадке около шатров успели водрузить жертвенник из тех, что армии непременно возят с собой в походах. И сейчас, словно перед настоящим сражением, воины, спешившись, окружили постамент. Молча опустили на колени.

Трое жрецов весьма высокого ранга затянули прославляющий Богов гимн. Пели негромко, но бесновавшийся вокруг шум начал стихать. Будто и впрямь мощь Небес укрощала низменные людские страсти. Жертвенного барана подвели уже почти в полной тишине. И последний хрип его могли расслышать, наверное, в самых дальних рядах.

Завороженную ритуалом толпу пробудил лишь новый, ликующий гимн – Боги приняли жертву. Значит, еще год не истощатся пашни, не оскудеет море, не обрушатся болезни или иные напасти. Великий Каон снизошел к мольбам своих детей!

Опять вскипело криками ристалище, заколыхалось в предвкушении главного. Один за другим воины, решившие участвовать в турнире, приближались к жертвеннику. Капля крови, угодной Богам – немного, но в критический миг и она порой способна выручить. Жрец макал палец в лужицу на постаменте, а затем касался лба каждого бойца. Священ-

ный знак следовало хранить до завершения испытаний.

И вот, наконец, заглушая звуки очередного гимна, взвыли трубы – подлинные, боевые, привычно зовущие в схватку. Воины расходились без лишних разговоров, не оглядываясь, точно стараясь подольше уберечь каплю доставшейся благодати. Наступало время сугубо ратных дел.

Пока слуги возились с конями, трое друзей собрались у входа в шатер. Говорить не хотелось. И прятаться в тень не хотелось – внутри ощутимо пульсировало настоящее боевое возбуждение. Еще не чудесное безумие Саоры, когда легко бросаешься на сотню врагов, но отрешенность от мира, сосредоточенность готового к подвигу. Отторо – не новички, испытывали подобное многожды, однако всякий раз от этого чувства трепетала каждая клетка тела. Лишь Оминас взялся отведать захваченное с собой вино, да и тот пил как-то машинально.

Их черед был не первым. Сначала выявляли лучшего наездника. Скачки по нынешней жаре затевать не дерзнули, зато публика вволю насмотрелась на мастеров управления лошадью. Прекрасные животные перемещались по площадке то рысью, то приставным шагом, кружились или внезапно останавливались – в общем, скорее зрелище, чем состязание. Трем самым искусным всадникам выпало особое задание: попробовать, спрятав руки за спиной, повелевать лошадью только с помощью ног. Так было куда труднее и полезнее. Хватило смеха, шуток, но толпа заметно приуныла, ко-

гда победителем назвали тигона. Конь мрачного воина с иссеченным шрамами лицом вправду творил чудеса, однако разве это повод награждать чужаков?

Затем пришло время рубки: на площадке укрепили стоймя плотные связки бамбука. Требовалось развалить такую пополам, до последнего стебелька, единственным ударом. Неудачник двух попыток выбывал, а оставшимся подносили более толстые связки. За данным действием компания отторо наблюдала рассеянно – хотя мечи использовались боевые, бамбук вряд ли воспротивится своему избиению. Отсюда решающим оказывалась чаще грубая сила, нежели мастерство. И лидера по части силы можно было угадать заранее: Ракутан, красный от усердия и жары, с утробным выдохом скашивал одну вязанку за другой.

– Ему бы топор, – хмыкнул Оминас, – да в лесорубы.

– Ну, ты не вполне прав, кимит, – откликнулся Гои под всплеск восторженных криков – так толпа отметила новый успех великана. – Согласись с очевидным: у парня не только мощь быка, но и хорошо отработанный удар. Не слишком ловок, конечно...

– Увалень, – констатировал Оминас. – Хотел бы я посмотреть, что получится, прыгай связка из стороны в сторону. Ведь, клянусь сандалиями Диара, не попадет ни разу, богатырь наш!

Между тем лишенный способности прыгать бамбук продолжал сыпаться на землю. Преимущество Ракутана выгля-

дело подавляющим, даже старавшиеся изо всех сил соперники, похоже, осознавали это. Последнюю вязанку совершенно уж чудовищной толщины аннин развалил под захлебывающийся рев черни. Сам вскинул меч, пошел, довольный, вдоль ограждения купаться в брызгах славы.

– Ишь – тугодум, а чувствует, куда идти за обожанием, – усмехнулся урмат.

Друзья переглянулись понимающе – в рядах благородной публики, особенно воинов, выступление Ракутана шумного восхищения не вызвало.

Опять неумолимый зов труб. Далее предстояло показать себя Гои. Под товарищеские напутствия он лишний раз поправил ремешок шлема, дернул кожаный наручъ, взял лук. Всегда замкнутый, тигон и сейчас не проявлял волнения, разве что губы сжал тверже обычного.

Стрелки состязались на пятидесяти шагах, мишень – чучела в рост из соломы. Здесь, на ристалище, собрались наторелые мастера, знавшие цену каждому движению. Никакой спешки, оружие снаряжалось аккуратно, спокойно, даже медлительно. Подъем лука, скрип натяжения и... с пением тетивы стрела уносилась в цель. Подлинные искусники – красные пятна, намалеванные на груди у чучел, все гуще порастали дрожащим оперением.

Никто не уступал. Пять попыток – единственный неудачник. Следующие пять – выбыли двое, вероятно, не до конца совладавшие с нервами, позволившие чуть дрогнуть руке.

Оставшиеся шестеро, включая Гои, начали готовиться к третьей серии выстрелов. Случай редкостный, упорство бойцов захватило простонародье, что принялось пуще голосить. Лучники же, чудилось, не слышали ни звука.

Снова пять стрел. Айнар толком не наблюдал за мишенями, он смотрел на воинов. Кто-то шевелил губами, шепча молитву над каждым снарядом, кто-то долго, натужно выцеливал заветную красную точку – таких можно было сразу сбросить со счетов. По-настоящему мастерски действовали только трое, они и вышли на завершающий этап: смуглолицый тигон, свежеиспеченный аннин Таидзиро и Гои.

– Благородные кимиты! – разодетый не по погоде в парчу Дзиргем важно прошелся перед лучниками. – Теперь главное испытание. Сейчас вы получите еще по три стрелы, а вдобавок к вам присоединятся мои помощники. Начинаете стрелять, когда я подкину этот шар, – он продемонстрировал увесистый отполированный кругляш черного камня. – Стреляете, пока шар летит. Предупреждаю: подкину невысоко... годы, видите ли... Все, выпущенное в иное время, учитываться не будет. Понятно? Помощники проследят за соблюдением правил.

По знаку мастера церемоний к соперникам двинулись трое молодых парней в малиновых одеждах чиновников, застыли рядом.

– Готовы?

Сгустилась тишина. Дзиргем на миг опустил глаза – там,

на земле, ему положили большой, обитый медью щит – примерился. И подбросил шар.

– Хоп!

Действительно невысоко, вряд ли выше удвоенного роста. Тем разительней оказалась буря, что вскипела в ряду лучников. Замелькали руки, гудение тетив слилось в протяжный вой, стрелы, чудилось, догоняли одна другую. Айнар опять дивился чужому мастерству – едва ли у него получилось бы подобное.

Короткий всплеск человеческой энергии оборвался с гулким ударом шара о подложенный щит. Замерли воины, тяжело переводя дыхание. Пот струился по лицам, но никто не смел отвлечься стереть его. Внимание целиком сосредоточилось на Дзиргеме.

Чинный старик приблизился к мишеням. Долго разглядывал их.

– Промах на два пальца, – сообщил о центральной. Таидзиро чуть заметно поморщился. – Прочие точно. Как со временем?

Посреди оглушительной тишины левый из помощников вскинул руку:

– Третья стрела позже срока!

И тотчас облегченно охнул народ: чужой тигон в досаде отвернулся, зато свой, Гои, посветлел лицом. Более ничего, отторо не махал публике, даже не улыбался, лишь спине возвратилась прежняя горделивая осанка. Так он и проследовал

к шатру друзей.

– Тяжко? – встретил его Оминас, поправляя собственный доспех.

– Печ... печет, – хрипло ответил Гои потрескавшимися губами. Вроде бы и не носился он по ристалищу, но ощутимо пошатывался. – Где тут ваш бурдюк?

Пока кругом шумно обсуждали прошедшее состязание, на площадке уже готовили очередное. Где-то в отдалении, за спинами, раздавались стук и выкрики – там наемные умельцы из черного сословия мерялись силами в бою на палках. Тоже интересно, а потом будут еще кулачные поединки, тем не менее большинство народа предпочло ждать выступления истинных воинов.

Новый требовательный зов труб. Кивнув товарищам, Оминас отправился на испытание. Заключалось оно в том, чтобы верхом, на полном скаку поразить чучело копьем. Казалось бы, ничего сложного: настоящее копье, пусть и давно вышедшее из моды – нынешние бойцы все чаще предпочитали алебарды; собственный привычный конь; соломенное чучело ростом с пехотинца. Правда, попасть полагалось не абы куда, а в крохотную медную пластинку на лице «врага». Та же не превосходила размерами ладошку ребенка.

Один за другим воины разгоняли своих скакунов. Почти как при атаке: напружиненная посадка, глаза скрыты шлемом, копье внизу, в чуть отведенной руке. Короткий тычок, удар, незакрепленное чучело отлетает прочь. Вздых толпы.

Совершив круг, всадник возвращался обратно, а к поверженной мишени бежали помощники Дзиргема – искать след на пластине.

– Детские игры, – заметил покинувший наконец тень шатра Гои.

– Очухался? – оглянулся Айнар. – Молодец, славная работа. Понимаю так, что кое-какие деньги у нас уже есть.

– Какие-то... – сморщился тигон. – Очень скромные, увы. Это ж не поединки на мечях, тут князь вряд ли расщедрится.

Айнар покосился на друга.

– Ерунда, накопим, – сказал, промедлив. – Твой приз; Оминас, вон, выступает; я еще... Глупо на сегодняшней жаре прыгать с деревяшками.

Вроде бы и говорил он твердо, вроде бы Гои кивнул в ответ, но привкус сомнения не исчез.

Тем временем испытание, хоть несложное на первый взгляд, исподволь начало сокращать число участников. После пятой попытки их осталось семеро, после восьмой – четверо. Здесь возникла заминка: на место чучела водрузили конструкцию, неприятно напоминавшую виселицу. Дзиргем лично отправился к ней и прицепил на веревку браслет. По крайней мере, так смотрелся издали качавшийся на уровне плеч блестящий обруч.

– Драгоценность? – вытянул шею Гои. – Вот бы где обогатились. Болтают, цари в старину подобным манером привязывали настоящие сокровища.

– Наверняка медь, – фыркнул Айнар. – Времена царей минули, дружище, следа не сыскать. И стародавной щедрости тоже. А потом... если не ошибаюсь, в легенде речь шла не о браслете – о кольце.

– Ну, на то и легенда, чтоб все приукрашивать.

На миг показалось, бойцы впрямь не достойны славы предков – уже первый всадник промахнулся. Принялся оправдываться, поскакал к Дзиргему, указывая на случайный порыв ветра... Лучше бы смолчал – даже чернь окатила неудачника свистом, благородные воины открыто ухмылялись, а мастер церемоний величавым жестом отослал просителя восвояси.

Далее выступал Оминас. Разгон, скупое движение копья. Конструкция дернулась, хлопнула веревка, а на длинном, отточенном наконечнике оружия повис сияющий в свете солнца браслет. Публика разразилась восторженными криками. Действительно отличный прием, вот только, жаль, получился он не у одного отторо – затем с заданием совладали также заезжий тигон и убеленный сединами мурад из какого-то захолустья. Последний, наверное, еще помнил времена, когда похожие копья царили на полях сражений.

Небольшое замешательство в группе судей. Склонив головы, они что-то обсуждали вполголоса, бегали даже спросить совета у князя, но тот отмахнулся небрежно. Тогда Дзиргем вновь пустился в центр площадки. Где и прикрепил к веревке... настоящее кольцо. Чуть ли не снял с собственного паль-

ца! Айнар еле различал кроху, слабо покачивавшуюся и вращавшуюся на ветру, помогал лишь блеск золота. Подлинного золота на сей раз!

Вздрогнули бывалые воины. Народ притих – наяву предлагалось воплотить в жизнь древнюю легенду. Переглянулись соперники. И пока другие колебались, вперед выехал урмат.

Постоял, изучая цель. Протянул руку, куда подскочивший слуга немедленно вложил копье. Понукаемый конь начал разгоняться, взметая пыль. Дробный стук галопа посреди общего молчания... Завораживающий блеск кольца... Стук... Вот всадник изогнулся словно коршун над добычей и... кубарем полетел на землю! Чудом избежал лошадиных копыт, откатился в сторону, где замер.

Секунду ахнувшая публика пялилась на упавшего. Потом к нему устремились служители, кто-то ловил ошалелого коня, сзади громко звали лекаря. Даже солнцеликий Сидзиро привстал с места. Айнар с Гои тоже кинулись к другу, но помощь не понадобилась – Оминас зашевелился сам. И не застонал, не схватился за наверняка расшибленные бока, а со всей силы ударил кулаком оземь. Ударил досадливо и зло.

– Проклятье! – расслышал подбежавший Айнар. – Сто проклятий на голову мерзавца! Удавлю паскуду шорника за скупость!

Поднимаясь, урмат продолжал изрыгать брань. Друзья

благоразумно расположились рядом, а сунувшийся было поддержать воина под локоть парень тотчас заслужил свою порцию ругательств.

Честно сказать, Оминас отделался легко: пара ушибов, ссадины, порванная накидка да лопнувший стременной ремень. Куда больше расстраивало преждевременное выбывание из числа состязающихся.

– Поверьте, у меня бы получилось! – яростно доказывал Оминас в шатре, словно это могло что-то изменить. – Я чувствовал! Сперва сомневался, а на подходе понял: обязательно попаду! Хоть ураган налети!.. Но не ждать же подлости от старого ремня? О, Небеса, до чего обидно...

Друзья кивали и хмуро отмалчивались – утешения здесь вызвали бы лишь новую вспышку гнева. А так голос урмат, оттиравшего пот и грязь, постепенно слаб, он еще бормотал какие-то проклятия, но себе под нос. На ристалище между тем спор завершили: илдокский мурад промахнулся, тигон же цель поразил. Пусть не удержал кольца на копье, уронил вниз, но был признан победителем.

Все по справедливости, согласно древним законам и обычаям. Вот только кому радостно от согласия, когда опять верх берет чужак? По густым рядам народа потек недовольный гул. Даже не по призу сокрушались – унижалось само достоинство Илдока. Шутка ли, два испытания из четырех проиграно! Айнар заметил, как построжел лицом князь. Похоже, Сидзиро больше не услаждало общество посланника

Гайафы, с напряженным вниманием он всматривался в творящееся на ристалище.

А там готовилось следующее состязание. Теперь пришла очередь Айнара подтянуть завязки шлема и обернуться к товарищам: Гои хлопнул друга по плечу, едва опамятававшийся Оминас с трудом изобразил подобие улыбки. Одно движение прочь от шатра, и по щекам ударило подлинное пекло – уже находиться на солнце было тяжело, а впереди ждал отнюдь не отдых.

Снова луки, снова мишени в человеческий рост, только на сей раз в двадцати шагах. Кроме того, стрелять предстояло верхом. На полном скаку. Там, где иной новичок вряд ли удержался бы в седле, требовалось точно послать стрелу, желательно – в треклятую красную каплю. Полезное упражнение для ратников, которые на войне порой расстреливали так неповоротливую пехоту. Весьма полезное, если б не испепеляющая жара. И не пристальный, строгий взгляд с помоста знати.

Ориема подвел коня. Дикарю тоже доставалось, его бока лоснились и вздувались от частого дыхания. Айнар похлопал могучее животное по шее, заодно проверил ремни – тут сбруя была чуть новее, но слишком не хотелось повторить провал Оминаса.

– Надо немного потрудиться, приятель, – прошептал Айнар. – Потерпи. Капельку усердия, и получишь любые удовольствия: покой, воду, лакомства... Только прежде потру-

диться.

Привычно скрипнуло седло под весом седока. Горячо. Солнце жгло беспощадно, даже накидка светлого цвета не спасала, черные же кожаные перчатки сразу начали раскаляться. Тем не менее воин, приняв лук, невозмутимо ждал.

Их набралось семеро, решившихся оспорить чужое превосходство. Двое тигонов в густо-синем, двое аннинов Илдока, трое отторо. В числе последних – Киенео, а вот надменный Ксуам так и не появился на ристалище. Соперники старались не встречаться взглядами, каждый сам настраивался, обливаясь потом.

Наконец прозвучала команда приступать. Поочередно всадники ускорялись, зависали на стремянах, чтобы в нужную секунду выстрелить в проносящуюся сбоку мишень. Пока это было довольно просто. Прошли по кругу, по второму, третьему – ошибся только один. Досадная случайность, и многоопытный аннин покинул состязание.

Зато остальные, похоже, лишь размялись да умили волнение – когда чучела отодвинули на пяток шагов, все три круга не принесли потерь. Стрелы исправно били в красную точку, чуть не выгрызая в ней дыру.

Новый знак Дзиргема, и мишени оттащили уже на десятков шагов. Немедля выбыл тигон, за ним Таидзиро, рискнувший участвовать в обоих стрелковых испытаниях. Итоиши, юнный отторо, промахнулся под самый конец третьего круга, донельзя расстроился и поехал прочь, отворачивая лицо.

Не исключено, даже плакал.

Айнар не следил за ним – эмоции были, разумеется, недостойными Ближнего, но простительными для вчерашнего мальчишки. Вдобавок на окружающее вообще не хватало внимания – мир сузился до окаянного нескладного чучела с темнеющим на месте носа пятном. Кроме этого – лишь одуряющая духота, струящийся по щекам и спине пот да гул толпы где-то вдалеке. Крепче взять лук, пустить Дикаря в галоп и отыскать цель среди бешено колышущегося марева... До сих пор получалось неплохо. Дитоми, красный и мокрый, покосился на соперника с тревогой.

– По дополнительной попытке! – команда долетела как сквозь сон.

Судей можно было понять – требовался единственный победитель. А что делать, если участники упрямо не желают ошибаться? Если попадают точно вопреки любым, самым невыносимым условиям? Только усложнять задание – не пробелы в мастерстве, так примитивная усталость отсеет слабого.

На дополнительной попытке сорвался второй тигон. Всплеснул руками еще прежде, чем стрела глубоко ушла в соломенную голову чучела, замахнулся, намереваясь отшвырнуть лук... но сдержался. Лишь зло пнул безвинного коня и пустился, понурый, к шатру соотечественников.

Аннин и отторо, Дитоми и Айнар снова справились. Очередное торопливое совещание судей. Очередной небрежный

жест князя – без меня, дескать, разбирайтесь. Сидзиро вообще, заметно успокоившись, откинулся на подушки. И про посланца Гайафы вспомнил, одарил улыбкой. Веселее загладил народ – хоть тут прокля... в смысле, досточтимые гости не вмешаются в спор за победу.

Айнар украдкой глянул на Дитоми. Смотрелся тот скверно: растрепанный, тяжело дышащий, пошатывавшийся в седле. Нашлись бы силы обрадоваться, но отторо знал, что бывалый воин и в таком виде способен на чудеса. А, кроме того, знал, что сам выглядит едва ли лучше.

Вероятно, утомился и Дзиргем, потому вместо него на ристалище выскочил молодой помощник.

– По три выстрела в серию! – объявил звонко. – Первым – Тороми.

Удивленный Айнар обернулся – все точно, в яростном противоборстве они ухитрились забыть о юном Киенео. Вроде бы пропускали вперед, наблюдали за попытками, но как серьезного соперника не воспринимали. Между тем безусый воин упорно тянулся за старшими и вот теперь достиг решающего испытания. Правда, болезненно бледный, рассеянный, балансирующий, сдавалось, на грани потери сознания, однако по-прежнему непреклонный.

Промешкав, Киенео дернул поводья. Конь послушно тронулся, но ускорился нехотя, потребовались нешуточные усилия, чтобы послать его в галоп. А тут уже и цепочка мишеней близко. Воин рывком вскинул лук. Обычная ошибка мо-

лодости – вечно бояться опоздать. Третью мишень так, конечно, не прозеваешь, зато первую приходится выцеливать уж очень издалека. Даже со своего места Айнар понял, что выстрел оказался неточным – слишком неуклюже качнулось чучело, слишком криво вонзилась в него стрела. С двумя другими получилось лучше. Юноша наверняка стрелял в досаде, тем не менее сумел избежать промахов. «Талантливый воин, однако, растет», – хмыкнул про себя Айнар. Еще бы выяснить, удастся ли ему самому выступить достойнее.

Изнуряющая, плавающая тело жара стала почти привычной. Здесь как в битве – себя жалеть нельзя. После доведется отдыхать и рассказывать о перенесенных страданиях, а теперь... трудиться. Повинуясь велению седока, Дикарь рванулся вперед. Все-таки изумительный конь – тоже мучился, но в галоп пустился сразу. Быстро набрал скорость, давая шанс вернее рассчитать стрельбу. Только бы не поспешить... И не опоздать...

В продолжении полета сквозь вязкий, мертво-горячий воздух Айнар смотрел за первой из мишеней. Его забота – лишь поймать нужный миг. Отрешиться от всего, позволить коню мчаться по площадке... и ловить миг...

Осознав, что угадал, воин едва не улыбнулся. Резко легчало, словно непомерный гнет свалился с плеч. Руки в эти секунды вытворяли запредельное: выхватывали из колчана очередную стрелу, бросали на тетиву и отправляли в очередную красную точку, затем следующую... А душа пела. Почти

сладострастный экстаз сотрясал ее, тут и попадание в мишень отступало на задний план...

При всем том стрелы ложились очень точно. В конце площадки, сдерживая коня, отторо обернулся – похоже, без промахов. Три оперения торчали из голов безответных чучел. И народ ликующе вопил. Неужели победа? Хотя есть еще Дитоми, застыл вдалеке, сосредоточенный.

Айнар отвел Дикаря к ограждению, оттуда лезли руки, вроде бы окликнул кто-то из знакомых – воин не замечал. Последнее слово за Дитоми. Если попадет... опять стрелять? Легкость легкостью, а в душе теперь чувствовалась некая пустота, как бы она не помешала повторению подвига.

Дитоми начал разгон. Затрепетала, стремительно приближаясь, черно-красная накидка. Аннин тоже ждал, терпения ему было не занимать. Все оглушительнее грохот копыт. Мысленно Айнар определил место, где надлежало делать первый выстрел. И аккуратно там Дитоми поднял лук. Натянул тетиву, скрутившись в седле. М-да, опытный вояка, его...

Промедлил! Невероятно, однако соперник откровенно промедлил. Лишний скок лошади, несколько лишних шагов вперед!.. Пущенная в упор стрела, конечно, угодила в цель. И вторая мишень была поражена без видимого напряжения, но как с третьей? Всадника уже проносило мимо, развернуться не удастся!..

Дитоми заваливался все дальше назад, дальше, пока едва не лег спиной на круп. И так выстрелил... Не то жест отчая-

ния, не то фокус для балаганного циркача. Айнар усмехнулся, провожая взглядом тяжело выпрямляющуюся фигуру.

Тихо ахнула толпа. Отторо обернулся, точно ужаленный – этого попросту не могло произойти!.. Третья мишень. Стрела засела неглубоко, качает пестрым оперением... В голове. В темном пятне посредине.

Какое-то время даже чернь молчала, силясь уразуметь случившееся. Волна криков обрушилась позднее, накрыла ристалище. Вопили все, махали руками, прыгали – увидеть невозможное доводилось редко. А то, что свершилось именно невозможное, догадался бы и последний босяк. Чудо!

Немногие смирляли сейчас эмоции. В их числе – Айнар. Отторо дождался, когда соперник поравняется с ним, поклонился чинно.

– Славное веселье, кимит, – ответив на приветствие, Дитоми улыбнулся. Хотя губы его дрожали.

– Воистину славное.

Они посмотрели в сторону ристалища, где между мишеней ходил важный Дзиргем с помощниками.

– Продолжим? – подмигнул аннин.

– Похоже, придется. А я... с радостью.

Однако у мастера церемоний имелось свое мнение. Лишь мельком глянув на мишени Киенео, он долго возился с теми, что поразил Айнар. Затем кивнул помощнику.

– Вторая стрела в край! – гаркнул тот. – Победитель – благородный Дитоми!

Теперь народ зашумел разочарованно – у него отнимали завораживающее зрелище. Новые чудеса, которые обсуждались бы годами! Обидно. Разочарованный же куда больше Айнар только сжал зубы. Это оказалось чуть ли не сложнее состязания – добиться, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. Пускай досада жгла изнутри пуще солнца, пульсировала в висках – он стерпел. Даже малость отвлекся, борясь, от сути приключившегося. В конце концов, не впервой – сколько лет задиристым юнцом мечтал сравняться в мастерстве со старшими? Нынче удалось... почти. И следующие турниры не за горами.

Дитоми тоже явил образец сдержанности – поклонился сопернику без тени радости на лице. Воля Небес открылась, лучший выявлен, к чему тут эмоции?

Стремясь ни в чем не уступить старшему, отторо поклонился так же степенно, развернул коня и неспешно двинулся к шатру. Откуда-то вдруг навалилась безмерная усталость, стиснула горло жара, о которой чуть не забыли. Остатки сил пошли на сохранение идеально прямой спины. Кругом шумели люди. Воин не внимал репликам толпы, да та и не отваяжилась бы на насмешки...

Потом еще слезать с коня, несколько шагов до трепещущего полога... Лишь там Айнар буквально рухнул на руки друзей.

– Э, приятель! – проворчал над ухом голос урмата. – Нельзя так выжиматься. У нас войны впереди, битвы, а если ты

надорвешься?

– Опамятуется, – заявил Гои, помогая слугам освобождать бойца от доспехов. – Полежит в тени, хлебнет вина и будет как новенький. Ничего особенного, не больше нашего состязался.

– Однако мы-то после состязаний с ног не валились. И языком ворочать худо-бедно могли. Слышишь меня, Айнар?

– Не ори, все он слышит, – откликнулся Гои. – Сказано: опамятуется... А что силы покинули – наверняка в поражении причина.

Оминас фыркнул:

– Много ты понимаешь. Расстроился? Так ведь и я с носом остался, но, помнится, не падал.

Айнар кое-как разомкнул веки и увидел над собой лицо тигона. Серьезное, сосредоточенное лицо.

– Ты покрепче, – донеслось точно сквозь вату. – Шкура толще... Вина, вон, насосался. А потом... У тебя, кимит, как ни крути, случайность, промысел Богов, тут же – вердикт человеческий. Правильно судьи углядели, нет – кому ведомо? Тоже гнетет.

– Вот-вот, и я думаю: как они край-то определили? Вопрос тонкий. Полпальца в сторону – и результат меняется! Может, князю пожалуемся?

Однако обсуждали итоги турнира недолго. Так все было ясно: истрепались знатно, отметились шумно, зато призовых

денег обрели ничтожное количество. Разве Оминасу на починку зловредного ремня хватит. И мысль о жалобе на судей быстро увяла – Сидзиро принял их решение, а менять точку зрения очень не любил.

Кажется, порой Айнар проваливался в какое-то забытие, туманное и бессвязное. Жар медленно покидал распростертое на ковре тело. Когда же воин окончательно пришел в себя, друзья беседовали об ином.

– ...Сомнительно как-то, – басил Оминас. – Опять же зазорно.

– Ты уж определись, кимит: сомнительно или зазорно? – приглушенным голосом убеждал Гои. – Сомневаешься в наших силах? Или вдруг пожалел сквалыгу?

– Да чего его жалеть, кровососа мерзкого... Сам много раз мечтал свернуть поганцу шею.

– Именно!

– Что? Это ж в угаре, по злобе, тогда и не такое в башку лезет. Накричишь, гневаясь, морду кому-нибудь набок своротишь... а после остынешь. Не для того законы писаны.

– Я ничего противозаконного не предлагаю, – сердито парировал Гои.

– Ой ли? Совсем ничего? Честно?

– Ну... Только если все пойдет наперекосяк...

– О чем речь? – с трудом пошевелился Айнар.

К нему моментально склонились двое.

– Отдышался? – спросил Оминас. – Я уж беспокоиться

начал – не перегрелся ли ты сверх меры. Иногда, болтают, с такого...

– Чего замыслили? – оборвал Айнар, не поднимаясь от седла, служившего сейчас подушкой.

Друзья замешкались, быстро огляделись. Бесспорно затевалось нечто сомнительное. Иначе не стали бы отторо таиться в полупустом шатре, даже преданный Ориема отсутствовал у ложа хозяина.

– Тут... вправду родилась идеяка... – заговорил Оминас. – Рискованная, однако способная выручить нас в нынешние... нелегкие... Объясняй-ка сам, Гои, ты сочинил – тебе и растолковывать.

– Вообще-то ничего сложного, – пожал плечами тигон. – Хочу попросить у скряги Баграна в долг.

– Не даст, – поморщился Айнар. – Пока прежние долги не вернем, ни медяка не получим. Скряга – он скряга и есть.

– А мы хорошо попросим, – не унимался Гои.

– Все равно не даст. Багран такая сволочь, что ради лишней монеты удавится. Вам ли его не знать? Полгорода долгами опутал, перед ним спины гнут, точно перед дворянином. Коротышка поганый!.. Ненавидят, камни в окна кидают, а потом на цыпочках кланяться бегут... Больше того: шельма, подозреваю, даже при полной расплате ничего нам не даст – сумма требуется внушительная, а доверия нет. Забудьте.

Однако Гои только фыркнул:

– А мы очень хорошо попросим. Чтобы последний скряга не отказал. За грош удавится, полагаешь? Что ж, доведется – и удавкой пугнем.

– Грабеж? – нахмурился Айнар.

– Прекрати, никакого грабежа. Настойчивое предложение... хм, подкрепленное наличием оружия. Редко у кого не просыпается совесть, когда перед носом лязгают клинки.

– Сомнительно, – повторил свою оценку Оминас. – А добавок рискованно: даже если мы пальцем Баграна не тронем, он злобу затаит.

– Мечь? Да что способен сделать жалкий ростовщик Ближним князя?

– Обычный ростовщик – немного, а вот этот... Не знаю, я бы, друзья, предпочел не связываться.

– И что взамен? – резко бросил тигон. – Позор нищеты? Латанные плащи да гнилые стременные ремни? Ведь в бою нам такое головы может стоять, подумай! И вообще опасаться какого-то мерзкого кровососа благородным воинам зазорно!

– А добывать деньги, приставляя нож к животу человека, пускай бы и мерзкого кровососа – не зазорно? – буркнул Айнар.

– Ладно, назовите мне иной выход. Молчите? Тогда о чем тут рассуждать, кимиты? Спокойствие мелкой твари против спасения нас всех!

– Спасения?

– Разумеется! – горячился тигон, махая руками. – Или мы позволим новый срам? Позволим, чтобы над нами насмеялась и своя, и чужая армии? Вот где по-настоящему пострадает честь воина! А деньги... Проснется нежданно милосердие – возвратите мерзавцу отнятое из походной добычи. Позднее. Ну, как? Договорились?

– Ох, сомни...

Оминас скомкал фразу на полуслове, и все дружно обернулись: в шатер, отстранив полог, вошел Дитоми. Вернее, заглянул, едва просунув голову.

– Не желаете посмотреть главное состязание, кимиты? – на лице аннина читались следы недавних испытаний, но держался он бодро. – Там интересные дела творятся.

– Чего же интересного? – хмыкнул недовольный Гои.

– Занимательно поединки складываются. Дзинфу выбыл, Китабаке выбыл, Ракутан какого-то заезжего мурада чуть по земле не размазал. Теперь за вашего приятеля Киенео возьмется.

– Он нам не приятель, – уточнил Оминас.

– Все равно, жалко парня... Как, не потянуло увидеть?

– Нет. Жара, гам, пользы ни на грош, а у нас и здесь... забот полно.

Казалось, Дитоми лишь сейчас заметил лежавшего на ковре Айнара.

– У-у, что-нибудь серьезное, кимит?

– Не обращай внимания, все в порядке, – будто Айнар мог

ответить иначе аннину, оживленно комментировавшему события на ристалище. Пришлось даже сесть, как ни потемнело на миг в глазах. – Малость перегрелся, но оправился.

– Отлично, тогда я окончательно подниму тебя на ноги – к решающей схватке выйдет тигон, что вечно крутится возле посланца Гайафы. Уже пробился. Ну, этот... глава их охраны вроде, чернявый, мрачный, вспомнил? Наверняка же встречались.

– С какой стати мне его помнить? – насторожился Айнар, зато Оминас спросил напрямик:

– Ксуам?

– Вроде так его зовут, – кивнул безмятежно Дитоми. – Ловкий, доложу, боец, Ракутану придется не сладко.

– Почему Ракутану? Или находишь Киенео недостаточно ловким для победы над верзилой?

– А вот пойдемте скорее и посмотрим. По-моему, они начинают.

Снаружи действительно долетел очередной трубный клич. Тем не менее воины замешкались – без изгнанных из шатра слуг долго приводили в порядок одежду. И Айнар медлил не то от недомогания, не то колеблясь, разумно ли вообще показываться на глаза случайно обретенному врагу. По крайней мере, раздувать конфликт сейчас не хотелось ничуть.

Когда же все четверо окунулись-таки в духоту и блеск солнечного дня, навстречу неся восторженный рев толпы. Дворяне переглянулись – похоже, они опаздывали к поедин-

ку. Не сговариваясь, прибавили шаг, но плотная стена спин в доспехах и расписных шелковых накидках уже заколыхалась. Теперь там оборачивались друг к другу, улыбались, расслабленные, обсуждали увиденное, спорили.

– Чистое безумие с самого начала, – заявил кто-то сиплым басом. – Даже смотреть больно было на эту пару. Никаких шансов.

– Вот уж позволю себе не согласиться, кимит, – откликнулся Дзума, степенный, седовласый аннин из числа ветеранов. – Еще пара-тройка лет, и я поставил бы на отважного юношу. Тогда, чую, его искусство далеко превзойдет любую грубую силу.

– А сегодня? – насмешничал бас. – Ведь не решился на ставку? Осторожничаешь...

Протиснулся Дитоми, раздвигая благородных зрителей:

– Что? Закончилось? Ракутан?

– Он, – кивнул Дзума без особой радости. – Смял бедного паренька точно медведь.

– Уж как тот метался, как скакал, – хохотнул бас, чей обладатель по-прежнему скрывался за спинами, – а пропустил один единственный удар – и схватке конец. Все-таки, согласитесь, кимиты, мощь в бою тоже кое-что значит. Причем немало.

Пробравшийся к ограждению Айнар действительно увидел Ракутана. Верзила, вскинув меч, описывал круг за кругом по ристалищу, улыбался, махал публике. Красный, об-

ливающийся потом, выглядел он совершенно счастливым.

Про соперника такого было не сказать – Киенео шипел и кривился от боли, пока его уводили под руки прочь. Именно уводили, как ни унижало это достоинство Ближнего. Заметив друзей, молодой воин вспыхнул, попытался оттолкнуть помощников, но сам идти явно не мог – вероятно, удар тяжелого деревянного клинка зацепил левый бок. Даже доспехи не выручили.

– Искалечился?

Айнар спрашивал в пустоту, ни к кому лично не обращаясь, однако ему тотчас ответили:

– Чепуха. Кости вроде целы, а ушибы рассосутся – на юнцах как на собаках заживает. Хотя, конечно... перепало бедолаге крепко, аж в воздух подбросило. Не желал бы отведавать подобное.

– Теперь с тигонем драться?

– С ним, – хмыкнул тот же голос над ухом. – Вот где знатный поединок затевается: бестия против исполина. Ставку сделать не хочешь, кимит?

– Я сделаю, – сбоку пролез могучего вида бородач в зеленой фуке поверх кожаных доспехов. Кто-то из восточных мурадов, с побережья, точнее у Айнара вспомнить не получилось. Склонившись, бородач обдал тяжким запахом и знакомым сиплым басом. – Пятьсот монет за Ракутана.

– Пятьсот? – изумились над ухом.

– Пятьсот, пятьсот, не ослышался. Или, кимит, доста-

ток не позволяет так рисковать? Принимаешь? Отлично, посмотрим, как твоего иноземца в песок вгонят.

Сзади вновь вскипела возня, и под ворчание соседей к Айнару протолкались товарищи.

– А здесь гораздо лучше видно, – заметил Оминас, оттирая мощным плечом последнее препятствие. Зрелище пихающихся словно простонародье дворян вообще было редкостным.

– Ну? – высунулся хмурый Гои. – Что надумал, дружище? Айнар глянул рассеянно.

– О чем?

– Все о том же, – скривился тигон. – Мне посреди толпы об этом беседовать? Насчет долгов.

– А-а... Ладно, не случится иного выхода – попробуем.

– Откуда иному взяться? И когда?

– А мы чего ставки не делаем? – встрял азартный Оминас. – Поскребли бы в кошельках, вдруг Небеса смилостивятся – вернут сторицей?

– Неохота... Таков что ли твой иной выход? – Гои поморщился. – Тогда впрямь поставь – либо отведут Боги от приключений, либо направят к ним без выбора.

– Неохота, – эхом откликнулся Айнар. Не то чтобы он не любил испытывать судьбу, просто варианты не устраивали: в победе Ракутана отторо сомневался, а Ксуам... Ставить на его успех рука бы не поднялась.

Между тем на площадке появился сам чужеземец. Неиз-

менно серьезный, даже мрачный, проследовал вкрадчивой походкой к центру. Рядом цокнул языком Оминас – доспех тигона был великолепен. Чешуя пластин обливала тело от шеи до бедер, поблескивала черным лаком, словно едва покинувшая мастерскую. Никаких особых узоров, лишь идеально пригнанный металл.

– Целое состояние, мать его... – вздохнул урмат.

Доспехи такого типа в Илдоке популярностью не пользовались, хотя знал их каждый – доводилось встречать в боях. Эти только чуть качественнее и дороже... Нет, безумно дороже!

Достигнув центра площадки, Ксуам остановился, отбросил веточку, которую жевал. Взор его был обращен в сторону Айнара, но вряд ли узрел бы обидчика – сейчас боец не видел пестрой массы народа, не слышал многоголосого рева. Исключительно соперник.

Ракутан вынудил чужака печься на солнце, однако тот ни разу не шелохнулся. Дождался, когда под крики восхищения великан покажется у ристалища. На краю толпы Ракутан еще промешкал, освобождаясь от самых неистовых поклонников. Или надеялся все же вывести Ксуама из себя? В таком случае затея провалилась – тигон неподвижностью напоминал статую. Лишь струйки пота на бесстрастном лице выдавали человеческую природу.

Скорее аннин начал терять свою веселость и спесь, постояв напротив. Он прекратил улыбаться, набычился – огром-

ный, тучный перед поджарым соперником. Бойцы теперь мерялись грозными взглядами, точь-в-точь как на днях в проулке.

Наконец возник Дзиргем, присеменил, отдуваясь, от помоста князя. Быстрый жест, и вновь запели трубы. Последняя на сегодня схватка. Кульминация турнира.

Два воина шагнули навстречу. Оба в настоящих боевых доспехах и шлемах, только мечи деревянные. Дерево, впрочем, использовалось тяжелое, крепкое, удары таким запомнились – Киенео бы подтвердил. Случались порой и увечья, хотя нечасто. Куда реже, чем в древности, ныне залить ристалище кровью уже не считалось заурядным делом.

Церемонные поклоны, пауза, команда судьи.

Некоторое время вопреки напряженному ожиданию публики не происходило ничего. Соперники переступали из стороны в сторону, покачивались, разминали руки, исподволь изучая один другого. Лишь когда народ за спинами недовольно загудел, состоялась первая атака.

Ракутан, конечно. Аннина изрядно злило отсутствие трепета у противника, и он, похоже, решил одним махом восстановить привычный порядок. Широким, богатырским махом. Деревянный клинок обрушился на тигона, грозя проломить ему голову, но бесцельно рассек воздух – чужеземец отшагнул скупым движением мастера. В ответ не напал, словно желая до конца вывести силы соперника. Или довести того до крайней степени бешенства.

Еще несколько ударов, одинаково мощных и одинаково безрезультатных. Тигон даже не поднимал меча, а ловко уворачивался. Чуть приутихла толпа – кто-то по-прежнему вопил, наблюдая энергичность своего бойца, но многие сообщали, что творится недоброе.

Вскоре Ракутан разбушевался всерьез. В облаке взбитой пыли мелькало его перекошенное, красное лицо, шлем съехал набок – воин не замечал. Он рубил, полосовал, мял вездесущий воздух, подчас слепо, по наитию, иногда – там, где мерещился силуэт противника. Каждый из ударов наверняка уложил бы мерзавца бездыханным, да вот беда – по цели не попадал ни один.

Ксуам тоже, наконец, включился в рубку – не то выждал нужный момент, не то побоялся пропустить-таки шальной выпад. Теперь клинок в руках чужеземца непрерывно вращался, описывал петли и восьмерки, попутно отводя удары Ракутана. Здесь требовалось лишь чуточку задеть вражеское оружие, чтобы разогнавшийся богатырь провалился почти до земли. А там и для атаки возможность возникала.

Первые огрызания тигона Ракутан, казалось, не ощутил – доспех выдержал, аннин же никогда не страдал изнеженностью. Последующие удары получились жестче, но только взбесили бойца, он с пущей яростью кинулся вперед. Пожалуй, ни в одном сражении Айнар не видел у великана подобной прыти. Хриплое дыхание напополам с выкриками заглушало рокот публики, шлем откатился в сторону, а пунцовое

лицо напоминало маску демона...

Тем не менее даже чудовищной мощи существует предел. Все медленнее поднимались огромные руки, реже приходилось уворачиваться иноземцу. Теперь наседали уже тигон, коршуном кружил около соперника, понимая, как тяжело тому дается любой разворот. Уже чужой меч выбивал дробь по илдокским доспехам. Ракутан, безусловно, был не ровня Киенео, его так просто не прошибить, но остатки сил утекали стремительно...

– Все.

Оминас выдохнул за секунду до того, как очередной крутой вираж тигона завершился неизбежным – человеческая глыба в центре ристалища рухнула. Не шаталась, не переламывалась в поясе, а буквально рухнула срубленным деревом. Сама запуталась в собственных ногах или помог подсекающий удар – в пыли не разобрать. Зато каждый почувствовал сотрясение земли. Ошарашенный народ замер: на его глазах грубо низвергалось живое воплощение могущества страны! И ладно бы своим, пришедшим на смену героем, но чужаком?!.. Да вдобавок тигонем?!..

А тут еще поверженному не дали даже подняться. Ксуам хищным прыжком очутился над телом соперника, занес меч. Томительная пауза. Разумеется, удара не последовало, однако ристалище словно испытало весь страх, все отчаяние запрокинувшего голову Ракутана. Словно поделило с ним пронзительную горечь позора.

Потом клинок скользнул вниз и коснулся горла аннина. Опять унижение: прием, простительный в настоящем бою, на турнирах не применяли. Зачем, если победителю и так достается награда? К чему оскорблять товарища по ремеслу, с которым, не исключено, сражаться плечом к плечу? Рядом с Айнаром сердито засопели воины, от них ропот покотился в стороны, вишь, к дворянам и черному люду...

Лишь Ксуам не обратил на общее недовольство ни малейшего внимания. Он по-прежнему удерживал Ракутана распластанным по песку точно огромную рыбину, вытященную на сушу. Рыбину, несомненно, могучую, зубастую, но сейчас беспомощную. Вроде бы аннин пытался что-то сказать, шевелил руками – издалека в любом случае не расслышать. Да и нужны ли были тигону слова поверженного? Может, скорее угрюмое молчание Ближних? Опущенные головы народа, всего недружелюбного, насмешливого города вкупе с его князем?..

Казалось, это продлится вечность. Как в колдовском наваждении или дурном сне: медленно колышущиеся толпы, оцепеневшие воины, приподнявшийся с трона Сидзиро. И деревянный клинок у горла несчастного великана. Уже давно прозвучал сигнал к прекращению схватки, успел повториться, причем дважды, уже вопили что-то от кучки иноземных гостей, а маленький толстый посланник смешно подпрыгивал, махая рукой...

Сорваться с места первым сумел Дзиргем. Мастер цере-

моний почти растерял обычную величавость, пока бежал через ристалище. Закричал пронзительно еще на подходе.

Только тут Ксуам дрогнул, убрал меч и выпрямился. Лицу его возвратилось мрачно-отрешенное выражение, где-то в глубине глаз потухли огоньки неистовой, бешеной ярости. Потухли быстро, но недостаточно, чтобы ускользнуть от внимательного наблюдателя.

Через площадку теперь спешило множество людей. Все галдели наперебой, суетились, одни бросались помогать Ракутану, другие – удерживать тигона. Тот, впрочем, окончательно утратил интерес к сопернику. Повернувшись в сторону илдокской знати, он вскинул крепко сжатый кулак. Недвусмысленный жест. Народ отозвался раздраженным гудением, дворяне хмуро промолчали, даже среди посольских единицы осмелились приветствовать победителя. Хотя Ксуама, похоже, это совершенно не смутило.

– Сильный боец, – хмыкнул Оминас, глядя, как тигон ходит взад-вперед по ристалищу. – Так уверенно уложить Ракутана сумел бы не каждый.

– Ракутан давно напрашивался, – пожал плечами Гои. – Восторги черни вскружили голову, вот и возомнил о себе. Великий воин... Голым весом да мощью много не навоюешь. Раньше следовало проучить.

– Сами и проучили бы, а не позволяли всяким... чужакам. Ишь, какой гордый бродит... Но боец все-таки, что ни говори, отменный.

Кругом обсуждали примерно то же: достоинства тигона, ошибки Ракутана и справедливость выбора Небес. Мелькали лица, рокотали, мешаясь, голоса. Хрипло бранился потерявший деньги мурад. Казалось, лишь два человека сейчас отстранились от кипевших страстей – Ксуам, мерявший шагами площадку, и наблюдавший за ним Айнар. Да еще, вероятно, бедняга Ракутан. Огромное тело аннина еле подняли с земли вчетвером, и то он в основном ковылял сам, неестественно подогнув ногу.

– Подломили нашего богатыря, – заметил Оминас. – Клено или подвернул, или расшиб, а с его-то весом... Так, глядишь, и до похода не выздоровеет.

Гои поморщился:

– Зато союзников взамен обрели знатных. Пусть отныне врагов пугают, коль даже нас смогли одолеть... Ведь половину состязаний выиграли негодяи, а?

– Угу. И главное в том числе. Ох, если б не проклятый ремень... Удавлю шорника...

Между тем чествовать победителя никто не спешил. Ксуам терпеливо прогуливался вдоль ограждения, перед ним расступалась толпа, выхлестнувшая на ристалище, плескался сотнеголосый шум, однако логического завершения турнир не получал. Вытянув шею, Айнар посмотрел на помост князя. Возле трона там сучилось изрядно людей: Дзиргем, министр Тонсар, юный Ринитаро, Дитоми, кто-то из придворных. Они явно спорили, озирались, вновь начинали до-

казывать, размахивая руками. Правителя за их спинами едва было видно.

– Подозреваю, кимиты, не все еще закончилось, – Айнар стер со лба пот. – Союз союзом, а отдавать первенство в турнире горстке чужаков Сидзиро не захочет.

– Что значит «не захочет»? – фыркнул Оминас. – Они ведь выиграли, на наших глазах!

– Тут вопрос судейства, – пояснил Гои. – То есть тонкий. Последует высочайшая воля – отыщется и повод испортить гостям праздник. А как насчет воли?

Теперь все трое обратили взоры к помосту. Копошение там, в тени, продолжалось долго, даже простонародье успело истомиться и поскучнеть под лучами палящего солнца. Наконец тесная кучка приближенных князя распалась, оттуда выскочила фигура мастера церемоний. С волной стихающего гула старик добрался до центра площадки.

Мимолетный жест – и над лугом поплыл густой, властный рев труб, заставивший смолкнуть самых разгоряченных. Выждав еще немного, Дзиргем поманил к себе тигона.

– Благородный воин! – объявил громко и четко. – Ты доблестно сражался, потому заслуживаешь всяческого восхваления. Единственная причина мешает выкрикнуть имя лучшего из бойцов турнира – твой соперник неудачно оступился и повредил ногу. Согласись, в этом гораздо больше каприза Богов, чем плодов твоих личных усилий.

Ксуам воззрился на щуплого человечка, дерзнувшего про-

изнести подобное. Помолчал, затем плотно сжатые губы дрогнули:

– Без моих усилий он бы ни за что не упал.

– Разумеется, – кивнул Дзиргем. – Однако давай признаем: положение спорное. Ты действительно одолевал в схватке, но упал аннин сам. И ногу ему повредил не твой меч. Все слишком похоже на несчастный случай, а за них призы не дают. По крайней мере, главные.

Чужеземец, опять помолчав, усмехнулся криво:

– Никогда не слыхал об этих решениях, но... Допустим.

Чего же вы хотите?

– Еще поединок. Нет, ты, конечно, вправе отказаться, только и о призе тогда, благородный воин, придется, увы...

– С кем? – устрашающе равнодушно спросил Ксуам.

– Сам выберешь. Убежден, любой из Ближних охотно скрестит с тобой клинки. И в результате тогда уже никто не посмеет усомниться.

Тигон выпятил нижнюю губу, выражая отношение к хитростям местных властей. Кинул взгляд на молчаливые ряды воинов возле помоста. Затем, не отвечая, двинулся к ним неторопливым шагом.

– Однако хорош, подлец, – Оминас понизил голос до шепота. – Матерый и опасный. Чтобы с таким на равных сражаться, нужны бойцы вроде Кейхата. Или Дитоми.

– У всякого зверя найдется слабина, – отозвался Гои. – Машет он, к примеру, лихо, а вот закрываться успевает

не всегда.

– Почему-то Ракутану это помогло не слишком, – фыркнул урмат.

– Ракутан копотлив и неуклюж, ему мимолетные мгновения ловить не дано.

– А ты бы взялся, да? Справился бы?

– Я? – Гои едва заметно напрягся. Покосился на неумолимо приближающегося соплеменника. – Я бы попробовал. Справился бы – нет, не скажу, но потрепал бы нахала.

Тем временем Ксуам брел вдоль ограждения. Один против толпы, он, казалось, даже не осознавал этого. Чуть замедлял шаг, пристально всматривался в лицо очередного воина, усмехался уголком рта. И шел дальше. Словно испытанию подвергал лучших ратников Илдока: не дрогнет ли кто, не попятится, не опустит ли глаза под мрачным взглядом чужака? Не все выдерживали такое одинаково стойко, но явно слабых не отыскалось. Иные бледнели, краснели, супились, до судорог сжимали рукояти мечей, но не отступил никто.

– И чего он ищет? – поморщился Оминас. – Не мальчишки собрались, не пахари голопузые, разных рубак видели... Я бы... Нет, по доброй воле, конечно, не вяжусь, хотя занятно бы схлестнуться. Если б еще в настоящей битве... Как ты там, дружище, говорил насчет его огрехов?

– Ракутана с ног свалил, а сам о нижнем уровне забывает, – продолжил Гои, неотрывно следя за Ксуамом. – Оно верно: великану туда все равно не достать. Однако более из-

воротливый...

Айнар в беседе товарищей участия не принимал. Он прекрасно знал, кого ищет чужеземец. Разумеется, речи не шло о том, чтобы спрятаться, тем не менее и помогать врагу от-
торо не стремился. За спинами не укрывался, вперед не лез,
просто дожидался своей очереди. Выкроил даже момент
обернуться к Оминасу:

– Кимит, будь любезен, кликни моего слугу. Он где-то сза-
ди околачивается.

– Сюда? – удивился рослый урмат. – Зачем?

– Кликни, понадобится.

И сразу поворот обратно, дабы встретить угрозу лицом
к лицу. Та уже приблизилась вплотную. Рядом подобрался
Гои, но Ксуам, похоже, вообще не заметил его. Взор чужака
вдруг посветлел, блеснул и впился в Айнара.

Ристалище притихло, стоило тигону остановиться. Новое
столкновение характеров, секундное противоборство взгля-
дов – вновь никто не взял верх. Через миг Ксуам отшагнул.
Деревянный меч в его руке взмыл, указывая на грудь Айна-
ра, потом еще выше – в салют.

– Ох ты... – выдохнул Оминас.

Подоспел взмокший мастер церемоний, осмотрел, отду-
ваясь, действо.

– Благородный Годой, принимаешь ли ты вызов, брошен-
ный благородным Ксуамом?

– Принимаю, – произнес Айнар сквозь зубы.

Пустые формальности. Традиция требовала их соблюдать, хотя оба воина мыслями находились уже в бою. Они пожирали друг друга глазами и словно напивались от этого яростью.

– Только благородному гостю, – добавил отторо, – придется малость потерпеть, пока я не одену доспехи. Или, может, он предпочитает поединки с незащитными?

Лицо Ксуама исказила гримаса.

– Твой предшественник, кимит, был отлично снаряжен, однако броня его не спасла.

– Постараюсь не повторить его ошибку – не поскользнуться на ровном месте.

– Уж постарайся, пожалуйста, а то поединок опять провозгласят сорванным. Неудобно как-то получится.

Обменявшись такими, вполне заурядными колкостями, воины скупно поклонились и разошлись. Перед Айнаром расступались люди, сочились шепотки, мелькали лица – вроде бы знакомые, а смотрят, точно видят в первый раз. Лишь один человек дерзнул преградить дорогу – естественно, Оминас.

– Уверен, что готов сражаться с этим бесом? – урмат сгреб друга за плечи и встряхнул легонько. – Ты ведь едва опамятовался после стрельбы!

– Он тоже недавно закончил драться, – ответил Айнар, отстраняясь и от рук, и от тревожных заглядываний в глаза. Накопленной ярости следовало не расплескать ни капли.

– Только не забывай, что предстоит не простая схватка. Он же Ракутана чуть не добил! Вопреки всем обычаям, видел?! Звереет, мерзавец, и изувечить способен походя.

– Пусть попробует.

Оминас еще продолжал что-то говорить, убеждал – Айнар почти не реагировал. Молча созерцал, как слуги сгружают с мула тяжелое снаряжение, молча принялся облачаться. Подошедший Гои спросил суше:

– Рассчитывал с самого начала? Потому и латы велел при-
тащить?

– Не рассчитывал, – буркнул Айнар. – Предчувствие свер-
бело. Правда, опасался больше не Ксуама, а наших неудач
на турнире. И, как выяснилось, не зря.

– Ради денег готовился даже драться? А зарок?

Оба покосились на Оминаса – по его левой щеке, залезая
на шею, змеился розовый шрам. Очень хорошо все срослось,
хотя три года назад рана, полученная в горячке турнирно-
го боя, едва не стоила урмату жизни. Случайный тычок –
и кровь из разодранной плоти брызнула ручьем. К счастью,
сыскался рядом сноровистый лекарь, унял, зашил. А корив-
ший себя за оплошность Айнар с тех пор зарекся выступать
в турнирах с мечом. Только лук, изредка – копье. Зарок дер-
жался без малого три года, до нынешнего дня.

– Не уклоняться же от прямого вызова? – пожал плечами
Айнар. – Все видели. Позор до погребального костра потом
не смыть.

Гои внимательно посмотрел на друга.

– Сам, то есть, биться не желаешь? Нет? Ну, чего засопел?

– Ксуама проучить нужно, – бросил Айнар, промедлив. – Зарвался хуже Ракутана. В гости к нам прибыл и нас же оскорбляет, мыслимо ли?!

– Выходит, тоже зуб отрастил... Ладно. Главное – чувства свои буйные держи в узде.

– А то я не знаю.

– Все равно позаботься, – настоял Гои. – И о подсказках помни: осторожность, контратака, ноги... Может, выручат.

На протяжении всего разговора вокруг суетился Ориема. Встрять он не осмеливался, но, возясь с завязками доспеха, громко вздыхал и тщился заглянуть снизу вверх в лицо господину. Физиономию при этом имел скорбную донельзя. Ведь как на казнь провожал, дурак! Пришлось Айнару отвернуться к напряженно шумевшему ристалищу.

А тут вдобавок, когда облачение завершилось, появился Дитоми. Очень серьезный, сосредоточенный.

– Готов? – охлопал наплечники бойца. – Смотри, кимит, в твоих руках сейчас честь страны, понимаешь? Князь будет наблюдать.

– И что? – покривился Айнар – лишние напутствия начинали раздражать.

– Оценит твоё рвение, – невозмутимо ответил аннин. – Дрогнешь – накажет, справишься – наградит... Или простит былые прегрешения.

Айнар вскинул голову, но опять не сумел ничего внятного прочитав в каменно-серых глазах.

– Спрашивал у него? А следующий шаг в ряду Ближних позволит?

– Следующий? – усмехнулся Дитоми. – Что ж, подумаем и о следующем. В любом случае поединок способен значительно приблизить тебя к продвижению. Помни.

«Еще чего», – мысленно огрызнулся отторо. Уже в школе Эду мальчишкам вдалбливали: убереги Небеса строить в ходе боя какие-либо планы на будущее или подводить итоги прошлого. Пусть это потребует лишь каплю внимания, но почему-то именно капли тогда и не хватает. Обязательно. С самыми печальными результатами. Неужто Дитоми такого не говорили? Или они с князем решили усложнить своему равному бойцу испытание? Считают основное чересчур легким?

Противник безмолвно прохаживался в отдалении – черный силуэт, безразличный к жаре и крикам. Простонародье из кожи вон лезло, стремясь поддеть чужака обидной остротой; дворяне хмурились, перешептывались или заносчиво выпячивали грудь. Безо всякого, впрочем, толку. Оживилась публика только с появлением Айнара.

Гам, свист. Сотни глаз вперились в бойца. Почти как на конной стрельбе, разве что шума побольше да глаза горят истовее. Нешуточное дело – спасти честь княжества, а, по сути, честь каждого воина, горожанина или оборванца

на прокаленном лугу...

Все! Забыть. Никакой чести, никаких князей, исключительно стук пульса в висках, заглушающий рев множества глоток. Вместо копошения пестрой толпы – противник в блестящей чешуе, двинувшийся навстречу. Враг, пусть и не приветствуется такое звание на турнирах. Айнар кожей ощутил тугую волну ненависти от Ксуама. А заодно свою, вскипевшую в ответ. Это хорошо. Если грамотно управлять, ярость способна превратиться в сокрушительную силу. Главное – суметь управлять...

Бойцы остановились на трех шагах. Выслушали трубы. По знаку Дзиргема исполнили положенные поклоны: князю, дворянству, сопернику. Затем короткая пауза. Айнар коснулся ладонью груди – там, под доспехами, прятались три амулета: янтарная капля, данная еще матерью на счастье; снятый с первого поверженного врага – тигона, кстати – медальон, содержащий будто бы клочок волос самого Диара, и темно-красный рубин, побывавший в руках Макото – великого слепого пророка. Могучее получилось собрание, во всяком случае до сих пор оно оберегало от серьезных бед.

Рядом Ксуам потупился, шевелил губами, призывая, вероятно, Богов на свою сторону. Вроде и он трогал что-то у шеи... Воистину как перед смертельной сшибкой в бою, когда для победы используется все без остатка.

– Начали! – мастер церемоний засеменил прочь.

Одной рукой Айнар водрузил на голову шлем, другой пе-

рехватил удобнее меч. Несуразная, увесистая деревяшка мало напоминала привычное оружие – ни баланса, ни отточенности. Утешало единственное – врагу досталась такая же. Ему тоже тяжело в раскаленном железе, плечи тоже гнет к земле бремя предыдущих геройств, а тут в придачу дурацкая палка, которой нужно сражаться... Короче, сейчас условия для бойцов оказались равными.

Айнар скользнул вперед и чуть влево, в обход противника. Тот принял маневр. Сухо стукнулись клинки, еще – пока лишь прощупывание, разведка. Как и с Ракутаном Ксуам взялся разгонять меч. Он выписывал круги, восьмерки, точно стремясь заморозить одним зрелищем. И подступал все ближе. Только соперник теперь был иной. Отторо не собирался тягаться в мощи или скорости, его меч двигался мало, зато постоянно целил в грудь, аккуратно в середину блистательных доспехов. Ксуаму приходилось сперва отшибать оружие – оно легко отлетало, но тотчас возвращалось обратно. Чтобы вновь смирять неистовство атак.

Подобное кружение продолжалось довольно долго. Пыль, взбитая ногами бойцов, успела заслонить публику; пот заливал глаза; воздух просто исчез, обернувшись мерзким, горячим киселем, обжигавшим горло. А требовались активные действия – одной защитой, пускай даже искусной, поединки не выигрывают.

Сжав зубы, Айнар отважился напасть сам. Именно отважился – меч тигона мелькал сплошной стеной, с шипением

кромсая пустоту. Чудилось, любое оружие, сунувшееся туда, перемелет и уничтожит в момент. Причем вместе с рукой. Собственно, так едва и не случилось – выпад Айнара снесло в сторону, а последовавшая контратака чуть не оказалась роковой. Все же он вправду был незаурядным бойцом, этот иноземец. Крепкий мастер. Отторо с трудом вывернулся из-под шквала ударов.

Вроде бы с границы ристалища докатился свист. Простонародье, глупую чернь возмущает робость своего воина? Утрутся. Айнар видел, чувствовал, как понемногу замедляются, как тяжелеют взмахи вражеского клинка. Нет, не на нынешнем буйном солнце изображать из себя мельницу в ураган. Конечно, оба соперника вымотались, захлебывались потом и хрипло дышали, но Айнара, по крайней мере, не шатало. Значит, еще капельку потерпеть. И не давать неприятелю ни секунды расслабления... Вперед!..

С третьей атаки получилось. Меч отторо лишь на крошечный миг обогнал защиту, юркнул в смыкающуюся щель и достал голову Ксуама. Несильно, вскользь, однако то был уже успех. Радостно взвыл народ. Враг набычился и, рывкнув, устремился в бой совершенно безумно. Тоже прок – ярость дарила ему дополнительные силы, зато ослепляла. Переждав особо неистовый натиск, Айнар бросил клинок вдогонку. Тупое острие врезалось под грудь, жалобно звякнули чешуйки бесподобного доспеха. Тигон замер, словно изумленный пропущенным ударом, опустил руки, посмотрел на грудь,

на беснующуюся поодаль публику. Перевел взгляд на илдока — тот и не думал соблазняться замешательством противника, а переступал на месте.

Тогда Ксуам, вскинув меч к небу, зарычал разъяренным ранами зверем. Новый град ударов, быстрых и мощных как в начале поединка. И все-таки куда менее опасных. Отторо проваливал их один за другим, в паузах же частенько успевал стегануть сам. По голове или плечам — неважно, лишь бы сильнее разозлить. Пусть задохнется от бешенства, пусть окончательно забудет про осторожность и ринется напролом...

Тигон ринулся. Не раз. Правда, только первые попытки таили истинную угрозу, дальше постепенно прояснилось: чужак обрушивал очередной удар, соперник уворачивался или отводил, а затем бил, точно и расчетливо. Опять богатырский замах, удар, тело в чешуйчатой броне прокатывается всем весом мимо цели, а потом сотрясается от ответного выпада. И чем длиннее делались паузы между наскоками Ксуама, тем жестче настигал ответ. Изматывая болью, коверкая дыхание, губя остатки рассудка...

Когда противник без малейшей сторонней помощи, споткнувшись, рухнул на колени, отторо понял, что берет верх. Разумеется, Ксуам вскочил, по-прежнему страшный в ярости — это уже ничего не меняло. Подобные прорехи в защите Айнар не упустил бы даже в бытность учеником. Уклонение, удар, теперь во всю силу, наотмашь. Поединок превращался

в жестокое избиение. Тигона трясло и шатало, с разбитого лица капала кровь, однако он неизменно поворачивался для новой атаки. Слепой, бешеной. Еще более отчаянной, еще более обреченной...

Чудилось, ревущая кругом толпа согласилась бы наслаждаться таким зрелищем бесконечно. Ей не было дела до мучений Ксуама, она не замечала его стойкости, упиваясь главным – местью нахальному иноземцу. Зато Айнар в какой-то момент вынырнул из марева драки: не то пресытился успехом, не то постыдился сродства с голосащей чернью. А может, сжалился над упорно сопротивлявшимся врагом.

Ксуам уже еле держался на ногах, но опять норовил поднять меч обеими руками. Все-таки это был боец, достойный уважения, никак не насмешек простонародья. Значит, поединок следовало заканчивать. Под очередной замах тигона Айнар скользнул особо глубоко. Ударил прямо по коленям. Хруст, вскрик – болезненно, однако лучше, чем потешать толпу. Оставалось выскочить из-под падающего тела.

Враг рухнул наземь, грузно, ничком, в фонтан пыли. Сорвав с головы шлем, Айнар отшвырнул его. Отторо тоже качался, перед глазами пелена, в ушах – вой народа, воздуха не хватало, вдобавок подкатывала тошнота от заливавшего даже рот соленого. Тем не менее воин двинулся к поверженному тигону. Шел долго, тот успел перевернуться на спину и теперь нащупывал пальцами отлетевшее оружие. Соображал, вероятно, плохо, поскольку замер, лишь ощутив

упертое в горло острие. Именно так, унижение за унижение, не одному Ракутану пластаться на песке.

– При... Признаешь... что проиграл? – спекшиеся губы едва разомкнулись.

Чужеземец сглотнул, покривился, меч искать прекратил, но и отвечать не торопился. Только зло смотрел на победителя. А поторопиться стоило – Айнар не был уверен, не свалится ли сам без чувств рядом с врагом. Потому клинок покинул шею и поднялся выше. Ксуам окаменел, когда деревянное лезвие вплотную приблизилось к его глазу. Ристалище окаменело – подобные фокусы среди благородных воинов не поощрялись.

– Признаешь?

Даже тупое острие с легкостью смяло бы глазное яблоко, а зависло, почти касаясь ресниц. Вернее, острие колебалось – Айнар чудом сохранял равновесие. И еще большее чудо, что непоправимого до сих пор не произошло.

Томительная тишина в несколько ударов сердца. Где-то вдали вроде бы рос шум, недовольное гудение, однако вряд ли кто осмелился бы сейчас разнимать бойцов.

Тигон вновь судорожно сглотнул и дернулся, отстраняясь – земная твердь не пустила.

– Да... – выдавил он хрипло.

– Скажи громко и четко! – потребовал Айнар.

– Признаю... поражение...

Вот теперь все. Разом обмякли плечи, меч вывалился

из рук, свет быстро мерк. Отторо чувствовал, как сзади подбегают люди, но это было уже неважно – он упал бы в любом случае. Последнее, что успел запомнить – взволнованный голос Оминаса. И еще взгляд Ксуама, переполненный черной, испепеляющей ненавистью...

V

Человек вздрогнул, открыл глаза, застонав, сжал правое веко. Оказалось, за воспоминаниями и стародавними муками он не продвинулся ни на пядь. Зато поднакопил решимости. Итак, поджать ногу... Укрепить левый локоть, нащупать пальцами правой руки хоть что-нибудь. Рывок... Великий Каон! От обрушившейся боли потускнело вокруг. Человек испугался, не потеряет ли опять сознание, но нет... Выстоял... Переждал приступ... Итак, вновь – поджать ногу, укрепить...

Уже совершенно изнеможенный, он наткнулся на человеческое тело. Лежащее ничком, оно окостенело, почерневшая земля впитала кровь без остатка. Тем большего труда потребовало опрокидывание мертвеца. Спокойное, расслабленное точно у спящего лицо, разгладившиеся морщины, взгляд ясен как никогда. Словно и не было жестокой насильственной гибели. Прямо позавидуешь: зачем страдать, истязать себя борьбой за жизнь, раз по ту сторону царит такая безмятежность?.. Воистину заманчиво. Хотя, если вдуматься, эта встреча говорила и о другом. Человек медленно – как все теперь – закрыл глаза верному товарищу. Зло получит наказание и за него. А пресечь собственное бытие смертный всегда успеет. Пока поборемся...

Дверь распахнулась внезапно, без малейших стуков или

разрешений. Вошел Дитоми, энергичный и величественный в новой лимонно-желтой фуке. За ним – Гои с Оминасом, дальше копошились слуги, высовывали любопытные лица. Короче, в тесную комнатку ввалилась толпа, вполне достаточная, чтобы смутить кого угодно. Тем более в столь неподходящий момент.

– Вижу, здоров! – рывкнул аннин, улыбаясь во весь рот.

Бедняжка Сориго взвизгнула и забарахталась на постели, сляясь с головой спрятаться под тонким одеялом. Айнар обернулся недовольный.

– Нынче так принято вторгаться, кимит? А если здесь люди заняты?

– Вижу, чем вы заняты, – хохотнул Дитоми. – Еще в коридоре по звукам догадался.

– Тогда мог бы и подождать.

– Ничего, успеешь накувыркаться с подружкой, а тут дело срочное, безотлагательное. По поручению самого князя, да продлят Боги его дни.

У порога почтительно охнули.

– А народ зачем привел? – отторо по-прежнему хмурился.

– Этот? – оглянулся Дитоми. – Да благородные воины для тебя лучшие няньки и охранники, прочие же... Кыш!

Он не махал руками, не строил страшных гримас, даже голоса не повышал, однако скопище трактирных слуг немедленно кубарем ринулось вниз по лестнице.

– Надо было хозяйку срамить? – кивнул Айнар на слабо

вздрагивавшее одеяло. Кажется, там тихонько плакали.

– Ерунда, про ваши забавы, кимит, не только трактир, полагаю, целый город уже в курсе. Зато теперь мы доподлинно убедились, что ты вполне оправился после турнирных подвигов. Ходить способен?

– Пока не пробовал.

– Пускай лежит, – заговорил из-за плеча аннина Гои. – Приволокли ровно труп, очнулся утром, куда тут прыгать?

– Однако лишь сейчас он весьма резво прыгал, – ухмыльнулся Дитоми. – Ну ладно, пускай еще денек нежится в постели. Побеседуем так. Рассаживайтесь, кимиты.

Оминас не заставил себя упрашивать и опустился рядом с ложем товарища, но замешкался Гои.

– Что? – обернулся Дитоми. – Ах да. Подружку, кимит, придется выпроводить. Не уверен, сообщу ли секретное, но негоже, как понимаешь, простолюдинке слушать личные послания князя.

Вздрагивавшее одеяло замерло – перспектива пройтись голой на виду у посторонних мужчин испугала куда сильнее, чем стыд перед слугами.

– Ну? – подтолкнул Дитоми события.

Наконец Айнар, обведя взором веселые лица Ближних, склонился к подруге. Попробовал стянуть одеяло с головы, но Сорики вцепилась крепко. Тогда ограничился легким хлопыванием.

– Выйди, нам нужно поговорить.

После секундной паузы женщина все-таки зашевелилась – задерживать благородных господ тоже было боязно. Сперва высунулась, поморгала огромными, блестящими от слез глазами, затем принялась суетливо сползать на пол, одновременно обкручиваясь одеялом.

– Забирай вещи и отправляйся. побыстрее, – Айнар откинул истрепанное полотнище. Взамен Оминас бросил товарищу валявшийся под ногами женский халат. – Весь внимание, кимиты.

Однако воины начали не сразу, наблюдали, как закутанная в одеяло женщина семенила босыми ступнями к дверям. Сорики едва не падала, зато укрылась тщательно до крайности – прорех нескромные созерцатели не отыскиали. Обернувшись же она жалобно только у порога.

Айнар вздохнул. Похоже, ему опять суждено было ходить в виноватых. Да, разумеется, чистое безумство затевать любовные игры посреди бела дня, но не слишком ли суровым наказанием ответили Небеса? Понадобилось же Дитоми явиться в самый неудобный момент, в разгар, да еще притащить с собой ораву зрителей!.. А ведь как хорошо началось: Сорики, размягченная рыданиями над бездыханным телом раненого, вдобавок утомленная переполненной хлопотами ночью...

– Ты действительно выглядишь совершенно здоровым, – заметил аннин, продолжая усмехаться.

– Выспался на совесть, – буркнул Айнар. – Так что стряс-

лось? Кинуться в бой не обещаю, но выслушать сил хватит.

– Какой уж новый бой, когда вчерашний запомнится городу крепко.

– Неопишемое творилось! – воскликнул Оминас. – Стража еле народ удержала, все рвались к ристалищу. Вопили, буйнили... А тут в придачу ты упал – тотчас крик, будто тигон ударил исподтишка. Долго разгоняли дебоширов...

Айнар пожал плечами.

– Обыкновенный поединок.

– Ну, не скажи! И поединок удался на славу, и публика прониклась. Ты ведь непобедимого чужака одолел! Честь княжества защитил! Тебя нынче из конца в конец Шораи... В общем, восхваляют на каждом углу.

– Да? А кормить даром в харчевнях готовы?

– Вот это вряд ли, – хмыкнул молчаливо сидевший Гои. Помедлив, добавил: – Жадность природная не позволит. И в лавках на серьезные подношения не рассчитывай – скидку герою, может, сделают, но даром... вряд ли.

– Ладно, теперь сумеем заплатить.

Ближних, однако, подобная мысль отнюдь не вдохновила, они даже не улыбнулись. Айнар насторожился:

– Что такое?

– Я собственно, – кашлянул Дитоми, – пришел как раз по денежному вопросу, кимит. Формально ведь тебе полагаются нешуточные награды...

– Их кто-то оспаривает?

– Нет, – аннин говорил легко, лишь чуть обозначая смущение. – Никто не оспаривает, награды твои. Формально.

– Брось эти хитромудрые словечки, кимит, – Айнар поморщился. – Прямо объясняй. Мне не хотят отдавать завоеванное в честном поединке? Князь?

– Политика, – уточнил Дитоми. – Нам, простым воинам, вправду незачем вникать в тонкости дворцовых интриг, достаточно, что князь передает тебе два... пожелания. Надеюсь, понимаешь?

– Вес пожелания господина? Понимаю. Так что нужно?

– Для начала он просит не спешить с требованием призовых выплат.

Отторо нахмурился.

– Долго?

– Месяц, два... То есть до конца грядущего похода. Сумма ведь внушительная, а в казне недобор, любая монета на счету.

– Очень верно замечено – на счету! И у нас тоже!.. Бесово семя, неужели князю не известно, что снаряжение к походу стоит денег?

– Не кипятись, – Дитоми даже придержал резко побледневшего Айнара. – Господин в курсе. Он неустанно заботится о своих воинах, потому передает со мной столько, сколько целесообразно.

Аннин извлек на свет солидного вида кошель.

– И сколько целеса... там?.. – вытянул шею Оминас.

– Четыреста серебряных цер.

– Маловато, – вздохнул урмат.

– Мало, – жестче подхватил Гои. – Снаряжение нашей компании потребует впятеро больше, а приз дал бы втрое!

– Увы, – Дитоми развел руками, – господин, вероятно, не предполагал обеспечивать троих. Одному же этих денег достаточно.

– Мало, – вступился за друзей Айнар. – И князь прекрасно осведомлен о нас. Может, лучше он накинёт ещё полтысячи монет, а мы бы после вернули из добычи?

– Не получится.

– Но ему же нужны хорошо вооруженные бойцы, не боясь, так? Иначе – осмеяние, стыд, если не поражение! Положим, мне денег хватит, а как прикажешь выкручиваться моим товарищам?

– Выкрутятся, – хмыкнул по-прежнему беспечный Дитоми. – Ты поможешь, сами наскребут... Уверен, отыщут пути. Заодно капельку уму-разуму научатся, глядишь, впредь остерегутся спускать жалование на кутежи да игры.

– Это чего же? – Айнар набычился. – Солнцеликий надумал нас вразумлять, точно желторотых мальчишек? Как щенков в дерьмо носом тыкать?

– Не кипятись... Как ещё вразумлять, если матерые воины порой хуже мальчишек? Слышал во дворце? То не пустые угрозы были – укорот надобен вольнице...

– Я к князю пойду.

– Глупо. И вообще не советую, кимит, буянить – судьба способна огрызнуться. Ну как объявят, что победителем турнира тебя считать нельзя? Ведь, повергнув тигона, предварительных схваток ты избежал, разве нет? Здесь вопрос щекотливый.

– А если промолчу, он никому даже в голову не придет? – покривился Айнар. – И победу мне в результате оплатят?

– После возвращения из похода. Тогда, убежден, найдется чем.

Айнар выдержал долгую паузу, хотя упорствовать, по сути, смысла не имело. С кем спорить? Сидзиро явно принял решение, а менять его терпеть не мог. И кому спорить? Уж наверняка не отторо со скандальной репутацией.

– Мне тоже думать о пользе казны? – спросил Гои.

– Нет, у тебя сумма скромная, получишь на днях. Трудности только с главной наградой. Так что ответишь, кимит?

– Ладно, – выдавил Айнар. – Потерпим с призом. Ведь остаются еще доспехи Ксуама, которые цены огромной... Или я опять ошибаюсь? Как он там?

– Плохо, – Дитоми оскалился. – Нogu ты ему повредил на совесть, до конца года, полагаю, хромать обречен. И в поход не попадет.

– Ничтожная потеря! – фыркнул Оминас. – На кой нужен союзник, мечтающий единственно всадить тебе нож в спину? Лучше уж иметь на одного бойца меньше, чем...

– На двух.

– Что?

– На двух бойцов меньше, – повторил аннин бесстрастно. – Не забудьте о Ракутане – его тоже лечение ожидает долгое. Двое могучих воинов за банальный праздничный турнир – по-вашему, ничтожные потери?

– Но мы-то здесь ни при чем, ты же понимаешь?

– Понимаю. Хотя трудностей в грядущих сражениях все равно теперь прибавится.

– Справимся, – заявил урмат подчеркнуто бодро.

Даже разговаривая с ним, Дитоми почти не отрывал взгляда от Айнара. Полуголый, еле прикрывшийся пестрым женским халатом, молодой воин сидел на ложе понуро – то ли слабость после геройств одолевала, то ли дурные предчувствия.

– Надеюсь, справимся, – кивнул аннин. – Особенно с помощью новых, хвала солнцеликому, союзников. А по поводу ножа в спину... Не лишено некоторого смысла. Болтают, Ксуам мечется, подушку зубами грызет от злости, рычит – насилию удерживают.

– Боец блестящий, а поражения в честном поединке принять не сумел? – хмыкнул Айнар. – Жаль, я думал о нем лучше.

– Тем не менее поступим на сей раз предельно великодушно. Когда принесут доспехи, ты откажешься от них.

– С какой стати?! – вскинулся отторо.

– Это вторая просьба князя, ясно? – отчеканил Дитоми. –

Если не до конца, то растолкую: нам не нужна сейчас ссора с едва обретенным союзником.

Айнар покачал головой, рядом поморщился Гои. Возмущенный Оминас всплеснул руками:

– Да причем тут ссора? Дворяне в установленном месте и в разрешенное время скрестили клинки по всем правилам... Ведь от века положено победителю забирать доспехи проигравшего! Исключительно частное дело, ни грана политики! Откуда ссора с союзниками?

– Семья Ксуама нынче влиятельна среди знати Гайафы, он – в любимцах властителя... Впрочем, я уже говорил: не наша, воинов, забота распутывать нити интриг. Разве не достаточно четкого пожелания господина? Тигон получит назад свое добро, и давешние ураганы эмоций улягутся.

– А он-то готов все забыть? – буркнул Айнар. – Простить, обняться и воевать впредь бок о бок?

Старший помолчал, пристально глядя ему в глаза.

– Если не уймется, то будет виноват сам.

– Он и так будет... Бесово семя! – воскликнул Айнар с усталым раздражением. – Да не ты ли, кимит, убеждал меня вчера порадеть за честь княжества? Ну и вручили бы проклятый приз гостям, коль их благосклонность так дорога! К чему затевали нашу с Ксуамом схватку?

На миг показалось – непроницаемое лицо Дитоми дрогнуло. В конце концов, он только передавал высочайшую волю и, вполне вероятно, осознавал уязвимость некоторых ре-

шений. Однако продолжалось колебание лишь секунду.

– Что ж, тогда требовалось подтвердить силу Илдока, – аннин вздернул подбородок, – теперь – его великодушие. Вчера ты отлично справился, кимит – надеюсь, справишься и дальше. Доступно изложил?

С этими словами он поднялся, отряхнул полы одежды.

– Счастлив, что застал тебя в здравии, благородный Годой, о чем не премину сообщить господину. Его порадует новость.

– Возможно на радостях, – разжал губы первый из оттор, – господин снизойдет до еще какой-нибудь скромной милости к своим верным слугам?

– Деньги? Я же сказал...

– Пусть не деньги, а, например... прощение грехов.

Дитоми, уже качнувшийся было к дверям, остановился.

– Старых или недавних?

– Недавних. Или, заявишь, до дворца ничего не долетало?

– Кое-что, – усмехнулся аннин. – Смутное. Вроде жрецы Каона жаловались на некие причиненные им обиды. Это?

– Это, – в признании риск имелся, но Айнар сразу понял, что тайны не открыл – собеседник промедлил только для виду.

– Хорошо, я замолвлю словечко. Если казна страны скудна, то милосердие князя – безгранично. На него и уповай, поправляясь... Кимиты...

Воины раскланялись.

Когда Дитоми вышел, в комнате с минутой царила тишина. Слышно было, как за окнами отчаянно вопят хмельные голоса – простонародье догуливало праздник, прежде чем разбрестись по домам.

– И что теперь? – хлопнул, наконец, ладонью Оминас. – Опять за пустым столом очутились?

– Нечего бушевать, дружище, – откликнулся Гои. – Беде этим не поможешь... Хотя досадно, конечно.

– Выходит, зря рвали жилы на турнире, – кивнул Айнар. – Какой прок в обещании больших денег через полгода, когда они нужны сейчас?! И позарез!

– О чем думает солнцеликий, заставляя своих воинов... – горячился урмат, однако Гои пресек возмущения:

– Держите себя в руках, кимиты! Здесь не кричать, а размышлять пристало. Трезво размышлять.

– О чем? Что можно было испробовать, давно испробовано!

– Во-первых, есть кошель князя, – Гои сохранял бесстрастие с трудом, но куда успешнее товарищей.

– Четыреста монет серебром? Мало! – рявкнул Оминас. – Нам и тысячи вряд ли хватит.

– Во-вторых, лишний раз перетряхнем сундуки – вдруг что заваялось?

– Там продано все кроме мышинового помета!

– Ну, тогда... самые крайние меры. У каждого ведь отыщется сокровенное, тщательно сберегаемое? У тебя – ши-

хонский перстень, у Айнара – конь и меч...

– Я скорее руку отдам, – буркнул мрачный Айнар.

– Это не спасет. Пойми, дружище: мы обязаны участвовать в походе, иначе запросто окажемся нищими бродягами. А в походе обязаны выжить, для чего надо снарядиться, как подобает. Заметь, я не говорю сейчас о позоре с насмешками – мы должны выжить! Естественно, не запятнав честь и стяжав славу.

– Понимаю не хуже тебя.

– В таком случае согласись: поменяв твоего Дикаря на другого и очень хорошего коня, мы многожды покроем...

– Нет.

– На перстень тоже не рассчитывай, – вставил Оминас. – Он будет при мне до последнего вздоха! Память...

Гои всплеснул руками, словно призывая Небеса повлиять на упрямцев, и смолк. Посидели в тишине. Лишь через минуту Оминас не утерпел, полюбопытствовал:

– Кстати, а у тебя-то что, дружище, припрятано? Вроде никакими диковинками не хвастал...

– Не важно, – отмахнулся Гои. – Если никто не желает пожертвовать личным сокровищем, предлагаю исключительное средство. Багран.

– Грязная затея, – моментально скривился Оминас.

– Зато надежная. Для кровопийцы пара тысяч монет – пустяк, даже не почувствует.

– Угу, почувствует только нож у горла, – хмыкнул Айнар.

– Великолепно, назовите другой выход.

Опять тишина. Отторо переглядывались, но свежие идеи породить не сумели.

– Когда? – вздохнул в конце концов Айнар.

– Несколько дней дела потерпят, – прикинул Гои, – и ты аккурат успеешь оправиться.

– Я здоров. Хоть немедля в бой.

– В бой – возможно, однако с Баграном ценнее силы, дружище, окажется грозный вид. Перестанешь бледным шататься, вот и пойдем.

Айнар поморщился.

– Ох, надо было у князя сразу вперед прощения вытребовать.

– И попутно у ростовщика, – добавил Оминас. – Эта тварь в состоянии злобу затаить.

– Полно, кимиты! – улыбнулся Гои приунывшим товарищам. – Сочиним план, продумаем детали, хорошенько подготовимся – кого нам тогда опасаться? Ну! Взбодритесь! Или между небом и землей существует уже нечто, способное устрасить человека с мечом?

За напряженной суею минула без малого неделя. В столице окончательно стихли отголоски праздничных настроений, но сменились не будничной рутинной, а каким-то ожиданием, невнятным и лихорадочным. Хотя по-прежнему ничего вроде бы не объявлялось, в каждом шепотке, каж-

дом взгляде на улицах чудилось таимое возбуждение. Капля за каплей из дворца просачивались слухи. А тут благородное сословие, зачистившее к оружейникам, в мастерские, где работа заметно оживилась. Да вдобавок торговцы, потянувшиеся с весьма характерным товаром – такой не встретишь на простой ярмарке. Кроме того, с караванами пожаловали еще гости.

Наемникам кипевший вечной войной Диадон дарил возможность жить очень недурно. Едва затихала одна распря, как где-то по соседству вспыхивала новая – только успевай шевелиться. Если везло, подобным промыслом всерьез обогащались, причем больше за счет военной добычи, нежели денег нанимателя. Если не везло... Примкнувшему к проигравшей стороне приходилось уповать лишь на быстроту ног – на поле боя наемников не жалели ни свои, ни чужие, ни товарищи вчерашние. Потому именно наемники нередко первыми срывались в бегство. И отношение к ним среди воинов сложилось соответствующее.

Нынче дороги княжеств топтала настоящая каста ратников по найму, опытных, искусных, знакомых друг с другом чуть ли не поголовно. Убыль их рядом особая не досаждала – наемники слишком берегли себя, прибыль тоже – крестьян, польстившихся на легкий хлеб, обычно выкашивало вскорости. Опять же использовалась немногочисленная каста по преимуществу для стрельбы. Хоть и владевшие отлично луком, дворяне предпочитали рукопашные схватки,

а давать такое оружие пахарям смысла не имело вообще. Оставались наемники. Вероятно, передовые из этих молодых в пропыленных добротных одеждах и взбудоражили город: вроде бы они лишь чинно беседовали у дверей трактиров и чайных, опираясь на древки длинных луков, но кто поверит, будто стервятники слетелись ненароком? Теперь Шо-раи жил предчувствием войны.

Даже без прямого повеления Ближние усердно взялись за подготовку. Пожалуй, только троих занимало иное. Не сказать, чтобы компания трудилась в поте лица – напряжение присутствовало главным образом нервное. И Гои, взваливший на себя планирование, и Оминас, занявшийся оружием с лошадьми, в действительности целыми днями просиживали в заведении Сорики. Поначалу это оправдывалось якобы заботой об Айнаре, который постепенно приходил в себя, затем... никак не оправдывалось. Денег не было ни на кутежи, ни на любовниц, встречаться же в мастерских с выбиравшими снаряжение соратниками не хотелось. Да и что делать в мастерских обладателям пустых кошель? Изредка кто-то отлучался из-за стола, пропадал несколько часов, после чего возвращался с видом усталым и гордым. Естественно, возвращался обратно за стол – Сорики продолжала стоически кормить-поить всю компанию. А тут еще время от времени забегал Киенео. Молодой воин вроде бы излечился от турнирных обид, но был неразговорчив, ограничиваясь участием в дружеских ужинах. Попытавший-

ся успокоить хозяйку новыми обещаниями Айнар получил в ответ лишь очередной печальный взгляд.

Сигналом к исполнению задуманного послужила долгожданная весть из дворца: князь назначал поход через три недели.

– Семнадцать Ближних поедут с ним, – рассказывал Гои тем же вечером подробности. – Мы тоже, друзья. По старой дороге на Шихан, далее – к Резному перевалу.

– А тигоны? – спросил Айнар.

– Посыльный не желал откровенничать, но я пошептался с Дитоми: союзники войдут на земли Ямауты со своей стороны. Соединимся вблизи границы.

– Союзники, сожри их печень... – фыркнул Оминас, но Айнар прервал:

– Тогда что? Сегодня?

– К чему тянуть? – пожал плечами Гои. – Раньше сделаем – и на душе спокойнее, и с хлопотами успеем закончить.

– Может, все-таки не сегодня, кимиты? – предложил урмат. – Высоки стены дворца Сидзиро, а город, по-моему, что-то почуял. На улицах народу не в пример вчерашнему, шумит, глазеет. Не заметил бы кто случайно... А вот стихнет гам...

– Не стихнет. Скорее пуще любопытствующие зеваки столпятся, точно ничего не провернем. И помни, дружище: мы не воевать направляемся. Чтоб без драк, без грохота, без мертвецов... сверж неизбежного.

– Как Боги распорядятся, – ухмыльнулся Оминас.

Сборы вышли недолгими: меч с ножнами в руку, дорожный плащ – на плечи. Даже слуг не взяли, неугомонному Ориеме наказали охоть и причитать в темной комнате.

Когда спустились во внутренний двор трактира, начали сгущаться сумерки. С небес сыпалось мелкое водяное крошево, то и дело взметаемое порывами холодного ветра – от недавней сумасшедшей жары не осталось и следа.

– М-да, – пожившись, Оминас плотнее запахнул плащ. – Лето кончается – самое время затевать поход. Тем более на север.

Товарищи не спорили, однако и поддерживать разговор не спешили. Молча пересекли пропахший влажной пылью двор, вывели из конюшни лошадей. Даже могучий Дикарь вздрогнул, очутившись под противными стылыми каплями.

– побыстрее бы разобраться с этой гадостью, и домой, – вздохнул Оминас.

– Под крышу, в тепло, – подхватил Гои, – к кувшину доброго вина... Славно. Вот только немного обогатимся, кимиты, и сразу назад. А про погоду... Очень, скажу, замечательная погода – меньше шансов наткнуться на толпы зевак у дома Баграна.

– Лишнего врага себе наживаем...

– Чепуха, одолеем. С детства, почитай, сражаемся с целым миром, а уж несчастного карлика подавно одолеем... Кстати, Айнар, отныне можешь спать без тревог – во дворце болта-

ли, дескать, посольство Гайафы не сегодня—завтра отбудет. И твой покалеченный недруг вместе с ним.

Устраивавшийся в седле Айнар лишь хмуро кивнул. О Ксуаме за неделю мало что было слышно. Как и полагается, наведывалась пара его воинов, замкнутых и надменных, приносила тот самый чудесный чешуйчатый доспех. Как велел князь, отторо от добычи отказался. Правда, предпочел не объясняться, не просить извинения – получилось довольно резко. Чуть ли не оскорбительно. Так, вероятно, его и поняли тигоны, поскольку отклонялись с ледяной холодностью...

На улице особой тесноты не обнаружилось – хватало любопытных глаз, но расчищать дорогу не потребовалось. Цокающие подковами по наезженной в камень земле кони весь путь проделали легкой рысцой.

Остановились у высоких, крепко сбитых ворот. Ни огонька, ни голоса. Даже празднующихся горожан здесь, чудилось, было меньше.

– Какая незадача, не спать ли отправился наш гостеприимный хозяин? – ворча под нос, Гои поднялся на стремянах и от души застучал по доскам рукоятью плети.

Эхо гулких ударов не успело раскатиться по улице, а в ответ уже лязгнул засов. Из распахнувшейся калитки высунулась крупная, плохо выбритая морда.

– Отворяй! – бросил привратнику Гои.

Морда, однако, выполнять приказание не торопилась, зато

внимательно оглядела каждого всадника.

– Вот ведь набрал себе Багран тупиц, – обернулся тигон к спутникам, совершенно не понижая голоса. – Ни самим сообразить, ни команды послушаться не способны. Единственно прохожих обличем пугать... Отворяй ворота, дурень!

Теперь щетинистая морда разинула-таки пасть:

– Э-э... Что нужно... господам?

– Не зли, сучий хвост, – навис над ним Гои. – Всякой черни дворян расспрашивать?! Язык отрежу и тебе же скормлю! Отворяй живо!

Для вящей грозности он схватился за рукоять меча, и страж дрогнул. Медленно отползла в темноту тяжелая створка ворот. Отторо двинулись внутрь, но коренастый, сутулый привратник переминался тут же, под ногами.

– Э-э... Как доложить хозяину?

Айнар огляделся. Обширный двор был пустынен: ни дерева, ни валуна, только извилистая тропинка бежала, растворяясь во мраке, к силуэту высокого здания.

– Давно не посещал? – усмехнулся Гои, проигнорировав слугу.

– С год, пожалуй. Обходилась как-то.

– Ясно, с дармовым содержанием... А мы, считай, каждую неделю наведывались, просили, ругались – лишь бы выплаты отсрочить. Отольются теперь кошке...

– Э-э... Как доложить?... – опять забубнили снизу.

– Поехали, – Гои тронул поводья и направил коня по до-

рожке.

Следом двинулись остальные воины; привратник, что-то воскликнув, промешкал – кинулся закрывать створку. Скрип засова за спинами настроения не улучшил, однако двор всадники пересекли без сопровождения. Действительно пусто, голый песок и редкие камешки, даже бурьяна или житейского мусора не отыскалось.

Зато едва темная, немая громада дома подползла ближе, на веранде засветились сразу два огонька. Гостей встречали с факелами угрюмые плечистые парни, чем-то неуловимо схожие со стражем ворот. Эти тоже постояли, всматриваясь, затем безмолвно расступились, освобождая лестницу. Когда согнулись в неуклюжем поклоне, стало заметно, что у каждого на поясе по короткому мечу.

Айнар покосился на Гои, но тот успел все оценить.

– Что-то нынче больно внушительную челядь Багран себе нанял, – произнес напрягшийся тигон. – Опасается кого?

– И двор вычистил, будто штурма ждет, – стражи не ответили, даже голов не подняли, пришлось откликаться Айнару.

– Проходите, кимиты, – подтолкнул сзади Оминас. – С кем здесь беседовать? Только время терять.

Воины миновали лестницу, широкие двери распахнул очередной охранник. Опять мощные плечи, оружие и хмурый взор, разве что речь послышалась более внятная:

– Как прикажете о вас доложить, господа?

Друзья переглянулись.

– Благородный Тием с товарищами, – объявил Гои. – Вернее, с товарищем – третий подождет снаружи.

Пока события текли сравнительно в русле сочиненных заранее планов, потому Оминас без возражений устроился рядом со стражами лестницы. Вполне беспечно обозрел обоих, похлопал ближайшего по плечу, а подоспевшему привратнику и вовсе скомандовал:

– Эй, любезный, придержи коней! Нет, не надо, сказал, никуда привязывать – мы долго не пробудем. Так постоишь.

Между тем охранник внутренних покоев места своего не бросил. Он лишь подманил какого-то мальчугана, похоже, слугу, который и ринулся сломя голову в темные коридоры. Последующие минуты прошли в гробовой тишине: дворяне старательно изображали беззаботность, но разговор не ладился, а стражи замерли точно каменные. Смотрели по-прежнему сурово, настороженно и молчали – только потрескивание пламени фонарей да стук капель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.